

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2020 – № 1 (выпуск 39)

Научный журнал

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лингвистика

д-р филол. наук, проф. **Н. Н. Широбокова** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор;
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селютина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора;
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Фольклористика

д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор;
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатова** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора;
Т. В. Дайнеко (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. **А. С. Булдыбай** (Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан); д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарёва** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук **Н. Р. Ойноткинова** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. **Ж. К. Орозобекова** (Институт манасоведения КГУ им. И. Арабаева, Кыргызстан); д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИИР); канд. филол. наук **Е. В. Тюнтешева** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. **Ф. Г. Хисамитдинова** (ИИЯЛ УФИЦ РАН); д-р филол. наук **А. Н. Чугункова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова); канд. филол. наук **А. Э. Чумакаев** (НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. **М. В. Бавуу-Сюрюн** (ТувГУ); д-р филол. наук, проф. **Б. В. Болдырев** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсялли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан); д-р филол. наук **Л. С. Дампилова** (ИМБТ СО РАН); д-р филол. наук, академик Абхазской академии наук **З. Д. Джапуа** (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия); д-р филол. наук, чл.-кор. **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН); д-р филол. наук, проф. **В. В. Илларионов** (СВФУ им. М. К. Аммосова); д-р филол. наук **А. Н. Каксин** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова); д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН); д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН); д-р филол. наук, проф. **О. Т. Молчанова** (Щецинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. **С. Ю. Неклюдов** (РГГУ); д-р филол. наук, проф. **М. Олмез** (Политехнический университет Йылдыз, Турция); д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия); д-р филол. наук, проф. **П. А. Слепцов** (ИГИИПМНС СО РАН); канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Италия); д-р филол. наук, проф. **Л. Харвилаhti** (Университет Хельсинки, Финляндия); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

ISSN 2312-6337

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Этномузыковедение

- Никольский А. В.* (Лос-Анджелес, «Браво Энтерпрайзис»)
Алексеев Э. Е. (Бостон, Международный институт Бостона)
Алексеев И. Е. (Якутск, СВФУ им. М. К. Аммосова)
Дьяконова В. Е. (Якутск, АГИКИ)
Как, где и когда складывались аутентичные варганные традиции Сибири и Дальнего Востока. Часть 1: Определения музыки, тембровой музыки и варганной артикуляционной системы 9–32
- Ларионова А. С.* (Якутск, ИГиИПМНС СО РАН)
Проблемы национальной терминологии стилей и жанров якутских народных песен 33–44

Повествовательный фольклор

- Арбачакова Л. Н., Кузьмина Е. Н.* (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Аудиозапись эпоса и его перевод: текстологические заметки 45–54

Обрядовый фольклор

- Лыгденова В. В.* (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)
Дашинамжилов О. Б. (Новосибирск, ИИ СО РАН)
Баргузинские буряты: численность, свадебные традиции (по материалам полевых исследований 2018–2019 гг.) 55–61

Фольклорный текст: комментирование и эдичия

- Лиморенко Ю. В.* (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Эвенские исторические предания, записанные на русском языке: практика расшифровки и комментирования 62–70
- Оросина Н. А.* (Якутск, ИГиИПМНС СО РАН)
«Песня о сотворении Матери-Земли» в записи К. Г. Оросина: к проблеме подготовки текстологического комментария в академическом издании 71–84

ЛИНГВИСТИКА

Лексическая семантика

- Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Вторичные значения глагола *чык* = ~ *сых* = 'выходить' в тюркских языках Южной Сибири и кыпчакских языках 85–99
- Чебоचाкова И. М.** (Абакан, ХакНИИЯЛИ)
О сочетаемости прилагательного *кичичек* 'маленький' в хакасском языке 100–107
- Чертыкова М. Д.** (Абакан, ХГУ им. Н. Ф. Катанова)
Языковая репрезентация внешнего образа хакасского мужчины: семантико-когнитивный аспект описания (по материалам художественных произведений) 108–117
- Андреева Т. Е.** (Якутск, ИГиЛ ПМНС СО РАН)
Лексические синонимы в эвенкийском языке (на примере прилагательных, обозначающих черты характера человека) 118–125

История языка

- Каксин А. Д.** (Абакан, ХГУ им. Н. Ф. Катанова)
Из истории изучения койбальского говора хакасского языка 126–137

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2020 – No. 1 (Issue 39)

Scientific Journal

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA. – 2020. – No. 1 (Issue 39)
Founded in 1995, the Journal is issued twice a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Linguistics

N. N. Shirobokova, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief;
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief;
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

Folkloristics

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief;
G. E. Soldatova, Candidate of Art History (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief;
T. V. Dayneko (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. S. Buldybay, Doctor of Philology, Professor (Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan);
A. N. Chugunekova, Doctor of Philology (Institute for Humanities Studies and Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakas State University); **A. E. Chumakaev**, Candidate of Philology (S. S. Surazakov Altaic Research Institute); **F. G. Khisamitdinova**, Doctor of Philology, Professor (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of the RAS); **N. B. Koshkareva**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS); **N. R. Oinotkinova**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **J. K. Orozbekova**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Manas Science, Arabayev Kyrgyz State University, Kyrgyzstan); **V. N. Solovar**, Doctor of Philology, Associate Professor (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development); **E. V. Tyuntesheva**, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

A. E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS); **M. V. Bavuu-Syurun**, Doctor of Philology, Professor (Tuva State University); **B. V. Boldyrev**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS); **L. S. Dampilova**, Doctor of Philology (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS); **A. V. Dybo**, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences); **Z. D. Dzhapua**, Doctor of Philology, Academician of the Abkhazian Academy of Sciences (D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities); **L. Harvilahti**, Doctor of Philology, Professor (University of Helsinki, Finland); **V. V. Illarionov**, Doctor of Philology, Professor (M. K. Ammosov North-Eastern Federal University); **A. N. Kaksin**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Studies and Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakas State University); **V. L. Klaus**, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); **M. G. Kondratyev**, Doctor of Philology, Professor (Chuvash State Institute of Humanities); **O. T. Molchanova**, Doctor of Philology, Professor (The University of Szczecin, Poland); **S. Y. Neklyudov**, Doctor of Philology, Professor (Russian State University for the Humanities); **M. Olmez**, Doctor of Philology, Professor (Yildiz Technical University, Turkey); **E. K. Skribnik**, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany); **P. A. Sleptsov**, Doctor of Philology, Professor (The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS); **G. B. Sychenko**, Candidate of Arts, Associate Professor (International Research Group for the Study of Turkic-speaking Music at the International Council for Traditional Music); **L. A. Shamina**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS); **F. Y. Veysalli**, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan)

ISSN 2312-6337

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru
Official website: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

CONTENTS

FOLKLORISTICS

Ethnomusicology

Nikolsky A. V. (Los Angeles, “Braavo Enterprises”)

Alekseyev E. Ye. (Boston, International Institute of Boston)

Alekseyev I. Ye. (Yakutsk, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University)

Dyakonova V. Ye. (Yakutsk, Arctic State Institute of Art and Culture)

How, where and when authentic traditions of Jaw Harp music of Siberia and the Far East have been forming. Part 1: Defining music, timbral music and Jaw Harp’s articulatory system 9–32

Larionova A. S. (Yakutsk, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Problems of national terminology of styles and genres of Yakut folk songs 33–44

Narrative Folklore

Arbachakova L. N., Kuz’mina E. N. (Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Audio recording of the epic and its translation: textological notes 45–54

Ritual Folklore

Lygdenova V. V. (Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Dashinamzhilov O. B. (Novosibirsk, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Barguzin Buryats: population size, wedding traditions (based on the field research materials of 2018–2019) 55–61

Folk Text: Commenting and Edition

Limorenko Yu. V. (Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Even historical legends recorded in Russian: practice of transcription and commenting 62–70

Orosina N. A. (Yakutsk, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

“The song of the creation of the Mother-Earth” recorded by K. G. Orosin: preparation of textological comments in the academic publication 71–84

LINGUISTICS

Lexical Semantics

Shagdurova O. Ju. , Tyunteshva E. V. (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)

Secondary meanings of the Verb *čiq= ~ six=* 'to go out, to leave' in Southern Siberian Turkic languages and Kipchak languages 85–99

Chebochakov I. M. (*Abakan, Khakass Research Institute of Language, Literature and History*)

On the compatibility of the adjective *kičžek* 'small' in Khakass 100–107

Chertykova M. D. (*Abakan, N. F. Katanov Khakass State University*)

Linguistic representation of the external image of a Khakass man: semantic-cognitive aspect of description (based on literary works) 108–117

Andreeva T. E. (*Yakutsk, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)

Lexical synonyms in the Evenki language (a case study of adjectives denoting the traits of a person's character) 118–125

Language History

Kaksin A. D. (*Abakan, N. F. Katanov Khakass State University*)

From the history of studying the Koibal dialect of the Khakass language 126–137

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ЭТНОМУЗЫКОВЕДЕНИЕ

УДК 398.1+398.2+398.41+398.8+781.7
DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-9-32

Как, где и когда складывались аутентичные варганные традиции Сибири и Дальнего Востока. Часть 1: Определения музыки, тембровой музыки и варганной артикуляционной системы

А. В. Никольский¹, Э. Е. Алексеев², И. Е. Алексеев³, В. Е. Дьяконова⁴

¹ «Браво Энтерпрайзис», Лос-Анджелес, США

² Международный институт Бостона, Бостон, США

³ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

⁴ Арктический государственный институт культуры и искусств, Якутск, Россия

Аннотация

Авторы статьи выявляют главные моменты эволюции аутентичной тоновой организации варганной музыки в контексте хронологии ее географического распространения. Специфика фонологии варганной игры рассматривается в сравнении с фонологией пения и речи. На основе теории гармонического остатка и теории гармонического шаблона предложена модель фонологической классификации варганной артикуляций. Вскрыта взаимосвязь между механическими свойствами материала, из которого изготавливается варган, с акустическими свойствами варганного звука. Из их взаимосвязи выводится типология спектральной фактуры и общая картина развития типов варганной фактуры по направлению от полифонической к гомофонической организации с увеличением дифференциации фактурных элементов. По совокупности имеющихся данных, возникновение пан-культурной варганной традиции может быть датировано 5–3-м тыс. до н. э. – после складывания традиции личной песни и до формирования существующих языковых семейств Сибири и российского Дальнего Востока. Первая часть статьи посвящена вопросам определения и номенклатуры терминов, наиболее важных для описания музыкальных произведений, созданных в рамках традиционных культур тембровой музыки, а также для восприятия структурных особенностей такой музыки.

Ключевые слова

этномузыковедение, варган (хомус), определение музыки, тембровая музыка, этический и эмический подходы, ладовая аутентичность, тональная и тоновая организации, звуковысотный и тембровый лады, псевдочастотные лады, варганная артикуляция

Для цитирования

Никольский А. В., Алексеев Э. Е., Алексеев И. Е., Дьяконова В. Е. Как, где и когда складывались аутентичные варганные традиции Сибири и Дальнего Востока. Часть 1: Определения музыки, тембровой музыки и варганной артикуляционной системы // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 9–32. DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-9-32

© А. В. Никольский, Э. Е. Алексеев, И. Е. Алексеев, В. Е. Дьяконова, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

How, where and when authentic traditions of Jaw Harp music of Siberia and the Far East have been forming. Part 1: Defining music, timbral music and Jaw Harp's articulatory system

A. V. Nikolsky¹, E. Ye. Alekseyev², I. Ye. Alekxeyev³, V. Ye. Dyakonova⁴

¹ "Braavo Enterprises", Los Angeles, United States of America

² International Institute of Boston, Boston, United States of America

³ M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

⁴ Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

This article reviews the milestones in the formation of acoustic, musicological, and cultural attributes of tonal organization in indigenous traditions of jaw harp music across Northeastern Eurasia – as related to the timeline of its geographic distribution. Phonology of jaw harp playing is compared to singing and speaking in establishing traits specific to jaw harp prosody. Based on the theories of harmonic residue and harmonic templates, a new model of phonological classification of jaw harp articulations is put forward. Phonological contrasts between jaw harp articulations are determined by the configuration of harmonics. Their configuration depends on mechanical properties of the material of which jaw harp is made. Different constructions of jaw harp produce different types of spectral texture. The general timeline of human mastering of various manufacturing technologies most likely determines the timeline of the succession of specific textural types. According to the entirety of the known information, the emergence of pan-cultural authentic Eastern Eurasian jaw harp tradition can be dated by 7–5 thousand years ago – after the establishment of the institution of personal song and prior to the formation of modern language families of Siberia and the Far East. The first part of this article defines the terminology required for accurate identification of music works created within the framework of traditional timbre-oriented music and for its adequate description. The article presents the preliminary results of the study of the perception of jaw harp articulations by its indigenous performers.

Keywords

ethnomusicology, Jaw Harp, definition of music, etic vs emic approaches, modal authenticity, tonality and tonal organization, pitch vs timbral modes, pseudo-pitch modes, Jaw Harp articulations

For citation

Nikolsky A. V., Alekseyev E. Ye., Alekxeyev I. Ye., Dyakonova V. Ye. Kak, gde i kogda skladyvalis' autentichnye vargannye traditsii Sibiri i Dal'nego Vostoka. Chast' 1: Opredeleniya muzyki, tembroy muzyki i vargannoy artikulyatsionnoy sistemy [How, where and when authentic traditions of Jaw Harp music of Siberia and the Far East have been forming. Part 1: Defining music, timbral music and Jaw Harp's articulatory system]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 9–32. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-9-32

В рамках традиционной «тембровой музыки», описанной в нашей предыдущей статье [Никольский и др., 2019], содержатся формы музицирования, которые, несмотря на культурную важность, сами их создатели «музыкой» в буквальном, узком смысле слова не считают. Можно сослаться на личную песню [Бродский (Богданов), 1976], скотоводческие заговоры [Кондратьева, 1996] и использование фоноинструментов [Лбова, Кожевникова, 2016]. Однако, подобные культурные феномены надо рассматривать как формы именно музыкальной коммуникации, культивирующие особые методы тоновой организации звукового материала, которые попадают в сферу музыкальной, а не речевой или сигнальной деятельности. Большинство таких феноменов представляют собой древнейший пласт музыкальной архаики, характеризующийся синкретическим переплетением различных модальностей восприятия (тембра, слова, жеста, и т.п.). Все они так или иначе подчинены задаче выражения некоего эмоционального состояния, отношения, настроения или ментального образа посредством фонической выразительности звука, которая как раз и составляет область музыкальной коммуникации.

Синкретизм выражения обычно включает элементы магии и анимистического мышления, поставленные на службу неким утилитарным назначениям (особенно типичным для фоноинструментов, которые, как правило, создаются для немusикальных целей). Самим носителям музыкальной архаики зачастую трудно заметить связь между музыкальными жанрами более поздних культурных явлений (песня, танец) и произнесением заговоров или игрой на фоноинструментах.

Еще более затрудняет идентификацию музыкальности подобных культурных явлений то обстоятельство, что механизм звукоизвлечения на них существенно отличается от звукопроизводства на таких более «зрелых» пан-культурных музыкальных инструментах, как флейта, гобой или скрипка, которые веками совершенствовались в благозвучности их настройки в рамках звуковысотно-ориентированных музыкальных систем. И если классические инструменты, как правило, настраиваются на определенную частоту и тональность¹, то фоноинструменты ориентированы на модулирование не высоты, а тембра [Nikolsky et al., 2020]. Они задействуют другие средства выразительности, которые исполнители на современных классических музыкальных инструментах рассматривают как технические огрехи и несовершенства (щелчок или дребезжание струны, шум дыхания и т.п.). Сходным образом классический вокал стремится подчеркнуть благозвучие натурального ряда фундаментального тона (ФТ) – в противовес «грязному» звуку гортанного и хриплого пения в некоторых архаических традициях Сибири и Дальнего Востока. И противопоставление звуковысотного и тембрового подходов к культуре звукоизвлечения далеко не ограничивается отдельными традициями – оно является фундаментальным и универсальным для эволюции музыки, где звуковысотные музыкальные системы, как правило, вырастают из тембровых систем.

1. Проблема этического и эмического подходов к музыкальному производству

Понимание тембровой музыки непременно требует ее звукового анализа. Принятие музыкального произведения, созданного в рамках тембровой традиции, за «дефективный» образец звуковысотной музыки является непростительной ошибкой. А идентификация тембровой ориентированности музыкального произведения попросту невозможна без всесторонней оценки мелодического контура, ритма, метра, регистров, динамики и артикуляции музыки. Только изучение каждого из этих шести наиболее принципиальных аспектов музыкальной выразительности способно выявить, подчиняется ли музыка закономерностям звуковысотной или тембровой организации. Такие поверхностные показатели, как присутствие горлохрипения или факт использования фоноинструментов, не должны замещать анализ музыкального произведения. Многие образцы тембровой музыки могут звучать довольно «чисто» и обходиться без фоноинструментов, оставляя единственную возможность идентификации их тембровой природы: путем установления присутствия неопределенной интервалики, тембровых классов, при отсутствии функциональных тональных связей между звуками музыки и дискретности их высоты и ритма. Иными словами, необходимо собрать доказательства того, что организация музыки осуществляется средствами не звуковысотного, а тембрового лада. А это требует выявления «ступеней» лада: звуковысотных или тембровых. Иногда, как это часто имеет место в вокальной и варганной музыке, такие ступени могут совмещаться по звуковысотной и артикуляционной гаммам [Оготоев, 1988].

- Музыка может выглядеть звуковысотной, но на самом деле быть тембровой.
- Музыка может выглядеть тембровой, но быть звуковысотной.
- Музыка может сочетать и звуковысотный, и тембровый лады – как по очереди, так и одновременно.

Разрешение этой трилеммы попросту невозможно без объективного научного подхода к анализу музыки и сбору этнографической информации. Требование это вряд ли вызовет возражения у большинства российских музыковедов, но для большинства западных этномузыковедов, особенно в США и Великобритании, оно выглядит совершенно неприемлемым – и отнюдь не по музыкальным, а по политическим соображениям. За последние 40 лет на Западе произошел кардинальный отход от прежних взглядов на музыковедение, в результате которого компаративистика и анализ музыки практически исчезли с горизонта американского и английского этномузыковеда. Начало этому плачевному исходу было положено принятием антитезы этического и эмического в методологии сбора информации еще в 1960-х гг.

¹ Последнее обстоятельство наиболее явно проявляется в современных духовых инструментах (кларнеты in A, B, Es, трубы in C, B и т.п.). Однако и струнные, а также ударные инструменты обычно настраиваются на определенную резонансную частоту, что делает инструмент более благозвучным для исполнения музыки в определенном ключе. Фоноинструменты не обладают такой избирательностью и гармоничностью.

В 1957 г. выдающийся американский лингвист и антрополог Кеннет Пайк ввел в обиход новый термин «*etic*» для обозначения взгляда на определенную культуру извне, от постороннего наблюдателя, в противовес термину «*emic*» – взгляду изнутри, с точки зрения прирожденного пользователя этой культуры [Pike, 1967]. Другой видный американский антрополог, Марвин Харрис, преобразовал Пайковскую антитезу, разграничив ее по бихевиористской линии: эмический подход он определил как адекватное ментальное понимание культурного явления аборигенным наблюдателем, тогда как этический подход – как неадекватное ментальное понимание, основанное на «переводе» явлений незнакомой для наблюдателя культуры в термины его родной культуры и потому скатывающееся к бихевиористскому истолкованию наблюдаемого явления [Harris, 1964]. Харрисовская версия антитезы завоевала признание среди антропологов и психологов, проникнув и в другие науки [Headland, 1990]. Развязавшаяся дискуссия со сторонниками Пайка привела к расколу между приверженцами точных и гуманитарных наук. По К. Пайку, этический и эмический аспекты представляют собой две стороны одной и той же медали – физическую и культурную, выбираемые ученым в зависимости от требуемого анализа, так что аутсайдер может выучиться анализировать как инсайдер, а инсайдер – как аутсайдер [Pike, 1990]. По М. Харрису же, аутсайдер обречен на неполное или ложное понимание чуждой для него культуры, что требует от ученого сегрегации его собственного эмического взгляда от эмического взгляда обывателя изучаемой культуры и строго бихевиористской оценки явлений этой культуры, но без какой бы то ни было ментальной интерпретации [Harris, 1990].

Этномузыкологи обсудили эту дихотомию на 32-й конференции Международного совета традиционной музыки (ICTM) в Берлине, в 1993 г. Согласно резолюции, большинство участников приняли сторону К. Пайка, признав этический и эмический аспекты неразрывными и взаимодополняемыми: эмические сведения могут быть категоризованы по этическим параметрам даже в том случае, если инсайдеры не признают правомерность приложения этических категорий [Baumann, 1993] (т. е. пасторальные заговоры являются музыкой, даже если их создатели не считают это музыкой). Такое правило уже превратилось в прочную традицию в органологии, где органологи, как правило, классифицируют инструменты этическим образом, невзирая на то, как их классифицирует эмическая традиция. Однако этот вывод был оспорен видным африканологом Герхардом Кубиком, который утверждал, что этический взгляд фундаментально абстрактен, в то время как эмический – конкретен, что требует от исследователя чуждой для него культуры выучивания таксономии этой культуры и ее анализа исключительно в родных для нее терминах [Kubik, 1996]. Это мнение нашло поддержку со стороны многих западных этномузыкологов, хорошо вписываясь в движение по все большей политизации этномузыкологии.

Еще в 1979 г., на конференции ICTM в Осло, британский музыковед Кеннет Гурлэй постулировал необходимость гуманизации этномузыкологии, призывая отбросить «притворство ее объективности» [Gourlay, 1982]. Ведущий американский этномузыколог Тимоти Райс отразил влияние этой идеи в своей авторитетной статье «Перестройка этномузыкологии»: он отметил, что из всех публикаций во влиятельном журнале «*Ethnomusicology*» за 1979–1984 гг. лишь 10 % содержали музыкальный анализ, и это не вызвало никаких нареканий с его стороны [Rice, 1987]. Многие этномузыкологи приняли воинствующее отношение к точным наукам: Дж. Беккер объявила музыку фундаментально непознаваемой, а попытки ее научного изучения даже «аморальными» [Becker, 1986]; К. Гурлэй же договорился до того, что отсутствие слов, переводимых как «музыка» в аборигенных языках, должно рассматриваться в качестве свидетельства отсутствия музыки у данного этноса [Gourlay, 1984]. По этой логике, если аборигенный язык не имеет слова для обозначения гравитации, то значит, гравитация отсутствует в данной точке планеты. «Гуманизация этномузыкологии» превратилась в растущую пропасть, разделяющую восточноевропейскую и западноевропейскую методологии: в то время как советская школа музыковедения стремилась взять на вооружение научный метод исследования и методологии точных наук (лабораторный анализ, эксперимент, статистический анализ, компьютеризация и т. п.), западные этномузыкологи отвергали такие усилия как бесперспективные и концентрировали свои исследования на музыкальном исполнении и его социальном контексте [Myers, 1993, с. 222–223].

По свидетельству Изаия Земцовского, преподававшего в наиболее престижных американских университетах, таких как Беркли и Стэнфорд, изучение музыкального текста в них оказалось подмечено изучением музыкантов [Zemtsovsky, 1997]. Множество новейших исследований не содержат ни

одного образца музыкального анализа для доказательства авторских выводов, базируясь исключительно на бихевиористских данных [Земцовский, 2002]. Такая ситуация превратилась в новый стандарт. Так, Джеф Тайтон, один из наиболее авторитетных американских этномузыковедов, вообще определяет дисциплину этномузыкологии как «изучение людей, создающих музыку» [Titon, 2015], а не изучение музыки, как это предполагает термин «этно-музыкология» (изучение людей проводится другой дисциплиной – антропологией). Анализ музыки оказался за бортом, потому что он следует научному методу изучения музыкальных объектов, а научный метод сам по себе является продуктом западной цивилизации – впрочем как и противопоставление эмического этическому [Messner, 1993]. Поэтому рекомендация Харриса отграничить эмический феномен от его научного изучения (которое он принимает за эмическое проявление западной культуры) противоречит сама себе².

Антинаучные тенденции бихевиористской этномузыкологии нашли поддержку в другой, не менее влиятельной, тенденции – политизации музыковедения на почве избегания каких-либо сравнений различных музыкальных культур. Эта тенденция, порожденная отвержением спенсеровской концепции прогресса культур в условиях всеобщего осуждения идеологии расового превосходства после разгрома нацизма, привела к полному отказу от развития компаративистики и принятию постулата об отсутствии общей эволюции и общей истории музыки, замененных множеством разрозненных «эволюций» и «историй» музыки каждого из этносов [Nettl, 2010, с. 70–92]. Эта тенденция рассматривается как компенсация за евроцентристские устремления довоенных поколений этномузыковедов, особенно немецкоговорящих. Она приходит в полное противоречие с положением дел в компаративной лингвистике, где межкультурный этический анализ фонетики и синтаксиса остается краеугольным камнем. К сожалению, музыкальная компаративистика находит воплощение лишь в горстке разрозненных экспериментальных исследований западных психоакустиков, лишенных поддержки систематического музыковедения, что приводит к общему преобладанию исследований западноевропейской тональности [Savage, Brown, 2013].

В такой ситуации совершенно необходимо расширить охват существующих музыкальных явлений, отточить номенклатуру категорий для их музыкального анализа и оптимизировать процедуру анализа для всех возможных видов организации музыки. Идея Кубика о самодостаточности исключительно эмического анализа музыки остается чистой утопией – лишь западноевропейская цивилизация преуспела в развитии средств для рационально-объективного изучения чужеродных культур. Остальные цивилизации ограничили свою сферу теоретизации сугубо эмическими рамками. Просто прискорбно, что такой авторитет в области анализа музыки, как Кофи Агаву из Принстона, в последние 20 лет пришел к интерпретации любой попытки анализировать африканскую музыку на научных основаниях как проявления «культурного колониализма» [Agawu, 2003]. Еще более досадно видеть, что такая крайняя политизация находит отклик даже у западных специалистов по точным наукам. Так, видный австрийский психоакустик Ричард Парнкатт пропагандирует утопические идеи Кубика и Гурлэя в своих исследованиях по восприятию консонанса и диссонанса [Parncutt, Hair, 2011]³.

Эмические теории музыки просто неспособны поддержать накопление объективных данных и исправление ошибок среди множества исследователей [Nikolsky, 2020]. Эмическая информация требует этического обращения [Dasen, 2012] и этической экспериментальной верификации [Agom, 2010]. В эмических теориях довольно часто встречается ситуация, когда несколько эмических экспертов расходятся в своих оценках родной для них музыки [Bozkurt et al., 2009], когда местная тео-

² Если строго придерживаться принципов музыковедения, провозглашенных Гурлэем, то вместо проведения исследований и преподавания в университете (которые являются атрибутами евроцентризма и этического подхода) этномузыковед должен переселиться в местность изучаемой им культуры и проводить время в исполнении музыки с местными музыкантами.

³ Так, Парнкатт и Хэйр пишут, что если в языках коренных народностей не содержатся слова, переводимые как «консонанс» и «диссонанс», то, значит, их музыка не содержит ни консонансов, ни диссонансов, а те западные ученые, которые настаивают на их присутствии, совершают акт политической репрессии по отношению к коренному населению. И это несмотря на то, что этологи опубликовали сотни исследований о восприятии диссонансов и консонансов различными животными, с которыми Парнкатт хорошо знаком. Если нервная система млекопитающих поддерживает автоматическое распознавание консонансов и диссонансов, то почему для животных это безотносительно к их неимению слов, а для человека нет?

рия продолжает опираться на устаревшую традицию, в то время как новые виды практики еще не получили теоретического признания [Nikolsky, 2016, Demonstration-1] или же когда существуют религиозные, социальные или этнические табу на рассмотрение и обсуждение определенных культурных феноменов [Ми, 1994]. Кроме того, эмический подход к сбору информации совершенно невозможен в отношении детей дошкольного возраста и домашних животных, неспособных поведать о своем восприятии, тогда как и детское, и пасторальное музицирование составляют важные отрасли музыкальной культуры. Изучение тембровой музыки также непременно требует этического подхода. И первоочередной задачей здесь является определение музыки.

2. Что именно является музыкой? – вопрос тривиальный, но редко находящий ответы

Каким бы само собой разумеющимся понятие музыки ни казалось, необходимо определить, что именно она собой представляет. С этого мы и начнем.

- Музыка является формой коммуникации посредством звуков, объединенных при помощи ладовой организации, как правило, включающей *использование мелодических контуров, ритмометрическое оформление и динамическую артикуляцию фразировки* звукового потока, – при условии, если они способны «увлечь» (entrain) музицирующих и их слушателей [Clayton, Sager, Will, 2005], *успешно передать эмоциональную информацию* [Vuilleumier, Trost, 2015] и *транспонировать передачу одного и того же содержания* через множество повторных актов воспроизведения одних и тех же звуковых структур [Cross, 2001].

- Это определение схватывает наиболее существенные моменты, позволяющие отделить музыкальные явления от немusicalных даже там, где имеет место нестыковка этических и эмических аспектов. Так, скотоводческие заговоры представляют собой музыку, потому что в них систематически используются специфические мелодические и ритмические рисунки для внушения определенного, «любящего», эмоционального состояния маткам, чтобы они изменили свое отношение к приплоду [Кондратьева, Мазепус, 1999]. Напротив, упражнения по улучшению техники музыкального исполнения, такие как игра гамм или арпеджио, не являются музыкой, потому что такая игра не преследует цели увлечь слушающих и не кодирует специфические выражения в мелодические, ритмические или артикуляционные элементы исполнения. Синхронизация эмоциональных изменений слушателя и музыкальных структур является ключевым признаком собственно музыкального семиозиса [Gabrielsson, Lindström, 2001]. А транспозиция эмоционального выражения от одного акта исполнения одного и того же материала к другому отличает музыкальную эмоцию от обиходной [Juslin, 2013]. И здесь неважно, групповое или индивидуальное назначение имеет исполнение. Даже если музицирование происходит в полном одиночестве, эмоциональная реакция исполнителя на свое собственное исполнение задействует те же самые механизмы, что и коллективное исполнение или слушание [Nikolsky, 2015].

Музыка тембровая подчиняется тем же психо-акустическим закономерностям, что и частотная музыка. Принципиальная разница состоит в том, что тембровая музыка опирается на **тоновую** организацию «тембровых», а не **тональную** организацию «звуковысотных классов» [Никольский и др., 2017]⁴. Тембровые классы образуют такие же флуктуации напряжения и разрежения [Mazepus, 2009], как и звуковысотные классы [Krumhansl, 1990], обеспечивая при этом эмоциональное воздействие тембров на слушателя [Paraskeva, McAdams, 1997]. Чисто тембровые средства позволяют создать и воспринять мелодические контуры [McDermott, Lehr, Oxenham, 2008], что составляет главную стезю музыкального развития в раннем детстве [Malloch, 2000] и подтверждает теорию кристаллизации звуковысотного слуха из тембрового, выдвинутую Б. М. Тепловым [Теплов, 1947] и экспериментально доказанную А. Н. Леонтьевым [Леонтьев, 1983].

Традиционная варганная музыка является классической тембровой музыкой в том смысле, что она самым активным образом задействует тембровые классы для **композиционного** семиозиса, при

⁴ Эта ссылка и [Никольский, 2017] адресуют к двум докладам, представленным в 2017 г. на конференции памяти В. В. Мазепуса, организованной Новосибирской консерваторией им. М. И. Глинки. По техническим причинам материалы этой конференции все еще не изданы. В настоящее время оба доклада доступны на Researchgate: соответственно, <https://bit.ly/2TLDVrJ> (DOI 10.6084/m9.figshare.12381674) и <https://bit.ly/2ZQaCb8> (DOI 10.6084/m9.figshare.12380714).

котором последовательность структурных элементов соответствует семантической смене выражений, так что объединение значащих компонентов в группу сопровождается объединением их смыслов [Lerdahl, 2015]. Такое объединение конструируется на базе принципа **дисперсии** (particulate principle) [Abler, 1989]: ограниченное число дискретных элементов, каждый из которых не имеет строго закрепленного значения, реконфигурируется множеством возможных вариантов. В этом отношении синтаксис и прагматика тембров варганной музыки [Никольский, 2017] не отличается от ступеней звуковысотной музыки или фонем натуральных языков, но не имеет аналогов в мире животных [Hauser, 2000; Никольский, 2017]. Пожалуй, наиболее яркой демонстрацией композиционности и дисперсионности варганной музыки являются появившиеся подробные самоучители игры, описывающие не только репертуар общеупотребительных артикуляций гласных фонем и слогов, специальных приемов звукоизвлечений и ономотопейных имитаций, но также и звуковысотных ступеней [Загретдинов, 1997].

3. *Что подразумевается под термином «аутентичный», когда речь идет о тембровой музыке*

Чрезвычайно важно разграничение между примордиальными (первичными, изначальными)⁵ и производными (вторичными) музыкальными традициями. Задача эта далеко не простая. Для того чтобы определить путем анализа музыки, какой тип музыки произошел раньше, и где параллельное развитие, а где заимствование, требуется сравнить совокупность параметров музыкальной выразительности при подробном знании этнической специфики. Далее необходимо соотнесение музыки и текста в песенных жанрах и множества других аспектов создания музыки – что большинство российских этномусиковедов уже делало в течение по крайней мере нескольких десятилетий. Теперь же сюда следует добавить современные методы компьютерного анализа, разработанные в компаративной лингвистике для установления родства языков, а также соотнесение сведений о географическом распространении традиций с генетическими данными современного населения и останков, найденных археологами.

Идентификация примордиальных черт тесным образом связана с проблемой аутентичности. Понятие это оказалось весьма расплывчатым в результате усиленных дебатов в разных научных дисциплинах [Schippers, 2006]⁶. В самом общем смысле, применительно к искусству, аутентичность подразумевает подлинность стиля произведения и аккуратность применения традиционных методов выразительности [Bendix, 1997], а также оригинальность авторского выражения и историческую адекватность интерпретации произведения [Taruskin, 1995]. Аутентичность обычно противопоставляется коммерциализму [Barker, Taylor, 2002] и подлогу [Dutton, 2003]. В контексте сравнительного музыковедения под аутентичностью музыкальной традиции в первую очередь имеется в виду антитеза оригинальности и заимствования / адаптации. Применительно к варганной музыке эта антитеза выливается в противопоставление тоновой и тональной организаций.

Тональная организация (особенно западноевропейская тональность) характеризует музыку звуковысотную. Звуковысота образует рациональное измерение с единственной шкалой измерения выше / ниже, восприятие которой осуществляется посредством деления высотного ряда на звуковысотные классы и их категоризацию по хроматике: частоты, отстоящие друг от друга на интервал октавы, воспринимаются как идентичные по звуковысотному качеству, и тем самым вся шкала разбивается на октавные транспозиции одного и того же набора звуковысотных классов [Krumhansl, 1979]. Такая организация уникальна для человеческой музыки и не находит аналогов ни в речи, ни в коммуникации животных. Она допускает множество видов коррекции при определении звуковысотности, так как каждая из

⁵ В фольклористике примордиальные жанры и стили обычно именуется архаикой – с легкой руки Бартока и Кодаи, нуждавшихся в термине для обозначения искомого наиболее древнего пласта венгерского фольклора [Szabolcsi, 1935]. В дальнейшем этот термин приобрел дополнительное значение более натурального, зависящего от экосистемы и идеологических представлений использования звука, основанного, скорее, на инстинкте, нежели опыте и знании [Шейкин, 2002, с. 4–7]. Однако термин «архаика» ограничен древностью, тогда как различение примордиальности и производности может прилагаться и к современности.

⁶ По этой причине многие современные западные музыковеды избегают термина «аутентичность». Он сохраняется преимущественно в литературе, посвященной вопросам авторства или идентичности основного потребителя определенного вида музыки [Stock, 2008]. Особенно популярно обсуждение вопросов аутентичности в связи с проблемами глобализации [Cobb, 2014].

звуковысот может быть соотнесена с другими звуковысотами, что позволяет проверить адекватность восприятия и поймать возможные ошибки. Простота и надежность этого системного процесса обеспечивают эффективное распознавание даже очень сложных мелодических и гармонических построений. Звуки легко складываются как по горизонтали (мелодия), так и по вертикали (гармония), группируясь в удобные для восприятия музыкальные интонации-мотивы-фразы и интервалы-аккорды-фактуры. Поэтому создание и восприятие музыки основано на синтезе звуковысот и их обертонов [Huron, 2001]. Следствием этого является тенденция к коллективному исполнению звуковысотной музыки. Она поощряет исполнение множеством участников – будь то многоголосная фактура или исполнение в унисон. Марен Мерсенн еще в 1636 г. подметил, что чем больше инструментов играют одну и ту же гармонию, тем более благозвучной она становится [Mersenne, 1957, с. 270]. Очевидно, эта закономерность не ограничивается западноевропейской тональностью, так как последняя откристаллизовалась уже после высказывания Мерсенна. То же самое относится и к хоровому пению.

Тоновая организация характеризует тембровую музыку. Такая музыка, как правило, носит сугубо личный характер. Особенность тембра заключается в многоплановости, затрудняющей категоризацию его изменений [Krumhansl, 1989]. Для адекватного описания тембра требуется как минимум четыре различные шкалы, весьма трудные для измерения [Иванченко, 2001, с. 54]. И в отличие от звуковысоты, тембр не предоставляет никаких аналогов объективным рациональным отношениям интервалов, делая задачу определения тембровых изменений довольно субъективным занятием [Balzano, 1986]. Более того, аспекты тембра образуют сложные, часто противоречивые отношения [Володин, 1972]. Временные и частотные аспекты взаимодействуют, препятствуя полной синхронизации нескольких одновременно звучащих тембров [Caclin et al., 2007]. Простое удвоение в унисон может смешать два тембра в один новый тембр, выделить лишь один из накладывающихся друг на друга тембров или сохранить каждый из тембров в неприкосновенности [Sandell, 1995]. Исход определяется множеством факторов, таких как фазовое отношение начала одновременных звуков, сходство атак и спектральных центроидов, оставаясь труднопредсказуемым и требуя знания особой учебной дисциплины – инструментовки [Tardieu, McAdams, 2012]. Все историческое развитие этой дисциплины, начиная с оркестров древней Месопотамии и Египта в 3-м тысячелетии до н.э. [Marcetteau, 2008] и вплоть до нашего времени [Miller, 2014], оказалось направленным к аранжировке звуковысот.

Чем дальше развивалась западная классическая традиция, тем более выросло семантическое значение звуковысотной организации, отодвигая тембр на второстепенную, если не третьестепенную позицию [Scruton, 1997, с. 77–78]. Не случайно формирование оркестрового стандарта в XVIII–XIX вв. [Spitzer, Zaslav, 2004] совпало с установлением точки зрения, что «звуковысота определяется законами, а тембр – вкусом» [Fales, 2002] – а на вкус и цвет, как известно, «товарищей нет». Историческое развитие ведущих интернациональных инструментов (гобой, флейты и т.п.) привело к установлению регистрово закреплённых формант, специфических для каждого инструмента, что делает такие инструменты настроенными на определенную звуковысоту [Lembke, McAdams, 2015]. Именно поэтому оркестровые инструменты хорошо сливаются в *тутти*, которое сохраняет звуковысотную ясность даже в самых быстрых пассажах и сложных гармониях.

В отличие от звуковысотной музыки, *тоновая музыка тутти не допускает*. Она культивирует совершенно иные инструменты – отличающиеся богатым или легко узнаваемым тембром и плохо обозначенной звуковысотой. Многие фоноинструменты (бич, трещотка, жужжалка) вообще не способны генерировать звук определенной звуковысоты, такие инструменты плохо сливаются и в ансамбле образуют неразборчивый гвалт, препятствующий какой бы то ни было «оркестровке». Подобным же образом и вокальная тембровая музыка, с ее горлохрипениями или обертонами, просто не позволяет хоровое исполнение. Хоры звуковысотной музыки, напротив, позволяют исполнения гигантскими коллективами в несколько тысяч участников⁷, и эти грандиозности остаются музыкально вырази-

⁷ Можно сослаться на традицию концертного фестивального исполнения в Англии оратории Ф. Генделя «Мессия» силами многотысячного оркестра и хора [Keen, 2016, с. 3]. О выразительности таких исполнений можно судить по сохранившимся звукозаписям 1926–1932 гг. [Live at the Crystal Palace..., 1993]. Альтернативно в этом отношении зарегистрированное в «Книге рекордов Гиннеса» респонсорное исполнение запевов кругового танца в Якутском цирке 25 июня 2011 г., в котором участвовали 1344 варганиста и иницирующий И. Алексеев.

тельными. В этом отношении тембровая музыка оказывается гораздо ближе к речи, чем к музыке. Речь также рассчитана на «сольное исполнение», так как ее акустическая база основана на категоризации тембров. И потому одновременное произнесение текста множеством людей значительно затрудняет его понимание. Люди, как правило, говорят по очереди, поют же чаще вместе [Brown, 2007].

Это фундаментальное различие между тембровой и звуковысотной музыкальными традициями выливается в совершенно разные принципы ладовой организации.

- **Звуковысотный лад** задается группировкой звуковысот по вертикали и / или горизонтали и эффективностью и легкостью узнавания ступеней лада и образованных ими элементов и компонентов (аккорд, мотив), а также успехом в передаче семантических значений таких элементов и компонентов.

- **Тембровый лад** задается эффективностью сегментации и обнаружения контрастов между соседними по мелодической линии элементами: фонемами вокальной музыки и тембровыми «муземами» – значащими элементами вокального и инструментального исполнения [Tagg, 2012, с. 229–261], а также их способностью слагать тембровые классы и передавать нужное семантическое содержание.

Варганная музыка тоже может быть организована по-разному. Она может использовать чисто звуковысотный лад точно так же, как это делают горнисты, помещая мелодию в тот регистр натурального звукоряда, где соседние звуки образуют поступенные отношения (гармоники № 6–12 для пентатонического лада и № 7–14 для гептатонического). Она может использовать артикуляции ротовой полости по тому же принципу, что и фонемы языка, создавая определенную вокальную систему, которая принимает роль тембрового лада. Третьей альтернативой являются холистические имитации звуков окружающей среды и создание новых звуков на основе технических приемов игры, открытых в результате таких имитаций. В этом случае тембровый лад составляется из набора таких звуков и не получает ступеневой организации – в отличие от первых двух методов игры. Второй, фонемный, метод получает своего рода «артикуляционную гамму» [Оготоев, 1988] благодаря соответствию изменений гласных артикуляций по подъему и повышению или понижению второй, весьма громкой, форманты [Никольский и др., 2017]⁸.

Расположение гласных по звуковысотному порядку дает так называемую «фонематическую гамму» – $\text{ɔ} > \text{ɒ} > \text{æ} > \text{ɛ} > \text{ɪ} > \text{i}$ для гласных английского языка [Ladefoged, Disner, 2012, с. 34]. Если произнести эти гласные шепотом (что отрезает вокализацию с ее просодическими интонациями, делая вторую форманту наиболее громкой в натуральном звукоряде), то получится восходящая гамма. Эта фонематическая гамма практически совпадает с «артикуляционной гаммой» П. П. Оготоева: *A-O-Ō-U-Ū-Ā-Ū-I* (для гласных якутского языка), а также с «артикуляционным рядом» Х. С. Ихтисамова: *A-O-U-Ə-I* [Ихтисамов, 1988]. Единственное существенное отличие между приведенными фонематической и артикуляционной гаммами – это помещение «А» или «О» в самый низ гаммы. Огубление гласного понижает резонансную частоту передней полости рта, занижая вторую форманту [Zsiga, 2013]. Вопрос, что оказывается ниже – «А», произведенный бóльшим объемом ротовой полости, или огубленный «О», – решается, по-видимому, фонетикой определенного языка и конструкцией варгана. Надо заметить, что С. С. Шишигин, как и П. Ладефогед, помещает «О» в самый низ гаммы [Шишигин, 1995] – возможно, из-за того, что его варган более чувствителен к огублению артикуляций.

Все три метода организации могут смешиваться в рамках одного музыкального произведения. Это-то и придает варганной музыке необычное богатство выразительных средств, что и объясняет ее особое положение в музыкальных культурах целого ряда этносов восточной Евразии [Никольский и др., 2019]. Подобное смешение характеризует аутентические варганские традиции. Тоновая организация при помощи ономатопейных имитаций экосистемных звуков, скорее всего, составляет архаичский пласт. Их трансформация в холистические тембральные «муземы» и внедрение специальных эффектов на основе открытых в процессе такого рода трансформаций принципов игры составляет

Такого рода исполнения явно представляют собой попытки экспериментального претворения западной оркестровой традиции, а не аутентичную традицию варганной музыки. Интеграция традиций и западное культурное влияние просто неизбежны в современных условиях глобализации. Традиционная варганная музыка не является исключением – ее «возрождение» в ряде регионов, таких как средняя полоса России, где она в XVII–XVIII вв. оказалась практически утраченной, вытесненная множеством заимствованных с Запада музыкальных инструментов, надо рассматривать как совершенно новую ступень развития [Алексеев Э., 1988, с. 185–187].

⁸ См. сноску 4.

древний постарханский этап развития. Фонематические лады представляют еще более поздний этап в пределах все той же тоновой организации. И наконец, звуковысотные лады являются дальнейшим этапом развития, связанным с освоением новой частотной среды и созданием совершенно новых звуковысотных методов тональной организации.

Чрезвычайно распространенные среди западноевропейских варганистов традиции варганной игры не являются аутентическими, потому что они, как правило, ограничиваются лишь последним, звуковысотным методом организации. Однако в их имплементации этот метод принципиально отличается от мелодической игры аутентических традиций. Главное отличие лежит в строе звуковысотных ладов.

- Аутентические лады используют **натуральные интервалы**. Они существенно разнятся по точному размеру, препятствуя строгой номенклатуре интервалов. Так, большая секунда между 7-й и 8-й гармониками составляет 231 цент, между 8-й и 9-й гармониками – 204 цента, а между 9-й и 10-й – 182 цента. Мелодия, созданная из таких интервалов, получает значительно больше градаций по напряжению и его разрешению, чем лады, поддерживающие номенклатурную категоризацию интервалов, где все секунды моделированы по одному эталону. Натуральные интервалы расцветивают мелодию, одновременно закрепляя определенный оттенок «цвета» за определенным участком регистра. Вторым существенным отличием аутентических ладов, которое мы подробнее обсудим ниже, является использование полифонической фактуры – весьма похожей на фактуры сольного многоголосия, такого как тувинский *сыгыт*, но более богатой голосами.

- Неаутентические лады базируются на попытках имитировать темперированные строи, что образует **темперированные интервалы**. Варганная техника совершенствуется таким образом, чтобы подстроить каждый из обертонов натурального звукоряда под ступени общепринятых диатонических ладов – на манер использования флажолетов в практике струнных инструментов. Поэтому подобные лады можно назвать **псевдочастотными**. Они являются производными от ладов, принятых на вооружение в классической западноевропейской музыке и в примыкающих к ней фольклорных традициях. Мелодии, созданные из таких интервалов, получаются «серыми», куда менее динамичными по смене напряжений и разрешений и нивелированными по регистровке. А главное, они чрезвычайно упрощают фактуру, как правило, сводя ее к чистой гомофонии – господству единственной мелодической линии, выражающей основную идею произведения. Моделью для такой музыки служит сольное пение белькάνто (итал. *bel canto*), с его нацеленностью на уравнивание тембра, сглаживание регистровых контрастов и выдерживание одного – идеального – звукового качества во всем амбитусе [Sundberg, 1987].

Псевдочастотная традиция сформировалась, по всей видимости, в XV–XVI вв., после того как варганы были принесены в Европу из Азии [Kolltveit, 2006]. Этот исторический период характеризуется оживленными попытками множества западноевропейских музыкантов и ученых определить систему настройки, которая бы предоставила наилучший компромисс между выразительностью гармоний (в первую очередь стандартизированных аккордов) и мелодий, где мелодическая выразительность, традиционно достигавшаяся пифагорейскими строями, приносилась в жертву гармонической выразительности [Barbour, 2004]. Овладение нововведенным варганом происходило в условиях интенсивного распространения музыкального образования, складывания гармонических стандартов, формирования тональности и модернизации музыкальных инструментов, связанных в первую очередь с нарождающимися традициями ансамблевой игры и оптимальной для всех инструментов температуры.

Глубоко укоренившаяся практика обучения музыкальной грамоте не могла не повлиять на мышление всех западноевропейских музыкантов [Judd, 1994], в том числе и варганистов. Наиболее явные следствия привычки «мыслить нотами» включают квантизацию ритма (посредством втискивания музыкального звука в одну из нормативных длительностей реестра) и звуковысот (подведение частоты звука под нормативную для данного лада звуковысоту), что становится «второй натурой» получивших музыкальное образование музыкантов [Talbot, 2009]. Необразованные музыканты также (вольно или невольно) попадают в плен «нотного» мышления, поскольку везде вокруг слышат «квантизованную» музыку. В качестве демонстрации такого опосредованного влияния можно сослаться на трансформацию турецкого макама после принятия в Турции западноевропейской нотации [Ayangil, 2008]. Варганная западноевропейская музыка определенно претерпела подобные же метаморфозы. Свидетельством этому являются концерты для варгана и оркестра, сочиненные Альбрехтсбергером в

XVIII в. Именно желание культивировать псевдочастотные лады диктовало практику исполнения на двух варганах, настроенных в кварту или квинту, и внедрение приспособлений для одновременного использования еще большего числа по-разному настроенных варганов, таких как изобретенная Генрихом Шейблером «аура» [Fox, 1988, с. 20]. Подобного рода усовершенствования конструкции варгана следует рассматривать в том же свете, что и модернизацию натуральных труб и валторн в хроматические – как вид приспособления традиционных инструментов к новому типу тональной организации в рамках хроматической западноевропейской тональности.

Исключительно важно понимание того, что псевдочастотные лады представляют собой угрозу для существования ладов тембровых. Распространение «нотного» мышления, гептатонической квантизации и гомофонизация варганной фактуры размывают базу аутентических традиций тембровой музыки с ее тембровыми ладами. Проявлением этого служит тенденция вытеснения и замещения варгана с места лидирующего музыкального инструмента, которая отчетливо наблюдалась в ряде северо- и северо-восточных этносов Евразии на протяжении XVIII–XX вв. Наиболее ранними провозвестниками этой тенденции явились Россия, Белоруссия и Украина, где, судя по археологическим данным, ранее популярные варганы оказались в забвении по мере усиления влияния западноевропейской классической музыки. Татарстан, Удмуртия и другие этносы Поволжья следовали тем же путем на столетие-два позже. Аутентический варган остается чуждым инструментам звуковысотной музыки точно так же, как восприятие тембровой музыки плохо совмещается с восприятием звуковысотной музыки [Никольский и др., 2017]⁹. Чем обширнее инструментарий популярных звуковысотных инструментов этноса, тем явственнее упадок аутентических варганских традиций и их замещение псевдочастотными ладами – вплоть до полного забвения варгана.

• *Специфика варганной аутентичности – в объединении семантических возможностей пения, говорения и имитации натуральных звуков для эмоционального саморегулирования человека и сохранения гармонии с окружающей природной средой* [Никольский и др., 2019]. Ядро евразийской традиции составляет именно это триединство.

Аутентические варганские лады опираются не на звуковысотные лады частотной музыки, а на лады, сконструированные из тембровых классов, берущих начало из вокализаций речевого типа (не только слова и выражения родного языка, но и слоги и слогосочетания, лишённые смысла, а также возгласы и инстинктивные вскрики – например, выражающие испуг, радость или боль, и / или креативное обращение со звуками окружающей среды – экспериментирование со звуками, напоминающими капли воды, бег лошади, лай собаки, завывание ветра и т. п.). Получаемые таким образом тембровые лады могут комбинировать различные по природе тембровые классы: скажем, несколько ступеней фонемической «артикуляционной гаммы» – если воспользоваться выражением П. П. Оготоева [1988] – и несколько избранных звуковых сигналов (например, зовов кукушки или гусей). Варганное произведение может представлять собой разработку ряда таких сигналов, совмещенную с привлечением фона, ассоциирующихся с этими сигналами по артикуляции или по фонетической семантике. В качестве примера можно сослаться на практику использования огубленных гласных вместе с имитацией пения жаворонка [Алексеева, 1986]. Такое совмещение может быть основано как на чистой моторике исполнения (необходимость использования губ), так и на семантических соображениях (например, коннотация огубления и удивления или ассоциация жаворонка с весной или утром).

Тоновая организация варганной музыки, по сути, сводится к избиранию варганистом ограниченного круга средств выражения из фонемических артикуляций и натуральных звуковых прототипов и дополнением их несколькими мелодическими интонациями сходного семантического наклона, известными из народного песенного репертуара. Последнее добавляет звуковысотный компонент, который тем не менее остается второстепенным для аутентической варганной традиции, выступая как следствие включения определенных ладовых интонаций для поддержания выразительности тембровых классов. Прекомпозиционное использование звуковысотных ладов (такое как решение композитора написать траурную музыку в си миноре) характеризует исключительно западную классическую музыку и, если и встречается в народной музыке, то целиком находится в орбите влияния Запада. В варганной музыке

⁹ См. сноску № 4.

такой подход приводит к замещению тембровой тоновой организации западной тональностью или псевдочастотными ладами, если музыка имеет звуковысотный модальный характер.

4. Варганые артикуляции в сравнении с артикуляциями пения и речи

Как видим, ключом для понимания аутентической варганной музыки является ее взаимоотношение с фонемической организацией речи. Многое было написано о «музыкальном языке» и его сходствах и отличиях от натуральных вербальных языков. Если подытожить их непростое отношение в самом сжатом виде, то можно воспользоваться «максимой» К. Гуссенховена: музыка противостоит языку в прагматике коммуникации – музыка концентрируется на «аффективном» значении, тогда как язык «лишь принимает его во внимание» [Gussenhoven, 2002]. Новейшие исследования не оставляют сомнения, что раздел между сферами речи и музыки, как бы расплывчат он ни был в таких явлениях, как поэтическая речь или речитативная музыка, проходит именно через нацеленность музыки на аффект. Способность музыки увлекать слушателей в синхронном симпатическом отклике на слышимые изменения структур не имеет прецедентов в восприятии речи [Tarr, Launay, Dunbar, 2014], равно как и испытывание «мурашек», «озноба» и прочих сильных эмоциональных реакций [Altenmüller, Kopiez, Grewe, 2013]. Такого рода реагирование на музыку, видимо, надо интерпретировать как органическую преемственность музыки с вокальной коммуникацией, выражающей эмоциональное состояние животных [Fitch, 2006]. Данные социобиологии показывают, что оппозиция речи и музыки берет начало в животном мире, где референтивная и мотивационная информация кодируются по-разному [Manser, 2010].

Музыкальная и вербальная вокализации оказываются на разных полюсах тоновой организации:

- Речь ставит во главу угла **деление** – ясность фонемических контрастов для облегчения членения потока речи на дискретные элементы, складываемые в значимые слова. Артикуляции речи разбивают единство звукового потока подчеркиванием различия элементов и тем самым утверждают главенство *членораздельности*.

- Музыка делает упор на **деление** – интеграцию звуков в одно целое (мелодию) для облегчения симпатической реакции на ее эмоциональную выразительность. Песенные артикуляции объединяют звуки, подчеркивая их сходство по какому-либо параметру (группе взаимодействующих параметров) и тем утверждая выразительность *геиштальта*.

Варганная артикуляция отличается от песенной замещением высоко индивидуализированных голосовых связей стандартным язычком, придающим звукам гомогенность и монотонность. Оба этих качества считаются негативными для говорения и пения, уменьшающими их выразительность. Однако просодия варганной музыки оказывается неуязвимой для их вредного действия. Она полагается исключительно на спектральные контрасты верхних частот, сохраняя нижнюю часть спектра – фундаментальный тон (ФТ) практически неизменным, что диаметрально противоположно пению, которое требует тембровой однотипности верхней части спектра и звуковысотной дискретности [Titze, 1988]. Речь оказывается близкой к пению в отношении подчеркивания смен ФТ (даже в нетоновых языках колоссальную роль играет интонация [Ladd, 1996]), но близкой к варганной артикуляции в подчеркивании смен спектрального содержания высоких частот.

Варган напоминает аудиомаску, изобретенную для сокрытия идентичности варганиста. Надевание такой маски гарантировало безопасность при контактах с окружающей действительностью в анимистических и тотемических культурах. Варганист выговаривал «тембровые слова» других существ, монотонно сплющивая их звуковысотное богатство. От этого прошлого варганная просодия унаследовала свою монотонность. Поэтому любой вид варганной музыки стирает разницу между натуральными голосами людей. Женщина или мужчина, ребенок или взрослый – все они, как только подносят варган ко рту, звучат неразличимо, на один лад. Популярность варгана среди детей отражает их желание поскорее подрасти и уравниваться со взрослыми – и это очень сильная мотивация в традиционных обществах. Варган уравнивает разные индивидуумы, в то же время сохраняя членораздельность их вокализаций (особенно гласных звуков).

И пение, и речь подчеркивают ФТ в гласных звуках [Никольский, 2017]. Но отчетливость речи зависит в большей степени от яркости звуковысотных перемещений нижних формант Ф1 и Ф2 [Zsiga, 2013]. Как показали опыты по электронному синтезированию речи, изменения этих формант достаточно для акустического распознавания гласных [Carlson, Granstrom, Fant, 1970]. Пение же выдерживает универсальную

(для каждого певца) особую «певческую» форманту на приблизительно одном и том же уровне для всех гласных [Sundberg, 1974]. Певец интуитивно подстраивает гласные друг под друга. Говорящий противопоставляет их друг другу. То же самое делает и варганист – но только в отношении верхней части спектра, составляющей «спектральный остаток», оставляя в неприкосновенности ФТ¹⁰.

Доказательством такого обращения служит проведенный нами предварительный эксперимент¹¹, когда варганисты определяли на слух гласную артикуляцию в звукозаписях своего собственного исполнения, перетасованных и проигранных им на манер заданий по узнаванию звуковысотных ступеней на уроках сольфеджио. Результаты теста представлены в таблице (см. с. 22). Число в клетке показывает количество ответов данного варганиста. Жирные линии и шрифт выделяют правильные ответы. Красным отмечены клетки с наивысшим показателем, оранжевым — вторые по показателю, а желтым — третьи по показателю ответы. Внизу таблицы показана узнаваемость каждой из гласных артикуляций в процентах. Результаты двух верхних варганистов отделены от нижнего по возрасту, так как возрастное ухудшение слуха явно воспрепятствовало узнаванию артикуляций.

Тест продемонстрировал, что острота слуха играет важнейшую роль в восприятии варганной музыки. Возраст варганиста И. Е. на момент тестирования был 76 лет, и он и в обыденной речи проявлял явные признаки затрудненности слышания (переспрашивание слов). Возраст Э. П. – 27 лет, а возраст Н. П. – 18 лет. Проведение аудиологического теста выявило существенную разницу в верхнем пороге слышимости частот: все 3 варганиста имели одинаковый нижний предел в 15 Гц¹², тогда как верхний предел у Э. П. был 22 кГц, у Н. П. – 17 кГц, и лишь 12,6 кГц – у И. Е. Очевидно, для последнего затрудненность опознавания более чем половины предложенных артикуляций свидетельствует о важности спектрального состава варганных звуков выше 12 кГц для их дифференциации. И. Е., видимо, продолжает артикулировать гласные на варгане по давно сложившемуся навыку, полагаясь на моторную координацию, а не на слух, который позволяет ему различать лишь самые крайние по звуковысотному уровню гласные.

Если же брать в расчет только молодых варганистов, то видно, что шесть из восьми гласных уверенно распознаются, и лишь две гласные (*Y*, *Ü*) представляют затруднения. Характер ошибок указывает на то, что эти гласные акустически весьма сходны – *Y* легко принимается за *Ü*, а *Ü* – за *Y*. Поскольку эти гласные разделяют принадлежность к верхнему подъему и различаются по губности и рядности, правомерно сделать вывод, что дифференциацию по подъему на варгане проще услышать, чем дифференциацию по губности и рядности. Несмотря на ограниченность теста по числу участников и типам тембровых классов, уже можно, как нам кажется, заключить, что выбор фонем при музицировании на варгане вряд ли делается наугад и варганисты в целом способны отличить одну артикуляцию от другой, и это согласуется с их свидетельством о собственном восприятии процесса создания музыки. Косвенным доказательством способности варганистов воспроизводить на слух немелодические элементы варганной музыки (артикуляции «говорящего варгана» и специальные эффекты) служит существование паневразийской традиции варганного романтического серенадирования, в которой юноша и девушка совместно поддерживают респонсорный диалог, где обычно один из них воспроизводит импровизацию другого [Morgan, 2008]. Такого рода музицирование призвано скрыть от посторонних свидетелей содержание варганной коммуникации, и потому прибегает к приемам кодирования, непонятным непосвященным и напоминающим грамелот [Никольский и др., 2019]¹³.

¹⁰ Концепция «остатка» была предложена известным голландским биофизиком Яном Фредериком Шоутеном [Schouten, 1940] для примирения двух конфликтных теорий – спектрального и периодического восприятия звуковысотности. Согласно этой концепции, сумма «остатка» равна ФТ, она лишь несколько грубее по тембру.

¹¹ Полностью этот эксперимент описан в монографии «Специфика вокальной системы якутского хомуса по сравнению с вокальной системой якутского языка в пении и говорении», готовящейся к изданию Музеем и Центром хомуса в Якутске.

¹² Нижний предел значительно превышает средние показатели (20 Гц), что, видимо, свидетельствует об особой значимости нижнего регистра для варганной игры – несмотря на то, что этот регистр в основном используется для звукозвращения фундаментального монотона или бурдонного интервала (квинты или октавы).

¹³ Грамелот – тип сценической речи, сформировавшийся в рамках итальянской *commedia dell'arte* в качестве пародии на непонятную иностранную речь, в котором обычно используются ономапейные и макаронические искажения существующих слов [Jaffe-Berg, 2001].

**Узнавание восьми гласных артикуляций якутского языка
в звукозаписи собственных исполнений на металлических и деревянном варганах**

	О вопроса	А вопроса	Ӧ вопроса	У вопроса	Ү вопроса	А вопроса	Ӧ вопроса	И вопроса	Варганист
О ответа	9	1							Э. П. 22 ошибки (31 %)
А ответа		8							
Ӧ ответа			7			2			
У ответа				6					
Ү ответа				3	4		6	1	
Ӑ ответа			2			7			
Ӧ̄ ответа					5		1		
И ответа							2	8	
	О вопроса	А вопроса	Ӧ̄ вопроса	У вопроса	Ү вопроса	Ӑ вопроса	Ӧ̄ вопроса	И вопроса	Варганист
О ответа	9								Н. П. 11 ошибок (15 %)
А ответа		9							
Ӧ̄ ответа			9						
У ответа				9					
Ү ответа					3		5		
Ӑ ответа						9			
Ӧ̄ ответа					6		4		
И ответа								9	
Узнавание:	100 %	94 %	89 %	83 %	39 %	89 %	28 %	94 %	
	О вопроса	А вопроса	Ӧ̄ вопроса	У вопроса	Ү вопроса	Ӑ вопроса	Ӧ̄ вопроса	И вопроса	Варганист
О ответа	5	2		3	1	1			И. Е. 45 ошибок (63 %)
А ответа		2		3					
Ӧ̄ ответа		4	2			2			
У ответа	3			0	3		1		
Ү ответа			3	3	2	1	1	1	
Ӑ ответа	1	1				4		1	
Ӧ̄ ответа			3		3	1	6	1	
И ответа			1				1	6	
Узнавание:	56 %	23 %	23 %	0 %	23 %	44 %	67 %	67 %	

Как и музыканты звуковысотных традиций, варганисты при игре на слух, видимо, руководствуются воображением звучания, требуемого для выражения нужного образа, и при помощи рук и вокального аппарата реализуют этот воображенный звук. Именно поэтому оказывается возможным предложить им слуховые упражнения из арсенала уроков сольфеджио и получить положительные результаты. Успех в узнавании гласных артикуляций подтверждает, что в практике варганной музыки они действительно играют роль «тембровых классов», подобную роли звуковысотных классов (ладовых ступеней) в тональной музыке.

Список литературы

Алексеев Э. Е. Фольклор в контексте современной культуры. М.: Советский композитор, 1988. 237 с.
 Алексеева Г. Г. Заиграй им, хомус, свою песню // Музыка России: музыкальное творчество и музыкальная жизнь республик Российской Федерации / Под ред. А. Григорьевой. М.: Советский композитор, 1986. С. 321–332.
 Бродский [Богданов] И. А. К изучению музыки народов Севера РСФСР // Традиционное и современное народное музыкальное искусство / Под ред. Б. Б. Ефименковой. М.: ГМПИ им. Гнесиных, 1976. С. 244–257.
 Володин А. А. Психологические аспекты восприятия музыкальных звуков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1972. 36 с.

- Загреддинов Р. А. Школа игры на кубызе: Учеб.-метод. пособие / Под ред. М. С. Алкина, Т. С. Зиновьевой. Уфа: Белая река, 1997. 278 с.
- Земцовский И. И. Апология текста // Музыкальная академия. 2002. Т. 4. С. 100–110.
- Иванченко Г. В. Психология восприятия музыки: подходы, проблемы, перспективы. М.: Смысл, 2001. 252 с.
- Ихтисамов Х. С. К проблеме сравнительного изучения двухголосного гортанного пения и инструментальной музыки у тюркских и монгольских народов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка / Под ред. Е. Гиппиуса. М.: Советский композитор, 1988. С. 197–216.
- Кондратьева Н. М. Скотоводческие заговоры теленгитов: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. 1996. 20 с.
- Кондратьева Н. М., Мазепус В. В. Модальная организация теленгитских скотоводческих заговоров // Языки коренных народов Сибири. 1999. Т. 6. С. 19–43.
- Лбова Л. В., Кожевникова Д. В. Формы знакового поведения в палеолите: музыкальная деятельность и фоноинструменты. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2016. 245 с.
- Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. / Под ред. В. Давыдова, В. Зинченко, А. Леонтьева М.: Педагогика, 1983. Т. 1. 392 с.
- Никольский А. В., Алексеев Э. Е., Алексеев И. Е., Дьяконова В. Е. Прологомена ладовой организации варганной музыки на примере использования артикуляционных ступеней в «говорящем» якутском хомусе // Системные методы изучения музыкальной культуры: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти В. В. Мазепуса. 31 октября – 1 ноября 2017 г. / Под ред. О. В. Новиковой. Новосибирск: Изд-во НГК им. М. И. Глинки, 2017 (в печати). DOI 10.6084/m9.figshare.12381674. URL: <https://bit.ly/2TLDVrJ>
- Никольский А. В. К методам анализа тоновой организации варганной музыки // Системные методы изучения музыкальной культуры: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти В. В. Мазепуса. 31 октября – 1 ноября 2017 г. / Под ред. О. В. Новиковой. Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки, 2017 (в печати). DOI 10.6084/m9.figshare.12380714. URL: <https://bit.ly/2ZQaCb8>
- Никольский А. В., Алексеев Э. Е., Алексеев И. Е., Дьяконова В. Е. О чем говорит «говорящий варган»: варган и личная песня как основание темброво-ориентированных музыкальных систем // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 1 (вып. 37). С. 5–32. DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-5-32
- Оготоев П. П. Проблема нотации якутского хомуса // Музыкальная этнография Северной Азии / Под ред. Ю. И. Шейкина. Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки, 1988. С. 150–154.
- Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. М.; Л.: Академия педагогических наук РСФСР, 1947. 355 с.
- Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. Под общ. ред. Е. С. Новик ; Нотография Т. И. Игнатъевой. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.
- Шиншигин С. С. Играйте на хомусе. Якутск: М-во культуры Республики Саха, 1995. 21 с.
- Abler W.L. On the particulate principle of self-diversifying systems. *Journal of Social and Biological Structures*. 1989, vol. 12, no 1, pp. 1–13. DOI 10.1016/0140-1750(89)90015-8
- Altenmüller E., Kopiez R., Grewe O. A contribution to the evolutionary basis of music: Lessons from the chill response. In: Altenmüller E, Schmidt S, Zimmermann E, eds. In: *Evolution of Emotional Communication*, Oxford, 2013, pp. 313–336.
- Arom S. Corroborating external observation by cognitive data in the description and modelling of traditional music. *Musicae Scientiae*. 2010, vol. 14 no. 2, pp. 295–306. DOI 10.1177/10298649100140S216
- Ayangil R. Western notation in Turkish Music. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2008, vol. 18, no. 4, pp. 401–447. DOI 10.1017/S1356186308008651
- Balzano G. J. What Are Musical Pitch and Timbre? *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. 1986, vol. 3, no. 3, pp. 297–314. DOI 10.2307/40285339
- Barbour J. M. *Tuning and Temperament: A Historical Survey*. New York, 2004, 252 p.
- Barker H., Taylor Y. *Faking It: The Quest for Authenticity in Popular Music*. New York, 2002.
- Baumann M. P. Listening as an Emic / Etic Process in the Context of Observation and Inquiry. *The World of Music*. 1993, vol. 35, no. 1, pp. 34–62.
- Becker J. Is Western Music Superior? *Sociology*. 1986, vol. 72, no. 3, pp. 341–359.

- Bendix R. *In Search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies*. Madison, WI, 1997, 320 p.
- Bozkurt B., Yarman O., Karaosmanoğlu M. K., Akkoç C. Weighing Diverse Theoretical Models on Turkish Maqam Music Against Pitch Measurements. *Journal of New Music Research*. 2009, vol. 38, no. 1, pp. 45–70. DOI 10.1080/09298210903147673
- Brown S. Contagious heterophony: A new theory about the origins of music. *Musicae Scientiae*. 2007, vol. 11, no 1, pp. 3–26. DOI 10.1177/102986490701100101
- Caclin A., Giard M.-H., Smith B. K., McAdams S. Interactive processing of timbre dimensions: A Garner interference study. *Brain Research*. 2007, vol. 1138, pp. 159–170. DOI 10.1016/J.BRAINRES.2006.12.065
- Carlson R., Granstrom B., Fant G. Some studies concerning perception of isolated vowels. *STL-QPSR*. 1970, vol. 11, no. 2-3, pp. 19–35.
- Clayton M., Sager R., Will U. In time with the music: the concept of entrainment and its significance for ethnomusicology. *European meetings in ethnomusicology*. 2005, vol. 11, pp. 1–82.
- Cobb R. Introduction: The artifice of authenticity in the age of digital reproduction. *The Paradox of Authenticity in a Globalized World*. New York, 2014, pp. 1–9. DOI 10.1057/9781137353832
- Cross I. Music, cognition, culture, and evolution. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2001, vol. 930, pp. 28–42.
- Dasen P. R. Emics and Etics in Cross-Cultural Psychology Towards a Convergence in the Study of Cognitive Styles. In: Tchombe T. M. S., Nsameng A. B., & H. K., Fülöp M., eds. *Proceedings of the 4th Africa Region Conference of the IACCP*. Aug. 1–8, 2009. Buea, Cameroun, 2012, pp. 55–73.
- Dutton D. Authenticity in Art. In: Levinson J., ed. *The Oxford Handbook of Aesthetics*. New York, London, 2003, pp. 258–274.
- Fales C. The Paradox of Timbre. *Ethnomusicology*. 2002, vol. 46, no. 1, pp. 56–95. DOI: 10.2307/852808
- Fitch W. T. The biology and evolution of music: a comparative perspective. *Cognition*. 2006, vol. 100, no. 1, pp. 173–215. DOI 10.1016/j.cognition.2005.11.009
- Fox L. *The Jew's Harp: A Comprehensive Anthology*. 2nd ed. London, Lewisburg PA, 1988.
- Gabrielsson A., Lindström E. The influence of musical structure on emotional expression. In: Juslin P. N., Sloboda J. A., eds. *Music and Emotion. Theory and Research*. Oxford, New York, 2001, pp. 223–248.
- Gourlay K. A. The Non-Universality of Music and the Universality of Non-Music. *The World of Music*. 1984, vol. 26, no. 2, pp. 25–39.
- Gourlay K. A. Towards a Humanizing Ethnomusicology. *Ethnomusicology*. 1982, vol. 26, no. 3, pp. 411–420.
- Gussenhoven C. Intonation and Interpretation: Phonetics and Phonology. In: Bel E., Marilier I., eds. *Proceedings of Speech Prosody*. Aix-en-Provence, 2002, pp. 45–57.
- Harris M. *The Nature of Cultural Things*, New York, 1964, 209 p.
- Harris M. Emics and etics revisited. In: Thomas N. Headland, K. L. Pike, M. Harris, eds. *Emics and etics: The insider/outsider debate*. Newbury Park: SAGE Publications, 1990, pp. 48–61.
- Hauser M. D. A primate dictionary? Decoding the function and meaning of another species' vocalizations. *Cognitive Science*. 2000, vol. 24, no. 3, pp. 445–475. DOI 10.1016/S0364-0213(00)00026-4
- Headland T. N. Introduction: a dialogue between Kenneth Pike and Marvin Harris on emics and etics. In: *Emics and etics: The insider / outsider debate*. Thomas N. Headland, K. L. Pike, M. Harris, eds. Newbury Park: SAGE Publications, 1990, pp. 13–27.
- Huron D. Tone and Voice: A Derivation of the Rules of Voice-Leading from Perceptual Principles. *Music Perception*. 2001, vol. 19, no. 1, pp. 1–64. DOI 10.1525/mp.2001.19.1.1
- Jaffe-Berg E. Forays into Grammelot The Language of Nonsense. *Journal of Dramatic Theory and Criticism*. 2001, vol. 2 (March), pp. 3–16.
- Judd R. F. Composers, performers, and notation; solo music notations in Europe 1500–1700. *MTO: a journal of the Society for Music Theory*. 1994, no. 8.
- Juslin P. N. From everyday emotions to aesthetic emotions: Towards a unified theory of musical emotions. *Physics of Life Reviews*. 2013, vol. 10, no. 3, pp. 235–266. DOI 10.1016/j.phrev.2013.05.008
- Keen B. *The Bach Choir: The First Hundred Years*. London; New York, 2016, 334 p.
- Kolltveit G. *Jew's Harps in European Archaeology*. Oxford UK, 2006.
- Krumhansl C. L. The psychological representation of musical pitch in a tonal context. *Cognitive Psychology*. 1979, vol. 11, no. 3, pp. 346–374. DOI 10.1016/0010-0285(79)90016-1

- Krumhansl C. L. Why is Musical Timbre so Hard to Understand. In: Nielzén S., Olsson O., eds. *Perception of Electroacoustic Sound and Music*. New York, 1989, pp. 43–54.
- Kubik G. Emics and Etics Re-Examined, Part 1: Theoretical Considerations. *International Library of African Music*. 1996, vol. 7, no 3, pp. 3–10.
- Ladd D. R. *Intonational Phonology*. Cambridge, UK, 1996, 349 p.
- Ladefoged P., Disner S. F. *Vowels and Consonants*. 3rd ed. Chichester, West Sussex, 2012, 231 p.
- Lembke S. A., McAdams S. The role of spectral-envelope characteristics in perceptual blending of wind-instrument sounds. *Acta Acustica united with Acustica*. 2015, vol. 101, no. 5, pp. 1039–1051. DOI 10.3813/AAA.918898
- Lerdahl F. Musical Syntax and Its Relation to Linguistic Syntax. In: Arbib M. A., ed. *Language, Music, and the Brain*. Cambridge, MA, 2015, pp. 257–272.
- Live at the Crystal Palace: Choirs and Bands Recorded 1926-1932*. Leighton Buzzard, UK, 1993. (Sound recording).
- Malloch S. Mothers and Infants and Communicative Musicality. *Musicae Scientiae*. 2000, vol. 3, no. 1 suppl, pp. 29–57. DOI 10.1177/10298649000030S104
- Manser M. B. The generation of functionally referential and motivational vocal signals in mammals. In: Brudzynski S. M., ed. *Handbook of Behavioral Neuroscience*. New York, NY, 2010, vol. 19, pp. 477–486.
- Marcetteau M. A Queen's Orchestra at the Court of Mari: New Perspectives on the Archaic Instrumentarium in the Third Millennium. In: Dumbrill R., Finkel I., eds. *Proceedings of the International Conference of Near Eastern Archaeomusicology*. The British Museum, December 4–6, 2008. London, 2008, pp. 67–75.
- Mazepus V. V. Analysis of timbres in ethnomusicology: the articulatory tension and its acoustical correlates. In: Niemi J., ed. *Perspectives on the Song of the Indigenous Peoples of Northern Eurasia: Performance, Genres, Musical Syntax, Sound*. Tampere, Finland, 2009, pp. 198–209.
- McDermott J. H., Lehr A. J., Oxenham A. J. Is relative pitch specific to pitch? *Psychological science*. 2008, vol. 19, no. 12, pp. 1263–1271. DOI 10.1111/j.1467-9280.2008.02235.x
- Mersenne M. *Harmonie Universelle: The Books on Instruments*. Leiden, The Netherlands, 1957. 596 p.
- Messner G. F. Ethnomusicological Research, Another «Performance» in the International Year of Indigenous Peoples? *The World of Music*. 1993, vol. 35, no. 1, pp. 81–95.
- Miller R. J. *Contemporary Orchestration: A Practical Guide to Instruments, Ensembles, and Musicians*. New York, NY, 2014. DOI 10.4324/9781315815008-11
- Morgan D. A. *Organs and bodies: the Jew's harp and the anthropology of musical instruments*. 2008. DOI 10.14288/1.0066561
- Mu Y. Academic Ignorance or Political Taboo? Some Issues in China's Study of Its Folk Song Culture. *Ethnomusicology*. 1994, vol. 38, no. 2, p. 303. DOI 10.2307/851742
- Myers H. *Ethnomusicology: Historical and Regional Studies*. New York, NY, 1993, 541 p.
- Nettl B. *Nettl's Elephant: On the History of Ethnomusicology*. Champaign, IL: University of Illinois Press, 2010, 288 p.
- Nikolsky A. ¿Cómo funciona la emoción musical? [How Emotion Can Be the Meaning of a Music Work]. In: Cascudo T., ed. *Música y Cuerpo: Estudios Musicológicos*. Baleares, Spain: Calanda Ediciones Musicales, 2015, pp. 241–262.
- Nikolsky A. Evolution of Tonal Organization in Music Optimizes Neural Mechanisms in Symbolic Encoding of Perceptual Reality. Part 2: Ancient to Seventeenth Century. *Frontiers in Psychology*. 2016. DOI 10.3389/fpsyg.2016.00211
- Nikolsky A. The pastoral origin of semiotically functional tonal organization of music. *Frontiers in Psychology*. 2020, June (in print).
- Nikolsky A., Alekseyev E. Y., Alekseev I. Y., Dyakonova V. E. The overlooked tradition of 'personal music' and its place in the evolution of music. *Frontiers in Psychology*. 2020, vol. 10, Feb.
- Paraskeva S., McAdams S. Influence of timbre, presence / absence of tonal hierarchy and musical training on the perception of musical tension and relaxation schemas. In: *Proceedings of the International Computer Music Conference*. Thessaloniki, Greece, September 25–30, 1997. Ann Arbor, MI, 1997, pp. 438–441.
- Parncutt R., Hair G. Consonance and dissonance in music theory and psychology: Disentangling dissonant dichotomies. *Journal of Interdisciplinary Music Studies*. 2011, vol. 5, pp. 119–168.

Pike K. L. *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior*. The Hague, Netherlands, 1967, 762 p.

Pike K. L. On the emics and etics of Pike and Harris. In: *Emics and etics: The insider / outsider debate*. Thomas N. Headland, K. L. Pike, M. Harris, eds. Newbury Park: SAGE Publications, 1990, pp. 28–47.

Rice T. Toward the Remodeling of Ethnomusicology. *Ethnomusicology*. 1987, vol. 31, no. 3, pp. 469–488.

Sandell G. J. Roles for Spectral Centroid and Other Factors in Determining “Blended” Instrument Pairings in Orchestration. *Music Perception. An Interdisciplinary Journal*. 1995, vol. 13, no. 2, pp. 209–246. DOI 10.2307/40285694

Savage P. E., Brown S. Toward a new comparative musicology. *Analytical Approaches to World Music*. 2013, vol. 2, no. 2, pp. 148–197.

Schippers H. Tradition, authenticity and context: the case for a dynamic approach. *British Journal of Music Education*. 2006, vol. 23, no. 03, p. 333. DOI 10.1017/s026505170600708x

Schouten J. F. The residue and the mechanism of hearing. *Proceedings of the Koninklijke Nederlandsche Akademie von Wetenschappen*. 1940, vol. 43, no. 1938, pp. 991–999.

Scruton R. *The Aesthetics of Music*. New York, 1997, 562 p.

Spitzer J., Zaslaw N. *The Birth of the Orchestra: History of an Institution, 1650–1815*. Oxford, UK, 2004, 635 p.

Stock J. P. J. Documenting the Musical Event: Observation, Participation, Representation. In: *Empirical Musicology: Aims, Methods, Prospects*. Oxford, New York, 2008, pp.15–34.

Sundberg J. Articulatory interpretation of the “singing formant”. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1974, vol. 55, no. 4, pp. 838–844. DOI 10.1121/1.1914609

Sundberg J. *The Science of the Singing Voice*. DeKalb, IL, 1987, 227 p.

Szabolcsi B. The Eastern Relations of Early Hungarian Folk-Music. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1935, no. 3, pp. 483–498.

Tagg P. *Music’s Meaning: A Modern Musicology for Non-Musos*. Larchmont, New York, 2012, 691 p.

Talbot M. The horizontal spacing of musical symbols: a brief historical overview. *De musica disserenda*. 2009, vol. 5, no. 1, pp. 33–41.

Tardieu D., McAdams S. Perception of Dyads of Impulsive and Sustained Instrument Sounds. *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. 2012, vol. 30, no. 2, pp. 117–128. DOI 10.1525/mp.2012.30.2.117

Tarr B., Launay J., Dunbar R. I. M. Music and social bonding: “Self-other” merging and neurohormonal mechanisms. *Frontiers in Psychology*. 2014, no. 5 (Sept.). DOI 10.3389/fpsyg.2014.01096

Taruskin R. *Text and Act: Essays on Music and Performance*. Oxford, New York, 1995, 382 p.

Titon J. T. Ethnomusicology as the Study of People Making Music. *Muzikoloski Zbornik (Musicological Annual)*. 2015, vol. 51, no. 2, pp. 175–185.

Titze I. R. A framework for the study of vocal registers. *Journal of Voice*. 1988, vol. 2, no. 3, pp. 183–194. DOI 10.1016/S0892-1997(88)80075-4

Vuilleumier P., Trost W. Music and emotions: from enchantment to entrainment. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2015, vol. 1337, no. 1, pp. 212–222. DOI 10.1111/nyas.12676

Zemtsovsky I. An Attempt at a Synthetic Paradigm. *Ethnomusicology*. 1997, vol. 41, no. 2, pp. 185–205.

Zsiga E. C. *The Sounds of Language: An Introduction to Phonetics and Phonology*. Oxford UK, 2013, 474 p.

References

Abler W. L. On the particulate principle of self-diversifying systems. *Journal of Social and Biological Structures*. 1989, vol. 12, no. 1, pp. 1–13. DOI 10.1016/0140-1750(89)90015-8

Alekseeva G. G. Zaigray im, khomus, svoyu pesnyu [Khomus, play your song for them!]. In: *Muzyka Rossii: muzykal’noe tvorchestvo i muzykal’naya zhizn’ respublik Rossiyskoy Federatsii* [Music of Russia: musical creativity and musical life in the republics of Russian Federation]. A. Grigor’eva (Ed.). Moscow, Sovetskiy kompozitor, 1986, pp. 321–332. (In Russ.).

Alekseyev E. Ye. *Fol’klor v kontekste sovremennoi kul’tury* [Folklore in the context of modern culture]. Moscow, Sovetskiy kompozitor, 1988, 237 p. (In Russ.).

Altenmüller E., Kopiez R., Grewe O. A contribution to the evolutionary basis of music: Lessons from the chill response. In: Altenmüller E., Schmidt S., Zimmermann E. (Eds). *Evolution of Emotion-*

al Communication. Oxford, 2013, pp. 313–336.

Arom S. Corroborating external observation by cognitive data in the description and modelling of traditional music. *Musicae Scientiae*. 2010, vol. 14 no. 2, pp. 295–306. DOI 10.1177/10298649100140S216

Ayangil R. Western notation in Turkish Music. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2008, vol. 18, no. 4, pp. 401–447. DOI 10.1017/S1356186308008651

Balzano G. J. What Are Musical Pitch and Timbre? *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. 1986, vol. 3, no. 3, pp. 297–314. DOI 10.2307/40285339

Barbour J. M. *Tuning and Temperament: A Historical Survey*. New York, 2004, 252 p.

Barker H., Taylor Y. *Faking It: The Quest for Authenticity in Popular Music*. New York, 2002.

Baumann M. P. Listening as an Emic / Etic Process in the Context of Observation and Inquiry. *The World of Music*. 1993, vol. 35, no. 1, pp. 34–62.

Becker J. Is Western Music Superior? *Sociology*. 1986, vol. 72, no. 3, pp. 341–359.

Bendix R. *In Search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies*. Madison, WI, 1997, 320 p.

Bozkurt B., Yarman O., Karaosmanoğlu M. K., Akkoç C. Weighing Diverse Theoretical Models on Turkish Maqam Music Against Pitch Measurements. *Journal of New Music Research*. 2009, vol. 38, no. 1, pp. 45–70. DOI 10.1080/09298210903147673

Brodskiy [Bogdanov] I. A. K izucheniyu muzyki narodov Severa RSFSR [On study of music of peoples of Northern Russian Federation]. In: *Traditsionnoe i sovremennoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo* [Traditional and contemporary folk music art]. B. B. Efimenkova (Ed.). Moscow, GMPi im. Gnesinykh, 1976, pp. 244–257. (In Russ.).

Brown S. Contagious heterophony: A new theory about the origins of music. *Musicae Scientiae*. 2007, vol. 11, no. 1, pp. 3–26. DOI 10.1177/102986490701100101

Caclin A., Giard M.-H., Smith B. K., McAdams S. Interactive processing of timbre dimensions: A Garner interference study. *Brain Research*. 2007, vol. 1138, pp. 159–170. DOI 10.1016/J.BRAINRES.2006.12.065

Carlson R., Granstrom B., Fant G. Some studies concerning perception of isolated vowels. *STL-QPSR*. 1970, vol. 11, no. 2–3, pp. 19–35.

Clayton M., Sager R., Will U. In time with the music: the concept of entrainment and its significance for ethnomusicology. *European meetings in ethnomusicology*. 2005, vol. 11, pp. 1–82.

Cobb R. Introduction: The artifice of authenticity in the age of digital reproduction. *The Paradox of Authenticity in a Globalized World*. New York, 2014, pp. 1–9. DOI 10.1057/9781137353832

Cross I. Music, cognition, culture, and evolution. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2001, vol. 930, pp. 28–42.

Dasen P. R. Emics and Etics in Cross-Cultural Psychology Towards a Convergence in the Study of Cognitive Styles. In: Tchombe T. M. S., Nsamenang A. B., & H. K., Fülöp M. (Eds). *Proceedings of the 4th Africa Region Conference of the IACCP*. Aug. 1–8, 2009. Buea, Cameroun, 2012, pp. 55–73.

Dutton D. Authenticity in Art. In: Levinson J. (Ed.). *The Oxford Handbook of Aesthetics*. New York, London, 2003, pp. 258–274.

Fales C. The Paradox of Timbre. *Ethnomusicology*. 2002, vol. 46, no. 1, pp. 56–95. DOI: 10.2307/852808

Fitch W. T. The biology and evolution of music: a comparative perspective. *Cognition*. 2006, vol. 100, no. 1, pp. 173–215. DOI 10.1016/j.cognition.2005.11.009

Fox L. *The Jew's Harp: A Comprehensive Anthology*. 2nd ed. London, Lewisburg PA, 1988.

Gabrielsson A., Lindström E. The influence of musical structure on emotional expression. In: P. N. Juslin, J. A. Sloboda (Eds). *Music and Emotion. Theory and Research*. Oxford, New York, 2001, pp. 223–248.

Gourlay K. A. The Non-Universality of Music and the Universality of Non-Music. *The World of Music*. 1984, vol. 26, no. 2, pp. 25–39.

Gourlay K. A. Towards a Humanizing Ethnomusicology. *Ethnomusicology*. 1982, vol. 26, no. 3, pp. 411–420.

Gussenhoven C. Intonation and Interpretation: Phonetics and Phonology. In: E. Bel, I. Marilier (Eds). *Proceedings of Speech Prosody*. Aix-en-Provence, 2002, pp. 45–57.

Harris M. Emics and etics revisited. In: Thomas N. Headland, K. L. Pike, M. Harris (Eds). *Emics and etics: The insider/outsider debate*. Newbury Park, SAGE Publ., 1990, pp. 48–61.

Harris M. *The Nature of Cultural Things*, New York, 1964, 209 p.

Hauser M. D. A primate dictionary? Decoding the function and meaning of another species' vocaliza-

- tions. *Cognitive Science*. 2000, vol. 24, no. 3, pp. 445–475. DOI 10.1016/S0364-0213(00)00026-4
- Headland T. N. Introduction: a dialogue between Kenneth Pike and Marvin Harris on emics and etics. In: *Emics and etics: The insider / outsider debate*. Thomas N. Headland, K. L. Pike, M. Harris (Eds). Newbury Park. SAGE Publ., 1990, pp. 13–27.
- Huron D. Tone and Voice: A Derivation of the Rules of Voice-Leading from Perceptual Principles. *Music Perception*. 2001, vol. 19, no. 1, pp. 1–64. DOI 10.1525/mp.2001.19.1.1
- Ikhtisamov Kh. S. K probleme sravnitel'nogo izucheniya dvukhgolosnogo gortannogo peniya i instrumental'noy muzyki u tyurkskikh i mongol'skikh narodov [On the problem of comparative investigation of two-part throat singing and instrumental music of the Turkic and Mongolic peoples]. In: *Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naya muzyka* [Folk musical instruments and instrumental music]. E. Gippius (Ed.). Moscow, Sovetskiy kompozitor, 1988, pp. 197–216. (In Russ.).
- Ivanchenko G. V. *Psikhologiya vospriyatiya muzyki: podkhody, problemy, perspektivy* [Psychology of music perception: approaches, problems, and perspectives]. Moscow, Smysl, 2001, 252 p. (In Russ.).
- Jaffe-Berg E. Forays into Grammelot The Language of Nonsense. *Journal of Dramatic Theory and Criticism*. 2001, vol. 2 (March), pp. 3–16.
- Judd R. F. Composers, performers, and notation; solo music notations in Europe 1500–1700. *MTO: a journal of the Society for Music Theory*. 1994, no. 8.
- Juslin P. N. From everyday emotions to aesthetic emotions: Towards a unified theory of musical emotions. *Physics of Life Reviews*. 2013, vol. 10, no. 3, pp. 235–266. DOI 10.1016/j.plrev.2013.05.008
- Keen B. *The Bach Choir: The First Hundred Years*. London; New York, 2016. 334 p.
- Kolltveit G. *Jew's Harps in European Archaeology*. Oxford UK, 2006.
- Kondrat'eva N. M. *Skotovodcheskie zagovory telengitov* [Pastoral magic spells of Telengits]. Abstract of Cand. of Art diss. 1996, 20 p. (In Russ.).
- Kondrat'eva N. M., Mazepus V. V. Modal'naya organizatsiya telengitskikh skotovodcheskikh zagovorov [Modal organization of Telengit pastoral magic spells]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. 1999, vol. 6, pp. 19–43. (In Russ.).
- Krumhansl C. L. The psychological representation of musical pitch in a tonal context. *Cognitive Psychology*. 1979, vol. 11, no. 3, pp. 346–374. DOI 10.1016/0010-0285(79)90016-1
- Krumhansl C. L. Why is Musical Timbre so Hard to Understand. In: Nielzén S., Olsson O. (Eds). *Perception of Electroacoustic Sound and Music*. New York, 1989, pp. 43–54.
- Kubik G. Emics and Etics Re-Examined. Pt. 1: Theoretical Considerations. *International Library of African Music*. 1996, vol. 7, no 3, pp. 3–10.
- Ladd D. R. *Intonational Phonology*. Cambridge, UK, 1996. 349 p.
- Ladefoged P, Disner S. F. *Vowels and Consonants*. 3rd ed. Chichester, West Sussex, 2012, 231 p.
- Lbova L. V., Kozhevnikova D. V. *Formy znakovogo povedeniya v paleolite: muzykal'naya deyatel'nost' i fonoinstrumenty* [Forms of meaningful behavior in the Paleolithic: musical behavior and phonoinstruments]. Novosibirsk, NSU Publ., 2016, 245 p. (In Russ.).
- Lembke S. A., McAdams S. The role of spectral-envelope characteristics in perceptual blending of wind-instrument sounds. *Acta Acustica united with Acustica*. 2015, vol. 101, no. 5, pp. 1039–1051. DOI 10.3813/AAA.918898
- Leont'ev A. N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: V 2-kh t.* [Selected works on psychology: In 2 vols]. V. Davydov, V. Zinchenko, A. Leont'ev (Eds). Moscow, Pedagogika, 1983, vol. 1, 392 p. (In Russ.).
- Lerdahl F. Musical Syntax and Its Relation to Linguistic Syntax. In: Arbib M. A. (Ed.). *Language, Music, and the Brain*. Cambridge, MA, 2015, pp. 257–272.
- Live at the Crystal Palace: Choirs and Bands Recorded 1926-1932*. Leighton Buzzard, UK, 1993. (Sound recording).
- Malloch S. Mothers and Infants and Communicative Musicality. *Musicae Scientiae*. 2000, vol. 3, no. 1 suppl., pp. 29–57. DOI 10.1177/10298649000030S104
- Manser M. B. The generation of functionally referential and motivational vocal signals in mammals. In: Brudzynski S. M. (Ed.). *Handbook of Behavioral Neuroscience*. New York, NY, 2010, vol. 19, pp. 477–486.
- Marcetteau M. A Queen's Orchestra at the Court of Mari: New Perspectives on the Archaic Instrumentar-

ium in the Third Millennium. In: Dumbrill R., Finkel I. (Eds). *Proceedings of the International Conference of Near Eastern Archaeomusicology*. The British Museum, December 4–6, 2008, London, 2008, pp. 67–75.

Mazepus V. V. Analysis of timbres in ethnomusicology: the articulatory tension and its acoustical correlates. In: Niemi J. (Ed.). *Perspectives on the Song of the Indigenous Peoples of Northern Eurasia: Performance, Genres, Musical Syntax, Sound*. Tampere, Finland, 2009, pp. 198–209.

McDermott J. H., Lehr A. J., Oxenham A. J. Is relative pitch specific to pitch? *Psychological science*. 2008, vol. 19, no. 12, pp. 1263–1271. DOI 10.1111/j.1467-9280.2008.02235.x

Mersenne M. *Harmonie Universelle: The Books on Instruments*. Leiden, The Netherlands, 1957, 596 p.

Messner G. F. Ethnomusicological Research, Another “Performance” in the International Year of Indigenous Peoples? *The World of Music*. 1993, vol. 35, no. 1, pp. 81–95.

Miller R. J. *Contemporary Orchestration: A Practical Guide to Instruments, Ensembles, and Musicians*. New York, NY, 2014. DOI 10.4324/9781315815008-11

Morgan D. A. *Organs and bodies: the Jew’s harp and the anthropology of musical instruments*. 2008. DOI 10.14288/1.0066561

Mu Y. Academic Ignorance or Political Taboo? Some Issues in China’s Study of Its Folk Song Culture. *Ethnomusicology*. 1994, vol. 38, no. 2, p. 303. DOI 10.2307/851742

Myers H. *Ethnomusicology: Historical and Regional Studies*. New York, NY, 1993, 541 p.

Nettl B. *Nettl’s Elephant: On the History of Ethnomusicology*. Champaign, IL, Univ. of Illinois Press, 2010, 288 p.

Nikol’skiy A. V. K metodam analiza tonovoy organizatsii vargannoy muzyki [On the methodology of the analysis of tonal organization of Jaw Harp music]. In: *Sistemnye metody izucheniya muzykal’noy kul’tury: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati V. V. Mazepusa* [Systemic methods of the research on musical culture, International scientific-practical conference in memory of V. V. Mazepus]. 31 october – 1 november 2017. O. V. Novikova (Ed.). Novosibirsk, Novosib. gos. konservatoriya im. M. I. Glinki, 2017 (v pechati). (In Russ.). DOI 10.6084/m9.figshare.12380714. URL: <https://bit.ly/2ZQaCb8>

Nikolsky A. V., Alekseyev E. Ye., Alekseyev I. Ye., Dyakonova V. Ye. Prolegomena ladovoy organizatsii vargannoy muzyki na primere ispol’zovaniya artikulyatsionnykh stupeney v “govoryashchem” yakutskom khomuse [Prolegomena of modal organization of Jaw Harp music on the example of the articulatory degrees of “talking khomus”]. In: *Sistemnye metody izucheniya muzykal’noy kul’tury: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati V. V. Mazepusa* [Systemic methods of the research on musical culture, International scientific-practical conference in memory of V. V. Mazepus]. 31 october – 1 november 2017. O. V. Novikova (Ed.). Novosibirsk, Novosib. gos. konservatoriya im. M. I. Glinki, 2017 (v pechati). (In Russ.). DOI 10.6084/m9.figshare.12381674. URL: <https://bit.ly/2TLdVrJ>

Nikolsky A. V., Alekseyev E. Ye., Alekseyev I. Ye., Dyakonova V. Ye. O chem govorit “govoryashchiy vargan”: vargan i lichnaya pesnya kak osnovanie tembrovo-orientirovannykh muzykal’nykh sistem [What the “Talking Jaw Harp” is saying: jaw harp and personal song as the foundation of timbre-oriented musical systems]. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2019, no. 1 (iss. 37), pp. 5–32. (In Russ.).

Nikolsky A. ¿Cómo funciona la emoción musical? [How Emotion Can Be the Meaning of a Music Work]. In: Cascudo T. (Ed.). *Música y Cuerpo: Estudios Musicológicos*. Baleares, Spain, Calanda Ediciones Musicales, 2015, pp. 241–262.

Nikolsky A. Evolution of Tonal Organization in Music Optimizes Neural Mechanisms in Symbolic Encoding of Perceptual Reality. Part 2: Ancient to Seventeenth Century. *Frontiers in Psychology*. 2016. DOI 10.3389/fpsyg.2016.00211

Nikolsky A. The pastoral origin of semiotically functional tonal organization of music. *Frontiers in Psychology*. 2020, June (in print).

Nikolsky A., Alekseyev E. Y., Alekseev I. Y., Dyakonova V. E. The overlooked tradition of “personal music” and its place in the evolution of music. *Frontiers in Psychology*. 2020, vol. 10, Feb.

Ogotov P. P. Problema notatsii yakutskogo khomusa [Problems of notating Yakut khomus]. In: *Muzykal’naya etnografiya Severnoy Azii* [Musical Ethnography of North Asia]. Yu. I. Sheykin (Ed.). Novosibirsk, Novosib. gos. konservatoriya im. M. I. Glinki, 1988, pp. 150–154. (In Russ.).

Paraskeva S., McAdams S. Influence of timbre, presence / absence of tonal hierarchy and musical training

on the perception of musical tension and relaxation schemas. In: *Proceedings of the International Computer Music Conference*. Thessaloniki, Greece, September 25–30, 1997, Ann Arbor, MI, 1997, pp. 438–441.

Parncutt R., Hair G. Consonance and dissonance in music theory and psychology: Disentangling dissonant dichotomies. *Journal of Interdisciplinary Music Studies*. 2011, vol. 5, pp. 119–168.

Pike K. L. *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior*. The Hague, Netherlands, 1967, 762 p.

Pike K. L. On the emics and etics of Pike and Harris. In: *Emics and etics: The insider / outsider debate*. Thomas N. Headland, K. L. Pike, M. Harris (Eds). Newbury Park, SAGE Publ., 1990, pp. 28–47.

Rice T. Toward the Remodeling of Ethnomusicology. *Ethnomusicology*. 1987, vol. 31, no. 3, pp. 469–488.

Sandell G. J. Roles for Spectral Centroid and Other Factors in Determining “Blended” Instrument Pairings in Orchestration. *Music Perception. An Interdisciplinary Journal*. 1995, vol. 13, no. 2, pp. 209–246. DOI 10.2307/40285694

Savage P. E., Brown S. Toward a new comparative musicology. *Analytical Approaches to World Music*. 2013, vol. 2, no. 2, pp. 148–197.

Schippers H. Tradition, authenticity and context: the case for a dynamic approach. *British Journal of Music Education*. 2006, vol. 23, no. 03, p. 333. DOI 10.1017/s026505170600708x

Schouten J. F. The residue and the mechanism of hearing. *Proceedings of the Koninklijke Nederlandsche Akademie von Wetenschappen*. 1940, vol. 43, no. 1938, pp. 991–999.

Scruton R. *The Aesthetics of Music*. New York, 1997, 562 p.

Sheykin Yu. I. *Istoriya muzykal'no kul'tury narodov Sibiri: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of music culture of Siberian ethnicities: a comparative historic investigation]. E. S. Novik (Ed.). Moscow, Vost. lit., 2002, 728 p. (In Russ.).

Shishigin S. S. *Igrayte na khomuse* [Play khomus]. Yakutsk, Culture ministry Republic of Sakha Publ. House, 1995, 21 p. (In Russ.).

Spitzer J., Zaslav N. *The Birth of the Orchestra: History of an Institution, 1650–1815*. Oxford, UK, 2004, 635 p.

Stock J. P. J. Documenting the Musical Event: Observation, Participation, Representation. In: *Empirical Musicology: Aims, Methods, Prospects*. Oxford, New York, 2008, pp.15–34.

Sundberg J. Articulatory interpretation of the “singing formant”. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 1974, vol. 55, no. 4, pp. 838–844. DOI 10.1121/1.1914609

Sundberg J. *The Science of the Singing Voice*. DeKalb, IL, 1987, 227 p.

Szabolcsi B. The Eastern Relations of Early Hungarian Folk-Music. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1935, no. 3, pp. 483–498.

Tagg P. *Music's Meaning: A Modern Musicology for Non-Musos*. Larchmont, N.Y., 2012. 691 p.

Talbot M. The horizontal spacing of musical symbols: a brief historical overview. *De musica disserenda*. 2009, vol. 5, no. 1, pp. 33–41.

Tardieu D., McAdams S. Perception of Dyads of Impulsive and Sustained Instrument Sounds. *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. 2012, vol. 30, no. 2, pp. 117–128. DOI 10.1525/mp.2012.30.2.117

Tarr B., Launay J., Dunbar R. I. M. Music and social bonding: “Self-other” merging and neurohormonal mechanisms. *Frontiers in Psychology*. 2014, no. 5 (Sept.). DOI 10.3389/fpsyg.2014.01096

Taruskin R. *Text and Act: Essays on Music and Performance*. Oxford, New York, 1995. 382 p.

Teplov B. M. *Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostey* [Psychology of musical abilities]. Moscow, Leningrad, Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1947, 355 p. (In Russ.).

Titon J. T. Ethnomusicology as the Study of People Making Music. *Muzikoloski Zbornik (Musicological Annual)*. 2015, vol. 51, no. 2, pp. 175–185.

Titze I. R. A framework for the study of vocal registers. *Journal of Voice*. 1988, vol. 2, no. 3, pp. 183–194. DOI 10.1016/S0892-1997(88)80075-4

Volodin A. A. *Psikhologicheskie aspekty vospriyatiya muzykal'nykh zvukov* [Psychological aspects of perception of musical sounds]. Abstract of Cand. psychol. sci. diss. Moscow, 1972, 36 p. (In Russ.).

Vuilleumier P., Trost W. Music and emotions: from enchantment to entrainment. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2015, vol. 1337, no. 1, pp. 212–222. DOI 10.1111/nyas.12676

Zagretdinov R. A. *Shkola igry na kubyze: Uchebno-metodicheskoe posobie* [The school of playing kubyz: a practical methodological aid]. M. S. Alkin, T. S. Zinov'eva (Eds). Ufa, Belaya reka, 1997, 278 p. (In Russ.).

Zemtsovskiy I. I. Apologiya teksta [The Apologia of Text]. In: *Muzykal'naya akademiya* [Music academy]. 2002, vol. 4, pp. 100–110. (In Russ.).

Zemtsovsky I. An Attempt at a Synthetic Paradigm. *Ethnomusicology*. 1997, vol. 41, no. 2, pp. 185–205.

Zsiga E. C. *The Sounds of Language: An Introduction to Phonetics and Phonology*. Oxford UK, 2013, 474 p.

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

26.01.2020

Сведения об авторах

Никольский Алексей Викторович – технический директор фирмы «Braavo Enterprises» (Лос-Анджелес, США), ассоциированный редактор научных журналов «Frontiers in Psychology», «Frontiers in Neuroscience» (Лозанна, Швейцария)

E-mail: alekseynikolsky@gmail.com

ORCID 0000-0001-5572-9438

Алексеев Эдуард Ефимович – доктор искусствоведения, член Главной редакционной коллегии академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», академик Академии духовности Республики Саха (Российская Федерация), сотрудник Международного института Бостона (International Institute of Boston) (Бостон, США)

Веб-сайт: eduard.alekseyev.org; e-mail: eduard.alekseyev@gmail.com

ORCID 0000-0002-4226-9855

Алексеев Иван Егорович–Хомус Уйбаан – доктор филологических наук, профессор Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации и заведующий лабораторией экспериментальной филологии Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, президент Международного центра хомусной (варганной) музыки и Музея и центра хомуса (trump) народов мира (Якутск, Российская Федерация)

E-mail: khomusujb@mail.ru

ORCID 0000-0002-0853-0116

Дьяконова Варвара Егоровна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения и заведующая аспирантурой Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Российская Федерация)

E-mail: dvaryae2012@mail.ru

ORCID 0000-0003-3470-5474

Information about the Authors

Aleksey V. Nikolsky – Technical Director of “Braavo Enterprises” (Los Angeles, USA), Associate Editor of the scientific journals “Frontiers in Psychology” and “Frontiers in Neuroscience” (Lausanne, Switzerland)

E-mail: aleksey@braavo.org

ORCID 0000-0001-5572-9438

Eduard Ye. Alekseyev – Doctor of Arts, member of the Chief Editorial Board of the academic series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”, Academician of the Academy of Spirituality of the Sakha Republic (Russian Federation), Employee of the International Institute of Boston (Boston, USA)

Website: eduard.alekseyev.org; e-mail: eduard.alekseyev@gmail.com

ORCID 0000-0002-4226-9855

Ivan Ye. Alekseyev–Khomus Ujbaan – Doctor of Philology, Professor of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation and the Head of the Department of Experimental Philology at the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, President of the Museum and the Center of the Khomus (trump) Music of the Peoples of the World (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: khomusujb@mail.ru

ORCID 0000-0002-0853-0116

Varvara Ye. Dyakonova – Candidate of Arts, Associate Professor of the Department of Art Studies and the Director of the Postgraduate Studies at the Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: dvaryae2012@mail.ru

ORCID 0000-0003-3470-5474

Проблемы национальной терминологии стилей и жанров якутских народных песен

А. С. Ларионова

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия*

Аннотация

В статье систематизируются национальные термины стилей и жанров якутской традиционной песенности, используемые в якутском этномузыкознании. Представлены термины и переводы на русский язык национальных названий якутской народной песни, функционирующие в настоящее время. В том числе приведены термины, сохранившиеся лишь в воспоминаниях или не имеющие особого распространения в музыкознании. Якутская народная песня охарактеризована с точки зрения мелодики, структуры, тембра и метроритмики. Выявлено изменение значений двух основополагающих типов пения народа саха в процессе развития якутского этномузыкознания: дьиэрэтии ырыа ‘плавное, протяжное пение с гортанными призывками кылысах’ и дэгэрэн ырыа ‘подвижное, ритмичное, порывистое пение’. Дьиэрэтии ырыа включает разнообразные жанры: тойук, олонхо, алгысы и др. Значение термина дэгэрэн ырыа постепенно изменяется: от жанра песен, передающих топот коня, к бытовой песне и позднее – к обозначению стиля пения. Дэгэрэн ырыа охватывает различные напевы – это туойсуу ырыата, песни со специфическими способами пения, осуохай и др. Существуют также термины, содержащие слова, не имеющие музыкального значения. Они имеют отношение к жанру песни, когда добавляется слово ырыата ‘песня’.

Ключевые слова

якутская музыкальная терминология, стиль, жанр, тембр, песня, пение, этномузыкознание, традиция, танцы

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, грант 18-412-140012 р-а «Подготовка корпуса текстов тома “Якутские народные песни” академической двуязычной серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”».

Для цитирования

Ларионова А. С. Проблемы национальной терминологии стилей и жанров якутских народных песен // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 33–44. DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-33-44

Problems of national terminology of styles and genres of Yakut folk songs

A. S. Larionova

*Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North of the SB RAS, Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The article analyzes the changes in the meanings of national terms of styles and genres of Sakha traditional songs during the development of the Yakut ethnomusicology. Until the end of the 20th century, dieretii yrya was regarded as the type or manner of the Sakha people singing. Recently, it has been defined as the style of

© А. С. Ларионова, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

the Yakut traditional singing. Initially treated as the genre of songs and later daily life song genre of the Yakuts, nowadays, Degeren yrya is considered a style. Also, some Yakut singing styles are presented which are not common in the Yakut ethnomusicology and have not been practiced in the Yakut song culture for a long time. The styles and genres of Yakut folk songs are characterized. The article provides the analysis of traditional tunes of the Sakha people, including those introduced into science for the first time.

Keywords

Yakut musical terminology, style, genre, timbre, song, singing, ethnomusicology, tradition, dances

Acknowledgements

The work was supported by the grant of RFBR (Russian Foundation for Basic Research) 18-412-140012 r-a "Preparation of the body of texts of the volume "Yakut Folk Songs" of the academic bilingual series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East".

For citation

Larionova A. S. Problemy natsional'noy terminologii stiley i zhanrov yakutskikh narodnykh pesen [Problems of national terminology of styles and genres of Yakut folk songs]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 33–44. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-33-44

Формирование национальной терминологии в обозначении стилей и жанров якутской народной песенности в якутском этномузыкознании происходило постепенно.

Якутский термин *ырыа*, широко распространенный в народной среде, применяют в этномузыкознании в разных значениях. С. Д. Мухоплева пишет: «Народ саха представлял “настоящую” песню, концепт *ырыа (песня)* как единство двух самостоятельных начал: поэтического слова и напева. Говоря современным языком, в народе песня понималась как соотношение элементов разных кодов в рамках одного “разнокодowego” вербально-музыкального культурного текста» [2013, с. 49]. Э. К. Пекарский, прекрасно знавший якутский язык, еще до появления этномузыкознания как самостоятельной научной дисциплины переводит термин *ырыа* как «песня, пение, песнопение» или «гимн, псалом» [1959, т. 3, стб. 3823]. По «Якутско-русскому словарю», *ырыа* – это песня [1972, с. 529]. *Ырыа* используют в этномузыкознании в качестве самостоятельного слова для обозначения жанра песни и как вспомогательное слово для обозначения стилей якутского традиционного пения: *дьиэрэтии ырыа* ‘плавное, протяжное пение с гортанными призывками *кылысах*’ и *дэгэрэн ырыа* ‘подвижное, ритмичное, порывистое пение’, в настоящее время являющихся общепризнанными.

Термин *дьиэрэтии ырыа* произошел от глагола *дьиэрэй* в значении «звонко раздаваться» [Там же, с. 130]. Впервые этот термин был введен Ф. Г. Корниловым в одной из его газетных статей в 20-х гг. XX в. Он использовал термин *ырыа* с добавлением слова *дьиэрэтии* ‘протяжно’ для обозначения специфики вокального интонирования. Об этом существует в Интернете информация Ирины Пантелеевой «Как русская музыка запела якутские песни». По ее мнению, «статья Ф. Г. Корнилова “О том, как впервые распространялась якутская песня среди грамотных якутов”, опубликованная в журнале “Чолбон” в 1927 году, считается первой музыковедческой работой на якутском языке <...> Федор Григорьевич обратил внимание на некоторые стилистические особенности фольклора, в частности, на специфику вокального интонирования и ввел прочно вошедший затем в практику термин “*Дьиэрэтин ырыа*” (‘протяжное пение’)» [Пантелеева, 2016]. Позже термин *дьиэрэтии ырыа* стал использовать М. Н. Жирков, но без ссылки на Ф. Г. Корнилова, обозначая им тип и манеру пения. Видимо, этот термин в 20–40-х гг. XX в. активно функционировал в народе и был взят из народной терминологии.

Термином *дьиэрэтии ырыа* в XX в. исследователи Э. Е. Алексеев, Г. А. Григорян и М. Н. Жирков обозначали тип и манеру якутского традиционного пения. Для него характерны своеобразная маятникообразная в пределах тритона импровизационная мелодика с особыми гортанными призывками – *кылысахами*, свободная метроритмика, нетемперированный звукоряд и вступительный зачин «*Дьэ буо!*» (‘Ну вот!’). В «Якутско-русском словаре» *дьиэрэтии ырыа* обозначает протяжную песню [1972, с. 529]. От него образовались словосочетания *көрдөөх ырыа дьиэрэйэр* – «раздается звонкая песня» и *ырыаны дьиэрэт* – «затянуть звонкую песню».

Дьиэрэтии ырыа несет в себе мелодический, ритмический и тембровый код якутского национального пения, не имеющий аналогов у других этносов мира. М. Н. Жирков характеризует его следую-

щим образом: «Песни типа “*дьиэрэтии*” по-русски – протяжно, плавно. Имеют еще название “*дьэ-буо*”, которое дано народными певцами как краткое вступление почти ко всем песням, в переводе означающим ‘ну вот’. Значение их, очевидно, такое – певец, перед тем как петь, как бы призывает внимание слушателей» [Жирков, 1981, с. 25–26]. Об особенностях же пения он пишет: «Народные певцы с мастерством овладели техникой исполнения “*дьиэрэтии ырыа*”. Они в процессе долготелней тренировки одновременно выработали передачу мелодии песен и своеобразный аккомпанемент» [Там же, с. 27]. Под аккомпанементом М. Н. Жирков подразумевал *кылысахи*. По мнению исследователя, стиль пения *дьиэрэтии ырыа* «в переводе означает песни, исполняемые с гортанной вибрацией. Мотивы песен *олонхо* (якутский героический эпос – А. Л.) как будто состоят из 2–5-и звуков, составляющих звукоряд пентатоники, но между этими звуками *олонхосуы* (исполнители *олонхо* – А. Л.) вставляют гортанной вибрацией дополнительные звуки, как бы аккомпанирующие песне, которые исследователи якутской музыки еще называют “необычайными мелизмами”, “неуловимыми”, “неподдающимися для записи”» [Там же, с. 28–29]. В «Якутско-русском словаре» термин *кылысах* представлен выражением *кылыһахтаах ырыа* – «песня с гортанными форшлагами, гортанная песня» [1972, с. 529]. *Дэгэрэн ырыа* поют обычным голосом без *кылысахов*, но в вилюйской традиции пения исполняют с *кылысахами*, поэтому *дэгэрэн ырыа* вилюйской стилистики можно назвать *кылыһахтаах ырыа* – «песня с *кылысахами*».

Г. А. Григорян *дьиэрэтии ырыа* обозначает как эпический стиль «*Дьэ буо*» и пишет о нем следующее: «Песни этого стиля, как и большинство музыкальных эпизодов из “*Олонхо*”, отличаются импровизационностью мелодии, нетемперированностью звукоряда и обилием гортанных форшлаггов (“*кылысахов*”). Почти все эти песни начинаются со вступительного восклицания “*Дьэ буо*”» [1956, с. 71]. Тембровые призвуки *кылысахи* М. Н. Жирков и Г. А. Григорян характеризовали как гортанные форшлагги и призвуки.

Более подробную характеристику этих мелизмов представил Э. Е. Алексеев. Он пишет: «Стиль *дьиэрэтии*, сконцентрировавший в себе наиболее характерные черты национальной манеры пения, отличается большим тембровым своеобразием. Это не просто гортанное или горловое пение. Исполнение в стиле *дьиэрэтии* обильно уснащается специфическими фальцетными призвуками – *кылысахами*, техника которых вырабатывается длительной тренировкой. Имея характер кратких акцентных ударов особого тембра, то сравнительно редких, то частых, порой высотно неопределенных, но нередко очень отчетливых и постоянных по тону, *кылысахи* образуют своего рода мелодический и ритмический контрапункт к основному напеву. В результате возникает эффект инструментального сопровождения или, точнее, возникает иллюзия разномембрового “сольного двухголосия”» [Алексеев, 1976, с. 7–8].

Термин для второго значимого для якутской культуры стиля пения – *дэгэрэн ырыа* впервые в научную литературу ввел М. Н. Жирков. Он пишет: «“*Дэгэрэн*” – по-русски означает подвижно, ритмично, порывисто. Это один из распространенных в наше время типов якутской народной песни с наиболее европеизированным мелодическим рисунком. Построены на интервалах европейского звукоряда, легко записываются на ноты. Они не требуют от исполнителя специфической горловой вибрации. Своеобразие и колорит якутской песни передаются при помощи обычных европейских мелизмов» [Жирков, 1981, с. 21]. В словаре Э. К. Пекарского слово *дэгэрэн*, *дэгэрэм* означает «ходить на носках, на цыпочках» [1958, т. 1, стб. 682]. Другое значение – «припев во время пляски». *Дэгэрэн ырыа* означает песню, поющуюся скороговоркой, а также песню-речитатив без фиоритур. Однокоренное слово *дэгэй* в словосочетании *сиэлэн дэгэйэн ис* переводится как «ехать легкой рысью» [Там же, стб. 681]. Отметим, что в якутских сказках *Дэгэллэн Элэмэс* означает имя коня. *Дэгэрэн ырыа* в «Якутско-русском словаре» переводится как «якутская песня с размеренной мелодией» [1972, с. 121].

Если М. Н. Жирков трактует *дэгэрэн ырыа* как тип якутской народной песни, то со времен Г. А. Григоряна этим словосочетанием стали определять стиль пения народа саха. Определение у Г. А. Григоряна следующее: «Помимо стиля “*Дьэ буо*” у якутских певцов существует и другой стиль – “*Дэгэрэн ырыа*”, отличающийся большей ладовой и ритмической организованностью» [1956, с. 72]. *Дэгэрэн ырыа* он относит то к стилю, то к манере пения. Э. Е. Алексеев по поводу этого стиля пишет: «Пение в манере *дэгэрэн* – это более ординарное, обычное чаще встречающееся в быту пение, в отличие от *дьиэрэтии ырыа*, как правило, не требующее специальных вокальных навыков» [Алексеев, Николаева, 1981, с. 5]. Он так же, как и Г. А. Григорян, трактует

дэгэрэн ырыа как стиль и манеру пения. Н. Н. Николаева определяет *дэгэрэн ырыа* как стиль и как массовое пение якутов [Николаева, 1993, с. 12].

Г. А. Григорян первым отнес к *дэгэрэн ырыа* обрядовый круговой песню-танец *осуохай* и этим придал термину стиливое значение. В свою очередь, название *осуохай*, по мнению А. Д. Татариновой, впервые зафиксировано в 1940-х гг. Она считает, что жанр *осуохай* оформился в советский период «на основе бытовавших в старину заклинательных, ритуальных и развлекательных круговых танцев. От обрядовых танцев в нем были сохранены музыкальная и кинетическая составляющие (вступительный раздел в стиле *дьиэрэтии ырыа*), а культовый текст уступил место советскому с темами, соответствующими государственной идеологии» [Татаринова, 2016, с. 18]. Термин *оһуохай*=*осохай* в «Якутско-русском словаре» переводится как «якутский национальный танец, сопровождающийся хоровым пением-импровизацией участников». Употребляется в значениях *оһуохай тыһиолгэтэ* – «круг, образованный участниками *осохая*»; *оһуохайдаа* – «танцевать *осохай*», *оһуохайдьыт* – «участник *осохая*, запева-ла-импровизатор в танце *осохай*» [Якутско-русский словарь, 1972, с. 280]. В данном случае слова *оһуохай* и *осохай* представляют собой диалектные варианты. В книгах и статьях иногда встречаются варианты *оһохай*, *оһокай*, *охокай*. Вариант *осуохай* используют музыковеды со времен М. Н. Жиркова. Молодые этномузыкологи пишут термин в варианте *оһуохай*. В настоящее время *осуохай* получил широкое распространение по всей Якутии. Он исполняется во время обрядовых торжеств, преимущественно на летнем кумысном празднике *Ысыах* и функционирует в качестве праздничного танца по всей Якутии. В песенном аспекте танца сольный запев певца-импровизатора чередуется с гетерофонным повторением зачина всеми участниками. Формульный напев *осуохая* содержит, как правило, терцово-секундовые и квартовые интонации. Ритмическая структура жестко подчинена логике танцевального движения. М. Н. Жирков относил жанр *осуохай* к танцевальной музыке якутов, а уже со времен Г. А. Григоряна, с 60-х гг. XX в., якутские этномузыковеды стали причислять *осуохай* к *дэгэрэн ырыа*, а термином *дэгэрэн ырыа* определять традиционный стиль якутского пения.

Терминология стилей якутского традиционного пения сформировалась не сразу. Она претерпела определенную эволюцию в процессе развития якутского этномузыкального знания. Особенно это касается термина *дэгэрэн ырыа*, который приобрел устоявшийся стилиевой признак лишь к концу XX в. Известный якутский *олонхосут* У. Г. Нохсоров под ним подразумевал песни, передающие топот коня. Якутские этномузыковеды данным термином называли жанр якутской бытовой песни и тип якутской народной песни. Позже Э. Е. Алексеев уже трактует его как стиль и манеру пения. А. С. Ларионова, следуя определению М. Н. Жиркова, дает следующую характеристику: «*Дэгэрэн ырыа* представляет собою песенный жанр якутского фольклора, основанный на строго организованной метроритмике и развитой, рельефно очерченной, структурно замкнутой индивидуализированной мелодике» [Ларионова, 2000, с. 37]. В то же время она отмечает: «Что касается соотношения стиля и жанра в якутской музыке, надо отметить, что, хотя стиль пения *дэгэрэн* составляет основу *осуохая*, *олонхо* и песенной лирики, стиль *дьиэрэтии ырыа* тоже проявляется в свою очередь в этих трех основных пластах якутской песенности, выражая и общее, и особенное. Поэтому представляется верным придать терминам *дьиэрэтии ырыа* и *дэгэрэн ырыа* именно стиливое значение» [Там же, с. 29]. К концу XX в. Термином *дэгэрэн ырыа* стали определять стиль якутского традиционного пения исследователи Г. Г. Алексеева, Н. И. Головнева, З. И. Кириллина, Г. М. Кривошапка, А. П. Решетникова и др.

В якутской песенной культуре кроме двух основных стилей пения имеются другие стили, термины для обозначения которых еще не устоялись в якутском этномузыкальном знании: шаманское пение, песни, поющиеся в психоделическом состоянии. Их в 70-х гг. XX в. Э. Е. Алексеев относит к камерной ветви *дьиэрэтии ырыа*. В монографии *Дьиэрэтии ырыа* якутского традиционного пения подразделяется им на концертную и камерную ветви [Алексеев, 1976]. Концертная ветвь включает звучащие в торжественных случаях развернутые импровизации *тойуки*, праздничные песни, всевозможные пожелания, славления, напутствия *алгысы* и песенные разделы *олонхо*. Камерную ветвь составляют ночные песни *туул ырыата*, песни-стоны *энэлгэн ырыата*, прощальные и предсмертные, притупляющие боль *көбүтүү ырыата*, песни кликуш *мэнэрик ырыата*, а также дорожные, путевые песни *айан ырыата* или *суол ырыата*. Вслед за Э. Е. Алексеевым термины песенных жанров этого рода стали использовать и другие этномузыкологи. С 90-х гг. XX в. этномузыковеды уже перестали относить их к *дьиэрэтии ырыа*, считая, что это стиль пения, отличный от *дьиэрэтии ырыа*, который еще не имеет

самостоятельного названия. В. Г. Григорьева в своей кандидатской диссертации «Эпические и песенные традиции саха в творческом наследии У. Г. Нохсорова» [2017] попыталась предложить свое название: *уйулга ырыа*. Она пишет: «Мы считаем необходимым ввести для обозначения третьего стиля специальный якутский термин “уйулга ырыа” (“уйулга ырыа”) – связанный с определенным психологическим медитационным состоянием, полученным вследствие эмоционального самоуглубления» [Там же, с. 64].

Особая стилистика свойственна шаманскому пению и песням, поющим в психоделическом состоянии. Песни и пение постоянно сопровождают шаманский ритуал. Подобные напевы именуют в этномузыкознании как стиль *кутуруу* или *ойуун кутуруута*. Именно в этих стилях пения исполняются камлания шамана. По мнению А. П. Решетниковой, термин *кутуруу* применим также к напевам героев Нижнего мира из *олонхо*. Она пишет: «Характерность стиля пения богатырей *абаасы* коренится в сказительской имитации “пения” духов-помощников черных шаманов во время камланий. Данный песенный стиль персонажей *абаасы* мы определяем как имитацию *кутуруу* (шаманское пение)» [Решетникова, 1993, с. 58]. *Кутуруу* происходит от глагола *кутур*, который значит: 1) «петь, напевать по-шамански: петь, голосить истерически; *ойуун кутураар* шаман напевает по-шамански; 2) токовать (о тетеревах); *кутуйах кутураар* тетерев токует» [Якутско-русский словарь, 1972, с. 194]. Другое происхождение слова *кутуруу* – *кутуруксут*, которое в «Якутско-русском словаре» обозначает «помощника шамана при камлании» [Там же]. По эмоциональной выразительности пения в шаманских камланиях *кутуруу* имеет сходство со словом *кутуруй* ‘скорбеть, горевать’.

Термином *кутуран* в народной среде именуют *мэнэрик ырыата* ‘песня кликуши’, которые поются психически больными людьми. В целом, *мэнэрик* – это «подверженный нервным припадкам; истеричный; кликуша, кликун», а *мэнэрий* означает «биться в нервном припадке; бесноваться; кликушествовать» [Там же, с. 348]. Близки к *мэнэрик ырыата түүл ырыата* (пение во сне) – от слова *түүл* ‘сон, сновидение’ [Там же, с. 416]. Сейчас можно констатировать факт исчезновения подобных напевов у якутов из-за угасания традиции их исполнения и отсутствия носителей этих жанров. Хотя, возможно, они существуют и в настоящее время, но, поскольку подобные напевы связаны с психическим состоянием человека, их фиксация является для исследователя сложной проблемой.

Имитация напевов, поющихся в психоделическом состоянии, существуют лишь в единичных опубликованных нотных образцах. Так, например, жанр *түүл ырыата* ‘пение во сне’, воспроизведенный Л. Н. Турниным из Таттинского улуса, существует в нотировке Э. Е. Алексеева [Алексеев, Николаева, 1981, с. 60]. В комментариях к данному напеву Э. Е. Алексеев пишет: «*Түүл ырыата*. Пение во сне. Имитация. Записана Э. Алексеевым в марте 1969 года в с. Кыйы Алексеевского р-на от известного якутского певца Луки Николаевича Турнина (род. 1917). Нотация Э. Алексеева (оригинал у него же). Нередко встречающийся в прошлом болезненный вид пения. Обычно в сонном состоянии поет очень уставший или расстроенный человек. До сих пор есть люди, систематически поющие во сне. Вообще говоря, петь во сне можно что угодно, но к традиционным якутским *түүл ырыата* обычно относят достаточно характерное пение, близкое к пению *мэнэриков* и также связанное с шаманистическим кругом представлений. По словам исполнителя, так пела во сне жившая там старуха Федосья (фамилия не известна), которую он слышал в детстве. Первый возглас (“*дуо*”) певец сопровождал репликой: “Она спит так”. Структура распева характерна для приленской манеры пения *дьи-эрэтии*. Пение негромкое, явно имитирующее чужой голос, включает сонные вздохи» [Там же, с. 98].

Автор данной статьи в детстве также часто слышала *түүл ырыата*, когда ночью, уже явно во сне пела старшая сестра ее бабушки Иванова Анастасия Алексеевна (1903 г. р.). Ее пение близко к *дьи-эрэтии ырыа* вилюйской традиции пения, так как она была родом из Нюрбинского улуса. Многие информанты подтверждают, что данный жанр был широко распространен в якутской среде.

К группе напевов, поющихся в психоделическом состоянии, примыкает также жанр *энэлгэн ырыата* ‘песня-стон’. Единственная нотная запись имитации напева жанра *энэлгэн ырыата* зафиксирована от А. Л. Попова из Мегино-Кангаласского улуса [Алексеев, Николаева, 1981, с. 61]. В комментариях к этому напеву Э. Е. Алексеев пишет: «Песня-стон, песня-стенание. Имитация. Записана Э. Алексеевым в октябре 1966 г. в г. Якутске от Алексея Леонтьевича Попова (род. 1923) из Мегино-Кангаласского р-на. Нотация Э. Алексеева (оригинал у него же). По воспоминаниям исполнителя, очень больной человек, который сидел, раскачиваясь на кровати в соседней юрте, внезапно зашел,

когда он и соседские мальчишки из любопытства зашли туда. Мальчишки очень испугались и убежали. Человек этот вскоре умер» [Там же, с. 98]. Подобный напев умирающего человека впервые записал от С. А. Зверева–*Кыыл Уола* М. Н. Жирков во время Вилюйской экспедиции 1943 г. под № 29 «*һаа айака*» («Возглас боли»)¹ (Приложение, нотный пример 1). Исследователь не определяет зафиксированный им напев как жанр *энэлгэн ырыата*, но по смыслу он близок к этому жанру. Хотя Н. Н. Николаева относит подобные песни к жанру прощальных предсмертных песен, отличному от *энэлгэн ырыата* ‘песни-стона’. Напев «*һаа айака*» предваряет комментарий М. Н. Жиркова: «*Өлбүт киһи оҕоһо кэриэн этиитэ*» («Последние напутственные слова умирающего человека наследнику»). Запись содержит одну нотную строку из трех тактов в размере 4/4, в тональности h-moll.

Употребление национальных терминов в отношении жанров якутских народных песен тоже происходило в XX в. в процессе развития якутского этномузыкознания. Слова *кутуруу*, *хабарба ырыата* и *ырыа* переведены в словаре как музыкальные термины, обозначающие песни, в то же время многие песенные жанры не имеют собственных музыкальных терминов. В целом, музыкальных терминов в якутском языке немного. Поэтому в этномузыкознании стали употреблять для обозначения жанров наименования с добавлением уточняющих немзыкальных слов. Названия песенных жанров *суол ырыата* или *айаан ырыата* представлены словами *суол* и *айаан*, которые не обнаруживают музыкального смысла. *Айаан* переводится как «старое русло реки, старица», *суол* – «дорога, путь; трасса». *Түүл ырыата* ('пение во сне') происходит от слова *түүл* 'сон, сновидение' [Якутско-русский словарь, 1972, с. 416]. Музыкальными все эти термины становятся при добавлении к ним слова *ырыата* 'песня'. В свою очередь, названия песен со специфическими способами пения, применяемые в якутском этномузыкознании, произошли от слов, характеризующих способы исполнения. Так, *тангалай ырыата* ('нёбные песни') имеет слово *тангалай* 'нёбо || нёбный' [Там же, с. 374], а *хонсуо ырыата* ('гнусавые песни') – *хонсуо* 'гнусавый'. Лишь *хабарба ырыата* обозначает 'горловое пение' [Там же, с. 529] и является музыкальным термином. Все эти песни имеют специфические способы исполнения, которые отличаются между собой тембровым колоритом, содержанием и функцией. Слова, используемые для обозначения того или иного жанра, широко употребляемые в якутском языке, обозначают стиль, технический исполнительский прием или функцию. Это характерно для песен со специфическими тембровыми способами исполнения: *тангалай ырыата*, *хабарба ырыата* и *хонсуо ырыата*. В *суол ырыата* перевод обозначает функцию: эти песни исполнялись во время поездки: в пути, в дороге.

В. Л. Серошевский ввел в научный оборот термин *хабарба ырыата*. Он считал, что подобные песни принадлежат не только к детскому фольклору народа саха. Он пишет: «Способ петь “горлом” *хабарганан*, употребляемый теперь только детьми, был, по преданиям, когда-то всеобщим у якутов» [Серошевский, 1993, с. 514]. Э. К. Пекарский характеризует *хабарба ырыата* как «особый способ пения с закрытым ртом» [Пекарский, 1959, т. 3, стб. 3823]. В настоящее время подобные песни не функционируют. Вероятно, они могли петься горлом с закрытым ртом, о чем свидетельствует и перевод слова *хабарба* – «глотка, горло, гортань». М. Н. Жирков обозначал их как горловые песни и причислил к ним напевы, которые «исполняются с хрипом в горле» [Жирков, 1981, с. 34]. Он стал первым, кто произвел нотную запись такого напева во время Вилюйской экспедиции 1943 г. Песня «*Сиппие (Хабарба ырыата)*»² представлена в экспедиционных материалах М. Н. Жиркова под № 7 во втором разделе «*Саха ырыалара тойуктара*» (Приложение, нотный пример 2). Напев записан в г. Нюрба от известного якутского певца С. А. Зверева–*Кыыл Уола* из Сунтарского улуса. Название песни имеет вариант «*Сиппиэ*», а в словесном тексте песни записано как «*ситтиэ*». Вербальный текст состоит из четырех строк. К песне есть справка: «При форте, голова наклоняется на право, при пиано

¹ Архивный фонд Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), фонд М. Н. Жиркова, ед. хр. 4: Записи якутских песен, произведенных в группе Вилюйских районов, и высказывания о якутской музыке (212 с.). Часть: М. Н. Жирков. Записи Якутских народных песен, произведенных в группе Вилюйских районов 1943 г. Раздел 2: *Саха ырыалара тойуктара*, л. 20 об.

² Архивный фонд Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), фонд М. Н. Жиркова, ед. хр. 4: Записи якутских песен, произведенных в группе Вилюйских районов, и высказывания о якутской музыке (212 с.). Часть: М. Н. Жирков. Записи Якутских народных песен, произведенных в группе Вилюйских районов 1943 г. Раздел 2: *Саха ырыалара тойуктара*, л. 14.

на лево. При пении легонечко притаптывается ногами, не отрывая ноги от пола» [Там же]. Запись состоит из двух нотных строк из четырех тактов со словами, в размере 4/4 и тональности C-dur.

К другому жанру стиля *дэгэрэн ырыа* со специфическим способом пения относится пение с периодическим прищелкиванием языка о небо, которое именуют в Якутии *тангалай ырыата*. В словаре Э. К. Пекарского дан только перевод слова *тангалай* – «небо», который не подразумевает каких-то музыкальных аналогий. Сам термин, таким образом, образован от немзыкального слова. Возможно, эти песни появились у якутов не так давно под влиянием песенной культуры эвенов, эвенков, у которых имеются песни и звукоподражания, имитирующие «хорканье» оленя в манере исполнения, подобно специфическим призвукам в *тангалай ырыата*. В эвенской и эвенкийской культурах олень играет важную роль. По-эвенски хорканье оленя обозначается словом *хоргын*, и в эвенской культуре существует танцевальный жанр *ниргэн* с подражанием голосу оленя. У эвенков бытуют круговые танцы *нэльки* и *синкелаун*, в которых тоже имитируют хорканье оленя.

Из представленной народной якутской музыкальной терминологии стилей и жанров традиционной песенности народа саха в этномузыкознании не имеют распространения такие термины, как *сыһалыйан*, *ордоотон*, *дьиэрэнкэй*, *дьаала ырыа* в связи с отсутствием записей и исследований подобных напевов. По воспоминаниям Т. И. Филипповой, эти термины были приведены ей У. Г. Нохсоровым. Т. И. Филиппова пела в хоре театра, затем работала бухгалтером и была хорошо знакома с У. Г. Нохсоровым. Автор настоящей статьи общалась с ней в конце 80-х гг. XX в. во время работы над диссертацией, когда выясняла вопрос об использовании термина *дэгэрэн ырыа* в народной среде. Во время разговора Т. И. Филиппова рассказала об У. Г. Нохсорове, в том числе о его названиях якутского пения и жанров песен. Какие из них обозначают стиль или жанр, она пояснить не смогла. Термином *ордоотон* У. Г. Нохсоров обозначал громкое, зычное пение. Такое пение, по информации крупного якутского исследователя-искусствоведа З. И. Ивановой-Унаровой, существовало до первой половины XX в., и она смогла в самом общем плане сымитировать это пение. Э. К. Пекарский слово *ордоотон* переводит как «кричать (о шамане)», а производное от него *ордотто* – «кричать так громко, чтобы далеко слышно было» [1958, т. II, стб. 1863]. Вполне возможно, что данный вид пения использовали шаманы при камлании. Этот термин, по «Якутско-русскому словарю», произошел от слов *ордооттоо* ‘зычно кричать’, *ордооттоо* ‘громко, зычно покрикивать’ [1972, с. 276]. Перевод слова *сыһалыйан* в словаре отсутствует. Термин *дьаала ырыа* связан с якутским наречием *дьаалытынан* – ‘произвольно, свободно, самотеком, на самотек’. «К *дьаала ырыа* У. Г. Нохсоров относил ритмически организованные песни-восхваления. Кроме того, термином *дьаала ырыа* обозначался определенный исполнительский прием» [Ларионова, 2000, с. 25]. Другой нохсоровский термин – *дьиэрэнкэй* в словаре переводится как «1) бег с подскоком на одной ноге; 2) *дьиэрэнкэй* (якутский национальный танец)» [Якутско-русский словарь, 1972, с. 130]. ‘гнусавый’

К двум стилям традиционного пения народа саха *дьиэрэтии ырыа* и *дэгэрэн ырыа* относятся разнообразнейшие жанры якутского музыкального фольклора, многие из которых впервые ввел в научный оборот Э. Е. Алексеев. К *дэгэрэн ырыа* относятся колыбельные, песни о природе, о любви, о животных и птицах, о лете, а также детские песни. Близки к *дэгэрэн ырыа* и песенные разделы *олонхо* и завершающий *чабырбах* (скороговорки, напоминающие озорные частушки) напев. Большинство из них поются обычным голосом, без *кылысахов*. Жанр *туйсуу ырыата* (песни-припевания любовного содержания) стал употребительным с 70-х гг. XX в. Он составляет особую жанровую разновидность *дэгэрэн ырыа* и до настоящего времени специально не изучался, имеются только упоминания в ряду перечисления с другими жанрами. Один зафиксированный напев в стиле *дэгэрэн ырыа*, записанный в 1987 г. от Х. Е. Афанасьевой в Верхоянском улусе комплексной экспедицией в Якутию Института языка, литературы и истории Якутского научного центра СО АН СССР, Объединенного института истории, филологии и философии СО АН СССР и Фольклорной комиссией Союза композиторов СССР, проанализирован автором статьи в монографии «*Дэгэрэн ырыа*. Песенная лирика якутов» в связи с якутскими обрядами [Ларионова, 2000, с. 62–63].

Национальная терминология жанров якутской народной песни стиля *дьиэрэтии ырыа* также формировалась в якутском музыкознании не сразу. Это касается терминов песенных жанров данного стиля, которые начинают функционировать в науке с 70-х гг. XX в. До этого времени тип *дьиэрэтии ырыа*, то есть песенность в манере *дьиэрэтии ырыа*, тесно связывали с исполнением якутского геро-

ического эпоса *олонхо*, о чем пишет М. Н. Жирков: «У *олонхосутов* очень своеобразное, совершенно отличающееся от европейской манеры, пение – горлом, гортанью. Такая манера пения называется “*дьиэрэтэн ылланар ырыалар*” или сокращенно “*дьиэрэтии ырыа*”» [Жирков, 1981, с. 28].

С 70-х гг. XX в. Э. Е. Алексеев относит к *дьиэрэтии ырыа тойуки* и *алгысы*. Г. Г. Алексеева, подтверждая этот постулат, пишет: «“*Дьиэрэтии*” <...> представлен группой жанров, ведущим из которых является *тойук* – многотирадная композиция с характерным начальным возгласом “*Дьээ буо!*” (“Ну вот, слушайте”). Стиль “*дьиэрэтии*” отличается от европейского типа музицирования пратональным интонированием, горловым звукообразованием, наличием *кылысахов* – гортанных фальцетных призвуков, создающих эффект “сольного” двухголосия. Второй стиль якутского музыкального фольклора – “*дэгэрэн*” – характерен для бытовых песенных жанров и отличается от традиционного интонирования “*дьиэрэтии*” естественной манерой пения в темперированном строе. Два стиля традиционного якутского песнетворчества, имея свой круг жанров, составили основу музыкальной драматургии синкретического жанра *олонхо*» [Алексеева, 1994, с. 3].

Сейчас считается, что якутский традиционный жанр *тойук* исполняется в стиле *дьиэрэтии ырыа*. Термин *тойук* по настоящее время является музыкальным и не меняет своего значения. *Тойук* переводится в «Якутско-русском словаре» как «песня-импровизация» [Якутско-русский словарь, 1972, с. 388], а выражение *тойук туойар* означает: «он поет импровизируя». *Туой* обозначает: «1) воспевать; петь; *дьоллоох олобу туой* воспеть счастливую жизнь; 2) петь (импровизируя); *тойукта туой* петь песни; *сахалы туой* петь по-якутски (импровизируя). *Туойулун* 1) быть воспетым, воспеваться; *тойукка туойулун* быть воспетым в песне; 2) быть спетым, петься. *Туойуу* 1) воспевание; 2) исполнение песни-импровизации» [Там же, с. 402]. От слова *туой* происходит термин, обозначающий песенный жанр *туойсуу ырыата*, в котором мужчина воспекает женщину. Другое значение термина *тойук* в словаре Э. К. Пекарского – это шаманский гимн (напев) или заклинание [Пекарский, 1959. Т. 3, стб. 2710]. В настоящее время подобные шаманские напевы именуют *кутуруу* или *ойуун кутуруута*.

Тойук, по Э. Е. Алексееву, переводится как песнь, и *тойуки*, по его мнению, представляют собой «развернутые эпические импровизации, рождающиеся по любому возвышенному поводу, – основной, но не единственный жанр стиля *дьиэрэтии*. В этой торжественной манере импровизировались когда-то традиционные восхваления природы и обращения к духам-покровителям во время весенне-летних кумысных празднеств – *ысыахов (ыһыах)*, так же слагались праздничные застольные песни и некогда многочисленные *алгысы* – всевозможные благопожелания, напутствия, славления» [1976, с. 9]. Ю. И. Шейкин полагает, что *тойук* – «это наиболее традиционный тип песен саха, которые, как правило, объемны и исполняются на традиционные народные мелодии» [2002, с. 308–309].

Важным обрядовым жанром стиля *дьиэрэтии ырыа* является *алгыс*, который поется, так как *алгыс* мог и произноситься речью, без пения. Термин *алгыс* у Э. К. Пекарского означает: «1) благословение; благопожелание, доброжелательство...; 2) хваленье, заклинание, моление; в частности посвящение <...>, произносимое старейшим из собравшихся» [Пекарский, 1958, т. 1., стб. 75]. Такой смысл термина устойчиво сохраняется до настоящего времени.

В якутском традиционном песенном фольклоре есть жанры, которые сложно отнести к тому или иному стилю пения. З. З. Винокурова в конце 70-х гг. XX в. впервые ввела в научный оборот термин *лабысха ырыа*, поставив вопрос об использовании его в музыкознании [1978]. Термин *лабанха или лабысха ырыа* не получил широкого распространения. Он составлен, как и многие другие якутские музыкальные названия, из «немузыкального» слова *лабанха* или *лабысха* и уточняющего слова *ырыата*. В словаре Э. К. Пекарского *лабанха=лабынха* переводится как «болтовня, пустословие». Другое значение данного слова – присказка, прибаутка. Слово *лабыска* используется для усиления наречий, начинающихся со слога *ла*: *лабыс лап* – «самым точным образом» [Пекарский, 1958, т. 2, стб. 1192]. Согласно «Якутско-русскому словарю», *лабанха* означает «пустые, бесплодные разговоры», «*лабанхалаа* заниматься пустословием, болтовней, болтать, пустословить» [1972, с. 225]. Данным термином, возможно, обозначаются песни, которые Э. Е. Алексеев именуется как «промежуточные» жанры и «жанры, включающие напевы обоих стилей (*дьиэрэтии ырыа* и *дэгэрэн ырыа – А. Л.*)». Так, например, во второй песне якутской сказки «*Хонолджуйа и Ымалджия*» в исполнении С. Д. Кириллина [Ларионова, 2008, с. 77–79] обнаруживается явление стилистической «модуляции», когда стиль пения меняется внутри одного сказочного напева.

Таким образом, формирование в якутском этномузыкознании национальных терминов стилей и жанров происходило в течение всего XX в. Выявлено постепенное изменение их значений. Термины *дьиэрэтии ырыа* и *дэгэрэн ырыа* стали устойчиво обозначать стили якутского традиционного пения в якутском этномузыкознании только к концу XX в. В якутском языке специальных музыкальных терминов существует немного. Те музыкальные национальные определения жанров якутской народной песни, которые не имели специальных названий, составлялись с обязательным добавлением к слову, обозначающему способы пения и их функции, уточняющих слов *ырыа* 'пение' или *ырыата* 'песня'. Многие стили и жанры песенной культуры народа саха в настоящее время перестали функционировать, но остались в названиях и единичных зафиксированных образцах. Сохранившиеся термины и названия песен дают представление о богатстве и разнообразии народной песенности якутов.

Список литературы

- Алексеев Э. Е. Проблемы формирования лада. На материале якутской народной песни. М.: Музыка, 1976. 288 с.
- Алексеев Э., Николаева Н. Образцы якутского песенного фольклора. Якутск: Кн. изд-во, 1981. 100 с.
- Алексеева Г. Г. От фольклора до профессиональной музыки. Якутск: Бичик, 1994. 160 с.
- Винокурова З. З. Некоторые особенности эпической импровизации якутских сказителей // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1978. С. 211–213.
- Григорьева В. Г. Эпические и песенные традиции саха в творческом наследии У. Г. Нохсорова: Дисс. ... канд. искусствоведения. Якутск, 2017. Т. 1. 246 с. (Рукопись).
- Григорян Г. А. В Якутии // Сов. музыка. 1956. № 10. С. 71–78.
- Жирков М. Н. Якутская народная музыка. Якутск: Кн. изд-во, 1981. 176 с.
- Ларионова А. С. Дэгэрэн ырыа. Песенная лирика якутов. Новосибирск: Наука, 2000. 152 с.
- Ларионова А. С. Музыка якутских сказок // Якутские народные сказки / Сост. В. В. Илларионов, Ю. Н. Дьяконова, С. Д. Мухоплева и др. Новосибирск: Наука, 2008. С. 57–97. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27).
- Мухоплева С. Д. Концепт песня (ырыа) в традиционной культуре саха-якутов // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике / Гл. ред. М. В. Пименова. Кемерово, 2013. Вып. 3. С. 48–50.
- Николаева Н. Н. Эпос олонхо и якутская опера. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. 187 с.
- Пантелеева И. Как русская музыка «запела якутские песни» [Электронный ресурс] // Ykt.ru news от 26 марта 2016, 12.00. URL: news ykt.ru (дата обращения: 20.02.2020)
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958–1959.
- Решетникова А. П. Музыка якутских олонхо // Кыыс Дэбэлийэ: Якутский героический эпос. Новосибирск: Наука, 1993. С. 26–69. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М.: Рос. полит. энцикл. 1993. 2-е изд. 736 с.
- Татарина А. Д. Якутский круговой танец *оһуохай*: строение, разновидности, историческое развитие. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2016. 20 с.
- Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.
- Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Сов. энцикл., 1972. 606 с.

References

- Alekseyev E. Ye. *Problemy formirovaniya lada. Na materiale yakutskoy narodnoy pesni* [Problems of formation of a mode. Based on Yakut national song]. Moscow, Muzyka, 1976, 288 p. (In Russ.).
- Alekseyev E., Nikolaeva N. *Obraztsy yakutskogo pesennogo fol'klora* [Examples of Yakut song folklore]. Yakutsk, Yakut book publishing, 1981, 100 p. (In Russ.).
- Alekseeva G. G. *Ot fol'klora do professional'noy muzyki* [From folklore to professional music]. Yakutsk, Bichik, 1994, 160 p. (In Russ.).

Grigor'eva V. G. *Epicheskie i pesennye traditsii sakha v tvorcheskoy nasledii U. G. Nokhsorova* [Epic and song traditions of Sakha people in the creative heritage of U. G. Nokhsorov]. Abstract of Cand. of Art Diss. Yakutsk, 2017, vol. 1, 246 p. (Manuscript). (In Russ.).

Grigoryan G. A. V Yakutii [In Yakutia]. *Soviet Music*. 1956, no. 10, pp. 71–78. (In Russ.).

Larionova A. S. *Degeren yrya. Pesennaya lirika yakutov* [Degeren yrya. Song lyrics of Yakuts]. Novosibirsk, Nauka, 2000, 152 p. (In Russ.).

Larionova A. S. Muzyka yakutskikh skazok [Music of the Yakut tales]. In: *Yakutskie narodnye skazki* [Yakut folk tales]. V. V. Illarionov, Yu. N. Dyakonova, S. D. Mukhopleva, et al. (Comps). Novosibirsk, Nauka, 2008, pp. 57–97 (Pamyatniki fo'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and Far East]. Vol. 27). (In Russ., Yakut.).

Mukhopleva S. D. Koncept pesnya (yrya) v traditsionnoy kul'ture saha-yakutov [Concept of the song (yrya) in traditional culture of Yakuts (Sakha)]. In: *Novye paradigmy i novye resheniya v sovremennoy lingvistike* [New paradigms and new decisions in modern linguistics]. M. V. Pimenova (Ed. in Ch.). Kemerovo, 2013, iss. 3, pp. 48–50. (In Russ.).

Nikolaeva N. N. *Epos olonkho i yakutskaya opera* [Epos olonkho and Yakut opera]. Yakutsk, YaSC SB RAS, 1993, 187 p. (In Russ.).

Panteleeva I. Kak russkaya muzyka “zapela yakutskie pesni” [How the Russian music “started singing the Yakut songs”]. *NewsYkt*. March 26, 2016, 12.00. URL: <https://news.ykt.ru/article/41187> (accessed 20.02.2020)

Pekarskiy E. K. *Slovar yakutskogo yazyka: V 3 t.* [Dictionary of the Yakut language: In 3 vols]. Moscow, Izd. AN SSSR, 1958–1959. (In Russ., Yakut.).

Reshetnikova A. P. Muzyka yakutskikh olonkho [Music of Yakut olonkho]. In: *Kyys Debeliye: Yakutskiy geroicheskiy epos* [Kyys Debeliye. Yakut heroic epos]. Novosibirsk, Nauka, 1993, pp. 26–69. (Pamyatniki fo'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and Far East]). (In Russ., Yakut.).

Sheykin Yu. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of musical culture of the peoples of Siberia: Comparative-historical research]. Moscow, Vost. lit., 2002, 718 p. (In Russ.).

Seroshevskiy V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts. Experience of ethnographic study]. Moscow, Ros. polit. entsikl., 1993, 2nd ed., 736 p. (In Russ.).

Tatarinova A. D. *Yakutskiy krugovoi tanets ohuokhai: stroenie, raznovidnosti, istoricheskoe razvitie* [Yakut circular dance ohuokhai: structure, versions, historical development]. Abstract of Cand. of Art Diss. Novosibirsk, 2016, 20 p. (In Russ.).

Vinokurova Z. Z. Nekotorye osobennosti epicheskoy improvizatsii yakutskikh skaziteley [Some features of epic improvisation of the Yakut storytellers]. In: *Epicheskoe tvorchestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Epic creativity of the peoples of Siberia and Far East]. Yakutsk, 1978, pp. 211–213. (In Russ.).

Yakutsko-russkiy slovar' [Yakut-Russian dictionary]. P. A. Sleptsov (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1972, 606 p. (In Russ., Yakut.).

Zhirkov M. N. *Yakutskaya narodnaya muzyka* [Yakut folk music]. Yakutsk, Yakut book publishing, 1981, 176 p. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
28.02.2020*

Приложение
Appendix

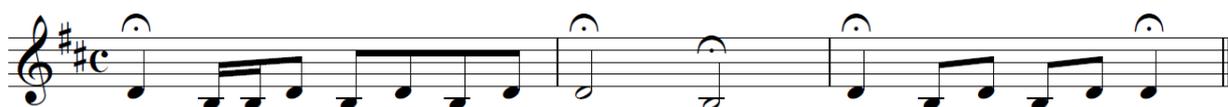
Нотный пример 1
Example 1

һаа айака

Запись М. Н. Жиркова. Вилюйская экспедиция 1943 г.
Фонд М. Н. Жиркова. Национальная библиотека Республики Саха (Якутия)

һаа ауака

M. N. Zhirkov's record. Vilyuysk expedition of 1943.
M. N. Zhirkov's fund. National library of the Republic of Sakha (Yakutia)

Нотный пример 2
Example 2

Сиппие (Хабарҕа ырыата)

Запись М. Н. Жиркова. Вилюйская экспедиция 1943 г. Фонд М. Н. Жиркова.
Национальная библиотека Республики Саха (Якутия)

Sippie (Khabarga uryata)

M. N. Zhirkov's record. Vilyuysk expedition of 1943.
M. N. Zhirkov's fund. National library of the Republic of Sakha (Yakutia)

Сит-тие сит-тие э - гий э - гий сит-тие сит-тие э - дэр - эдэр

сит-тие сит-тие көр - сүс - пүп - пүт сит-тие сит-тие аа - ты - гар.

Сведения об авторе

Ларионова Анна Семёновна – доктор искусствоведения, доцент по специальности «Музыкальное искусство», главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия)

E-mail: degerenan@mail.com

ORCID 0000-0001-8524-6162

Researcher ID J-6948-2018

Subscribe to RSS Feed 56809130500

Information about the Author

Anna S. Larionova – Doctor of Arts, Assistant Professor in Musical Art, Principal Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)

E-mail: degerenan@mail.com

ORCID 0000-0001-8524-6162

Researcher ID J-6948-2018

Subscribe to RSS Feed 56809130500

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.2 (=152.153)
DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-45-54

Аудиозапись эпоса и его перевод: текстологические заметки

Л. Н. Арбачакова, Е. Н. Кузьмина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье проводится сопоставление двух расшифровок и их переводов героического сказания шорцев «Мерет-оолак», записанного в начале 1980-х гг. С. К. Павлючиком (?) от сказителя Д. К. Турушпанова. В результате текстологического анализа оригинальной магнитофонной записи нами было выявлено, что в расшифровке текста, проведенной И. Я. Арбачаковым, наблюдаются упущения отдельных слов, словосочетаний, строк, некоторых эпических формул и «общего места» с описанием первотворения земли, что повлекло за собой неточности в переводе на русский язык.

Все эти недочеты повлияли на качество и достоверность текста, что в очередной раз подтверждает важность наличия фонозаписи и необходимость тщательной расшифровки аудиозаписей. Хороший результат в текстологической работе дает совместное сотрудничество этномузыковедов, фонетистов и фольклористов.

Ключевые слова

аудиозапись, шорское героическое сказание, расшифровка, текстологический анализ, перевод

Для цитирования

Арбачакова Л. Н., Кузьмина Е. Н. Аудиозапись эпоса и его перевод: текстологические заметки // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 45–54. DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-45-54

Audio recording of the epic and its translation: textological notes

L. N. Arbachakova, E. N. Kuz'mina

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article presents a textological analysis of the epic “Meret-oolak” performed by D. K. Turushpanov. The decoding of “Meret-oolak” audio recording was made by different native speakers – I. Y. Arbachakov and L. N. Arbachakova. When working with the archival audio recording of the epic under study as the primary source, the authors followed the main principle of practical textology – the authenticity of the research material. In this study, a comparison was made of the tirade from “Meret-oolak” (published and translated into Russian in 119 lines) with “Meret sar attyg Meret Oolak” (154 lines, respectively), decoded by the authors.

The textological analysis revealed that in the version of I. Arbachakov, there are omissions of words, phrases, lines, some epic formulas, and the common place “The Creation of the Earth.” In addition to omissions, typos in the text and inaccuracies in translation into Russian were found. Also, the Russisms with affixes of Shor cases, the phrases adapted in Shor, as well as pure Russisms and Russian vernaculars, were identified. Siberian folklorists engaged in audio decoding of heroic epics noticed the slips of language, repetitions, variorum, and mistakes that are natural in the live performance of the epic. Using the available audio recording of the analyzed text, we were able to repeatedly listen to it and compare it with the published text. As a result, the authors have identified some words in typical places and restored the epic formulas and one “common place”.

© Л. Н. Арбачакова, Е. Н. Кузьмина, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

Keywords

audio recording, Shor heroic epic, decoding, textual analysis, translation

For citation

Arbachakova L. N., Kuz'mina E. N. Audiozapis' eposa i ego perevod: tekstologicheskie zametki [Audio recording of the epic and its translation: textological notes]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 45–54. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-45-54

Мы неоднократно отмечали, что традиция устного бытования шорских героических сказаний практически угасла [Фольклор шорцев, 2010; Арбачакова, Кузьмина, 2014]. В 2007 г. ушел из жизни последний представитель мрасской сказительской школы В. Е. Таннагашев (1934–2007). Но в наши дни эпос получает иное бытование. Поскольку интерес к искусству сказывания все еще сохраняется, становятся востребованными книжные издания эпоса. Например, молодой шорский исполнитель С. Тенешев, который усваивает эпос по книжным публикациям, принимает участие во многих фестивалях и конкурсах сказителей в Горном Алтае, Хакасии и Шории, где молодые исполнители также запоминают книжные тексты сказаний и выступают перед разной публикой. Когда исполнители обучаются по книгам или аудио-, видеозаписям, ответственность за качество публикуемого эпического материала несут исследователи, перед которыми сегодня поставлена задача аутентичной демонстрации эпических текстов и их глубокой текстологической проработки [Кузьмина, 2019, с. 519].

В данной статье сделана попытка текстологического анализа сказания «Мерет-оолак» в исполнении Д. К. Турушпанова. В нашем распоряжении имеется аудиозапись, которая была произведена в начале 1980-х гг. предположительно С. К. Павлючиком (?). Дешифровка этой аудиозаписи была сделана разными носителями языка – И. Я. Арбачаковым и Л. Н. Арбачаковой. В 1983 г. И. Я. Арбачаков (в то время известный общественный деятель и публицист) расшифровал текст под сокращенным названием «Мерет-оолак» и передал ее Д. А. Функу. В 2003 г. сказание «Мерет-оолак» с переводом начальных тринадцати тирад было опубликовано Д. А. Функом в «Информационном бюллетене координационного Центра комплексных исследований эпической традиции». Д. А. Функ отметил: «Местонахождение аудиозаписи сказания неизвестно» [2003, с. 4]. В результате поисковой работы Л. Н. Арбачаковой были обнаружены четыре кассеты с аудиозаписью шорского героического сказания «Мерет сар аттыг Мерет Оолак» в фоноархиве сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, переданные в начале 2000-х гг. А. П. Погожевой для изучения. В 2014 г. аудиозапись этого сказания «Мерет сар аттыг Мерет Оолак» – «Мерет Олак, имеющий волшебного коня», 2534 строк) была расшифрована Л. Н. Арбачаковой. Предварительное сопоставление двух текстов, расшифрованных И. Я. Арбачаковым и Л. Н. Арбачаковой, показало, что, несомненно, они имели дело с одной записью. Об этом говорят русизмы и просторечия, которые встречаются в одних и тех же местах (например: *Парказы пустой турчалар* 'Все пустые стоят').

Имея архивную фонозапись исследуемого сказания как первичный источник, Л. Н. Арбачакова соблюдала главный принцип практической текстологии – аутентичность материала исследования и максимальную приближенность перевода оригиналу с сохранением его образного смысла. Для данной статьи было выбрано сопоставление опубликованных и переведенных на русский язык тирад из «Мерет-оолак» (119 строк) с переведенным Л. Н. Арбачаковой «Мерет сар аттыг Мерет Оолак» (154 строки).

В варианте, расшифрованном И. Я. Арбачаковым (далее – вариант 1), первые 13 тирад прозаического шорского текста были разбиты на 119 стихов и отредактированы И. А. Невской и Д. А. Функом, переведены на русский язык Д. А. Функом.

Сопоставление расшифрованного И. Я. Арбачаковым сказания и расшифровки Л. Н. Арбачаковой (далее – вариант 2) показало, что различия обнаружились уже в зачинах. Например, в варианте 1 отсутствует описание первотворения земли, тогда как в расшифровке Л. Н. Арбачаковой, выполненной в соответствии с аудиозаписью, есть такие строки: *Амдыгы төлдүң алында полтур, / Пурунгу төлдүң соонда полтур. / Чер пүдерде полтур, / Черсил қабыжарда полтур. / Қазың ағашқа нұр өзерде / Қалық-чон чайаларда полтур. / Терек ағашқа полза, / Пұр өзерде полза, / Текси-чон чайаларда полган полтур* 'Прежде нынешнего поколения было, / Позже давнего поколения было. / В те времена, когда земля создавалась, / Земля-вода схватывались. / Когда на берегах листья распускались. / Тогда

народ-люди появлялись. / Когда на тополях листья распускались, / Весь народ появлялся' (вар. 2, здесь и далее перевод Л. Н. Арбачаковой). Причина упущения зачина в варианте 1 неизвестна. Возможно, И. Я. Арбачакову из-за некачественной аудиозаписи трудно было расслышать некоторые слова и места в эпосе. Во время прослушивания аудиокассет Л. Н. Арбачаковой было замечено, что Д. К. Турушпанов сказание исполнял тихо, и на записи слышны посторонние шумы: кукареканье, мычание, голоса детей.

Описание первотворения мира (1–9 стк.), судя по другим аудиозаписям сказаний Д. К. Турушпанова, является для него, как и для всех других *кайчи*, традиционным обязательным элементом. Следовательно, на это необходимо обращать внимание. Приведем примеры различий двух вариантов расшифровки сказания «Мерет сар аттыг Мерет Оолак».

Кроме упущения описания первотворения в расшифровке И. Я. Арбачакова встречаются сокращения или искажения слов, упущения слов и словосочетаний. Они проявляются в разных местах.

– В описании окружающей природы

Расшифрованный вариант текста И. Я. Арбачакова начинается со слов самого сказителя¹:

Алынаң ара анаң көргеним: / Чазал өскен алтын тайга турча. / Алтын тайганың төзүндө / Алып полза ақ чалаң түже перген полтур 'Вперед я затем посмотрел: / Нарядно выросшая золотая тайга стоит. / У подножья золотой тайги / Богатырских размеров чистая степь расстилается' (вар. 1).

В расшифровке Л. Н. Арбачаковой: *Аалынаң артын анаң көргеним: / Чазал өскен алтон асқым / Алтын тайга турча. / Алтын тайганың төзүбе / Алынкел полза, ақ талай ақыган полтур* 'Вперед я затем посмотрел: / Нарядно выросшая, имеющая шестьдесят перевалов, / Золотая тайга стоит. / У подножья золотой тайги, / Волнами перекатываясь, белое море течет' (вар. 2).

Как показывает сравнение этих двух фрагментов, в первом варианте упущены словосочетания *алтон асқым* 'шестьдесят перевалов', а последняя строка записана и расшифрована неверно: *Алып полза ақ чалаң түже перген полтур* 'Богатырских размеров чистая степь расстилается'; вместо: *Алынкел полза, ақ талай ақыган полтур* 'Волнами перекатываясь, белое море течет'.

– В описании земли

Вариант 1: *Алтын тайганың тегейең / Анаң эбуре көргеним: / Ада қудай салған ақ чарық эбуре / Алақан че көрүн сал одурғанын* 'С вершины золотой тайги / Затем вокруг посмотрел я: / Отцом-богом созданный белый свет весь, / Словно на ладони, увидел'.

Вариант 2: *Алтон асқым / Алтын тайганың сыртынаң / Эбуре анаң көргеним: Ада-қудай салған ақ чарық полза, / Алаққан шени / Эбуре көрүнсалбодурғаны* 'С вершины золотой тайги, / Имеющей шестьдесят перевалов, / Затем вокруг посмотрел я: / Отцом-богом созданный белый свет весь, / Словно на ладони, увидел'.

В этом примере в варианте 1 упущено словосочетание *алтон асқым* 'шестьдесят перевалов'; вместо *сыртынаң* 'сверху' использовано слово *тегейең* 'с макушки; с вершины'.

– В описании погибшей матери малыша

Вариант 1: *Алтын өргең төзүндө / Алтын шарчын полтур. / Оолақ көргени: / Алтын шарчын төзүндө / Эпчи кижси чат салтыр* 'У основания золотого дворца / Золотая коновязь была, оказывается. / Мальчик посмотрел: / У основания золотой коновязи / Женщина лежит, оказывается'.

Вариант 2: *Алтын өрген төзүндө / Алтын сарчын полған полтур. / Оолақ көргени: / Алтын сарчын қыйына тартыл парған полтур. / Алтын сарчын төзүндө / Эпчи кижси чатсалтыр. / Эпчи кижсинең сузу / Чазал өскен / Алтон асқым алтын тайганы / Қызарта паскел, чатсалбодурғаны* 'У основания золотого дворца / Золотая коновязь была, оказывается. / Мальчик посмотрел: / Золотая коновязь была срезана, оказывается. / У золотой коновязи / Женщина лежит, оказывается. / Лучами она / Нарядно выросшую, / Золотую гору с шестьюдесятью перевалами / Затмевая, лежала'.

В варианте 1 упущена строка: *Алтын сарчын қыйына тартыл парған полтур* 'Золотая коновязь была срезана, оказывается'. Также упущена эпическая формула, описывающая красоту женщины:

¹О присутствии сказителя в сюжете сказаний см. статью Л. Н. Арбачаковой «Роль функции кайчи в шорских героических сказаниях» [2003].

Эпчи кижинең сузу / Чазал өскен / Алтон асқым алтын тайганы / Қызарта паскел, чатсалбодурғаны / Лучами она / Нарядно выросшую, / Золотую гору с шестьюдесятью перевалами / Затмевая, лежала’.

– В описании разоренного владения

Вариант 1: *Сыбысқалыг сыннаң / Аны эбире көргеним: / Алтын тагдың төзүнде / Ақ талайдың қажсында / Мал турған черге / Қу салгынақ өзүп парған полтур, / Чон чатқан черге полза, / Узун пүттүг полза / Сасқаннар пас чөрчйтқан полтур ‘Со свистящего хребта (тайги) / Это кругом осмотрел: / У подножья золотой тайги, / На берегу белого моря, / На земле, где скот стоял, / Крапива выросла, / На земле, где народ жил, / Длинноногие / Сороки расхаживали’.*

Вариант 2: *Сыбысқалыг сыннаң сынғарапкел, / Эбире көргеним / Алтын тайғаның төзүнде, / Ақ талайдың қажсында / Мал чөр турған черге / Қуу қол салгынақ өсқалған полтур. / Чон чатқан черге полза, / Қара талай полза, / Узун пүттүг полза, / Улуғ сасқаннар пас чөрчыған полған ‘Со свистящего хребта внимательно / Когда осмотрелся: / У подножья золотой тайги, / На берегу белого моря, / На земле, где скот стоял, / Крапива выросла, / На земле, где народ жил, / Посреди места, / Где черное море было, / Длинноногие, / Большие сороки расхаживали’.*

В этом типическом месте с описанием разоренного владения богатыря есть незначительные разночтения в существительных и глаголах: *тагдың / тайғаның* ‘тайги’, *өзүп парған / өсқалған* ‘вырос’ и др., а также в варианте 1 есть упущения строки и слов: *Қара талай полза* ‘Где черное море было’; *чөр* ‘ходил’; *улуғ* ‘большие’; *сынғарапкел* ‘внимательно’.

– В описании разоренного дворца и коновязи

Вариант 1: *Улуғ аалды эбире көргеним: / Алтын өргезинин көзнеги / Қайра шабыл парған полтур. / Алтын шарчынның төзүнде / Ат турған черинде / Мезек угул патыр ‘Великий аал кругом осмотрел я: / Золотого дворца окно / Настежь (распахнуто,) качается, / Сломанное раскачивается. / У основания золотой коновязи, / Там, где конь стоял, / Навоз засох’.*

Вариант 2: *Улуғ аалды эбире көргеним: / Алтын өргезиниң көзнеги / Тигде қайра шабылкел, / Уда шабыл парған полтур. / Алтын шарчын төзүнге / Ат турған черге / Алтын шарчын полза, / Қыйын тартылпарған полтур ‘Когда великий аал я вокруг осмотрел: / Золотого дворца окно, / Настежь распахнувшись, / Вдребезги разбилось, оказывается. / У золотой коновязи, / Там, где конь стоял, / Та золотая коновязь / Была срезана, оказывается’.*

Неоднократное прослушивание показало, что речь идет о том, что коновязь была срезана. О срезанной коновязи еще раз говорится в другом типическом месте с описанием погибшей матери детей (см. ниже). Подобная трактовка является наиболее правдивой в описании полного уничтожения владения противника, так как коновязь является символом бессмертия, могущества и процветания. Кроме этого, в нашей расшифровке описывается, что окно было распахнуто и вдребезги разбито: *уда шабыл парған полтур*. Эта строка в первом примере (вар. 1) упущена.

– В описании места, в котором дети со своей бабушкой скрылись от врага

Вариант 1: *...Үч эжиктиг қара одаң турчар ол. / Қара оданның түндүгүнең / Шымығаш шен түдүнек / Шық сал одурғаны. ‘...С тремя дверями черный одаг стоит. / Из дымового отверстия черного одага, / Словно тонкий пруттик, дымок / Струился’.*

Вариант 2: *Үш эжиктиг қара одаг турча ол. / Қара одағның түгдүгинең / Сергес сени түдүнек сықсалбодурғаны ‘С тремя дверями черная избушка-одаг стоит. / Из дымового отверстия черной избушки-одаг, / Словно сергес, дымок / Иногда выходил’. В переводе (вар. 2) оставлено слово *сергес* – из верхнетомского говора (?), лит. *шергей* ‘ловушка на мелких зверей, изготовленная из длинной тонкой палочки, в конце которой закрепляется петля, скрученная из конского волоса’.*

В данном случае варьируются слова *шымығаш* ‘прутик’ / *чергей (шергей)* ‘черкан’, а также встречаются незначительные разночтения в отдельных словах (*үч / үш* ‘три’; *эжиктиг / эжиктиг* ‘дверями’).

– В описании укачивания детей

Вариант 1: *Қара одаңның эжигин аш келип, / Анаң уққаным: / Қара оданның иштинде / Қуртуйақ кижси сарнан келип, / Пежик абыт турғаны. / «Эқ, ты, палларым, / Қырық чылға шығара / По пөбекти абыда-абыда келгеним, / Қолларым агры перди» ‘Черного одага дверь открыв, / Затем услы-*

шал: / Внутри черного одага / Старуха, напевая, / Колыбель раскачивала. / «Эх, дети мои, / На протяжении сорока лет / Эту колыбель раскачивала, / Руки мои болеть стали».

Вариант 2: *Қара одагга паскелип, / Эзигинең анаң уққаным, / Қара одагның иштинде / Қуртияқ кижжи қылнанкел, сарнапкел полза, / Пейбек абытсалботурғаны. / – Эктий, палларым, – тедир, – / Қырық чылға сығара, – тедир, – / По пейбекте абыда-абыда келип, / Қолларым ағрыба перди... ‘Подойдя к черной избушке-одаг, / От дверей затем услышал: / Внутри черной избушки-одаг / Старушка, грустно напевая, / Колыбель раскачивала. / «Эктий, дети мои, / Уже сорок лет / Эту колыбель качаю-качаю, / Руки мои болеть стали...’*

В результате сопоставления было выявлено, что в варианте 1 слово «колыбель» имеет диалектные варианты: *пежик / пөбек*, в нашем варианте зафиксировано одно слово – *пейбек*.

– В обращении бабушки к своим внукам

Вариант 1: *«Күлүк мениң палларым! – тедир, – / Ақ талайдың қажынға эн келип, / Тамылгадаң соғанақ иштеп келип, / Шақынақтаң чачағаш иштеп, / Аңнап чөрчең ползаар! / Чичең чижибис түгене перди», – теп, / Қунан сал одурғаны. ‘Удалые мои дети! – говорит [старуха], / Белого моря на берег спустившись, / Из таволожника стрелочку сделав, / Из акации лучок сделав, / Пошли бы поохотились! / Пицца наша закончилась», – [так] говоря, / Огорчается’.*

Вариант 2: *«Туруп, – тедир, – палларым, / Ачонда ақ талайдың қажынға эн, – тедир, – / Табылдаң соғаның иштепкел, / Шақынақтаң чачағаш иштепкел, / Аңнап чөрчың ползаар, / Чичең чижибис / Эдоқ түгене перди, палларым!» – / Теп, қунансалбодурғанын қуртиягажым ‘«Встав, – сказала, – дети мои, / К берегу белого моря спустившись, / Из таволожника стрелу сделав, / Из акации лучок сделав, / Пошли бы поохотились! / Пицца наша / Ведь тоже закончилась», – [так] говоря, печалится старушка’.*

Сравнение показало, что строка *«Күлүк мениң палларым! – тедир...»* «Удалые мои дети мои! – говорит...» (вар. 1) – в варианте Л. Н. Арбачаковой звучит иначе: *«Туруп, – тедир, – палларым...»* «Встав, – сказала, – дети мои...» (вар. 2). Здесь нет эпитета *күлүк* ‘удалые’, а также есть перестановка слова *тедир* ‘сказал’. Кроме этого, упущено слово *қуртиягажым* ‘моя старушечка’, в котором чувствуется личное отношение *кайчи*.

– В диалоге-просьбе малыша

Вариант 1: *Қара одагдың иштинде пежик ас сал, / Қуртуйақ оолақпа қысчақты / Қырық чыл абытчаттыр. / Олағаш эрбектенча: / «Эзе, үче, / По пежиктең алчаң ползаң, / Чөр көрер эдим», – теп, эрбектенча. / Қысчагажы эдоқ эрбектенча. / Қуртуй паас келип, / Оолағашпа қысчагаашты түжүрүбүскенин. / Оолағашпа қысчагааш чүжүр чөре пертилер. ‘В черном одаге колыбель подвесив, / Старуха мальчика и девочку / Сорок лет качает. / Мальчик говорит: / «Бабушка, из этой колыбели если бы ты взяла [меня], / Я бы ходить стал», – говорит. / Девочка то же самое говорит. / Старуха, подойдя [к колыбели], / Мальчика и девочку [на пол] спустила. / Мальчик и девочка бегать стали’.*

Вариант 2: *Қара одаг иштинде / Пейбек ассалтыр қуртияқ кижжи полза. / Оолақ-қысчақта полза, / Қырық чыл абытчаттыр. / Оолағаш эрбектенча: / – Эзе, үгча, по көрүбтин / Ала перчең ползаң, / Чөр көрер эдим! – тедир. / Қысчагажы эдоқ эрбектенсалбодурғаны. / Қуртий паскел, / Оолағашпа қысчагаашты пейбектин албал, / Черге түжүрибискени, / Оолағашпа қысчагааш чүжүрчөре пердилер! ‘В черной избушке-одаг / Колыбель старушка подвесила, оказывается, / Мальчика и девочку / Сорок лет качает. / Мальчик говорит: / – Эзе, бабушка, из этого короба / Если бы ты взяла [меня], / Я бы ходить стал, – сказал. / Девочка то же самое говорит. / Старуха, подойдя [к колыбели], / Мальчика и девочку из колыбели взяла, / Когда на землю опустила, / Мальчик и девочка бегать стали!’*

В первом варианте мальчик просит бабушку вытащить его ‘из этой колыбели’ (*по пежиктең*), в варианте 2 мальчик просит вытащить его ‘из этого короба’ (*по көрүбтин*), а не из колыбели. В этом звучит пренебрежение малыша к колыбели, из которого он как будто бы уже вырос.

Кроме этого, варьируются слова *пежик / пейбек* ‘колыбель’, глаголы *ас сал* ‘подвесив’ / *ассалтыр* ‘подвесила, оказывается’.

– В описании охоты малыша

Вариант 1: *Оолагаиш:* / «Эзе, үче, / Мен ақ талайдың қажсынға чөрүп ойнап / чөрчыгай!» – тедир. / *Оолагаиш қара одагдың эжигин / Қайра таштап кел, / Анаң артын қара тайгаа артығ (?) чүгүрүбүсти. / Ақ талайдың қажсынға чүгүр парып, / Чачақ соғанақ иштеп алды. / Оңделеп чөрүп / Талай қажсынға чөре перди. / Оолагаиш қанче ле атқан и өдүрген қуштарын / Энип кел эмге алкелип, / Черге шелибисти. / «Мине, үче, чишиштер акелдим», – тедир. / Куртый полза, үргүн кел полза, / Пыжыр турғаны палазы акелген этти ‘Мальчик [говорит]: / «Бабушка, / Я, на берег белого моря пойдя, поиграю-ка», – говорит. / Мальчик черного одага дверь / Настежь открыв, / Затем в сторону черной тайги убежал. / На берег белого моря прибежав, / Лук [и] стрелу сделал. / Крадучись, / На берег моря пришел. / Мальчик всех подстреленных и убитых птиц, / Спустившись [и] домой принеся, / На землю сбросил: / «Вот, бабушка, еду я принес», – говорит. / Старуха, обрадовавшись, / Варить стала мясо, принесенное ее ребенком’.*

Вариант 2: *Оолагажы улуйы полған полтур:* / – Эзе, үгче, мен, – тедир, – / *Ақ талайдың қажсынға энип, – тедир, – / Ойнап чөр, сыгай, – тедир. / Оолагаиш полза, қара одагның эжигин / Қайра таштап полза, / Анаң артын ақ талайдың қажсынға / Эн, чүгүрүбизе перди. / Ақ талайдың қажсынға чүгүр пар полза, / Чачақ-соғанақ иштебалды. / Ұргүнуп чөрүп, қуштар атча, / Ұргүнуп чөр, аңнар ат чөраперди оолагаиш. / Қанче ле атқан-өдүрген / Қушта-аңның эңненмалды, / Қара одаңға аккел, полза, Таштап турғаны. / – Не, үгче, чиши аккелдим, – тедир. / Куртийяқ, полза, үргүнкел, полза, / Пызыр турғаны палазы аккелген эт этти! ‘Ее сын был старшим, оказывается: / – Эзе, бабушка, я, – сказал, – / На берег белого моря спущусь, – сказал, / – Поиграв, поднимусь, – сказал. / Мальчик дверь черной избушки-одаг / Настежь открыв, / Затем на берег белого моря / Спустившись, убежал. / На берег белого моря прибежав, / Лук-стрелу сделал. / Радуясь, ходит птиц стреляет, / Радуясь, зверей стал стрелять мальчик. / Сколько убил-настрелял, / Птиц-зверей на себя взвалил, / В черную избушку-одаг принес, сбросил: / – Вот, бабушка, еду я принес, – сказал. / Старушка, обрадовавшись, / Варить стала мясо, принесенное ее ребенком’.*

В варианте 1 упущена строка: *Оолагажы улуйы полған полтур* ‘Ее сын был старшим, оказывается’. Также чередуются слова: *эмге* ‘домой’ / *қара одаңға* ‘в черную избушку-одаг’.

– В описании размышления мальчика

Вариант 1: *Оолагаиш сананча:* / «Ақ талайдың қажсында полдум, – тедир. – / *Қара тайғаның төзүнде полдум, – тедир. – / Ақ тайғаның төзүн көр келейин!»* ‘Мальчик размышляет: / «Белого моря на берегу я был, – говорит. – / Черной тайги у подножия я был, – говорит. – / Белой тайги (на) подножие взгляну-ка я!»’

Вариант 2: *Оолагаиш сананча:* / – *Ақ талайдың қажсында полдум, – тедир, – / Алтын тайга төзүнге паркөр, келейин, – тедир* ‘Мальчик про себя думает: / – На берегу белого моря я был, – сказал, – / К подножью белой тайги пойду, взгляну я! – сказал’.

В первом примере (вар. 1) появилась одна лишняя строка: *Қара тайғаның төзүнде полдум, – тедир* ‘У подножия черной тайги я был, – говорит’.

– В описании дворца

Вариант 1: *Ақ тайгаң төзүнге чүгүргени. / Анаң маттап көргени: / Ақ тайғаның төзүнде / Айға күнге суштап / Алтын өрге турча но. / Алтын өргени көр кел, / Оолагаиш чүгүрүбүсти аара* ‘Белой тайги к подножию побежал. / Затем внимательно посмотрел: / У подножия белой тайги, / На луне и солнце блестя, / Золотой дворец стоит. / Золотой дворец увидев, / Мальчик побежал туда’.

Вариант 2: *Алтын тайған төзүнге чүгүрбодурганы: / Анаң маттап көргени: / Алтын тайғаның төзүнде / Айға-күнге суштаған / Алтын өрге турча-но! / Алтын өргени көркел, / Оолагаиш чүгүрүбүзе пергени!* ‘Когда к подножию белой горы побежал, / Затем внимательно посмотрел: / У подножия белой тайги, / Под луной и солнцем блестя, / Золотой дворец ведь стоял! / Золотой дворец увидев, / Мальчик как побежал туда!’

В данном примере варьируются глаголы: *чүгүргени / чүгүрбодурганы* ‘побежал / бежал’, также используются разные эпитеты: *ақ / алтын* ‘белая / золотая’.

В типическом *описании погибшей матери малыша и его насыщения материнским молоком* имеются случаи неверной расшифровки или упущения формулы, есть неточности в переводе, а также обнаружена ошибка в строке об исчезновении матери малыша, то есть тексты имеют значительные расхождения. К примеру:

Вариант 1: *Эпчи кижиниң эбире чүгүр келип, / Анаң көргени оолақ чақшызы: / Эпчи кижиниң ийги эмчегиниң сүдү / Ақ қолчақ пол кел, / Ақ талайға парып, қаташ партыр. / Аны көрүп, оолақтың ачығы кел полза, / «По сүттү эм көрей!» – тедир. / Оолағаш тўндере чат келип, / Оң эмчегиниң сүдүн эме-эме келгени, / Эпчи кижиниң сүдүн қуруда эмисти. / Арий тоспаан қалды оолағаш. / «Сол эмчегин эмейин!» – тедир. / Сол эмчегин эме-эме келгени, / Қуруда кел эмисти. / Оолағаш кел, үскере кел, қуш алынча, / Сысқара кел, сағыш алынча. / Алтын өрге көр келип, анаң келгени: / Эпчи кижі қара қайа пол партыр. / Анаң алтын өрге кире чүгүрдү, / Анаң чүгүр киргени: / Толук сайа қарға уйалар тартын салтыр. / Алтын өргеді пир да небі чоғул. / Қырық анбардың эзиги / Парчазы қайра сабыл партыр, / Парчазы пустой турчалар. / Оолағаш эбире чөрүп, түгезе көрбүстү. / Шарчын өре ийги ат турған полтыр. / Төрт туйғақтарның орнында / Қара көл тур парған полтыр ‘Вокруг женщины обежав, / Затем увидел мальчик хорошо: / Двух грудей молоко [этой] женщины, / Белым ручьем став, / В белое море превратившись, / Увеличивается, оказывается. / Это мальчик есть захотел, / «Это молоко сососу-ка я!» – сказал. / Мальчик лицом вниз лег, / Правой груди молоко начал сосасывать, / [И у] женщины молоко все [букв. досуха] / Высосал. / Немного не насытился мальчик. / «Левую грудь сососу-ка я!» – сказал. /левой груди молоко начал сосасывать, / Всё высосал. / Мальчика переполняя (?), сила прибавилась, / Разбухая (?), ум прибавился. / На золотой дворец посмотреть затем пришел: / Женщина черной скалой стала. / Затем в золотой дворец побежал, / Затем, забежав, [увидел:] / Во всех углах вороны гнезда свиты. / В золотом дворце ничего нет. / Сорока амбаров двери / Все настезь открыты, оказывается, / Все пустые стоят. / Мальчик, вокруг обежав, все осмотрел. / У коновязи два коня стояли, оказывается [раньше]. / На следах[, оставшихся от] четырех копыт, / Черные озера возникли’.*

Вариант 2: *Эпчи кижиниң эбире чүгүркел, / Анаң көргени оолақ чақшызы: / Эпчи кижиниң ийги эмчегиниң сүдү / Ақ қолчақ пол, ақ полза, / Ақ талайға пар қаттыспартыр. / Аны көр, полза, / Оолақтың ачығ келбес, полза, / Ачийы келча. / Айраныңа суг қожула перди. / – По ноо, сүттү эмкөрей, – тедир, – мен. / Оолағаш тўндере чаткелип, / Оң эмчегин эме-эме келгени: / Эпчи кижиниң ақтапкел, қуруда эмизе перди. / Арий тоспаан қалды оолағаш! / – Сол эмчен эмоқ көрей! – тедир. / Сол эмчегин эмизе пергени, қуруда кел эмди. / Оолағаш полза, күйше киркел, / Ұшкүркел, күйш алынча. / Сысқара кел, сағызы алынды. / Алтын өргени көркел полза, / Айланкел, эпчи кижини көргени: / Эпчи кижі қара қабыл пол, / Қайыл түйшпартыр уже. / Анаң артын алтын өрге кире чүгүрди. / Алтын өрге кире чүгүргени: / Толук сайа қарғаш қуш уйа тартынсалтыр. / Алтын өргеді пирда небі чоғул! / Қырық аңбардың эзиги / Парчазы қайра шабылпартырлар. / Парчазы пустой турчалар. / Эбире чөрүп, түгезе көрүбисте оолағаш. / Алтын шарчын тўзүнең анаң көргени: / Ийги ат турған полтур! / Тоғус тамға падыра пастыр. / Торт туйғақтарыңан ордунаң / Қара көл қайнапкел, турған полтур. / Аны көр, нурул шабыл полду, / Ұш эзиктең қарбана чүгүрүбүзе перди ‘Вокруг женщины обежав, / Затем лучший из малышей увидел: / Из двух грудей молоко [этой] женщины, / Белым ручьем став, / С белым морем слилось, оказывается, / Это увидев, / Не огорчившийся мальчик, огорчился, / К айрану вода прибавилась. / – Это молоко сососу-ка я! – сказал. / Мальчик лицом вниз лег, / Из правой груди молоко стал сосать, / У женщины молоко досуха высосал. / Немного не насытился мальчик. / – Из левой груди попью-ка я! – сказал. / Из левой груди молоко начал сосать, / Всё высосал. / Мальчик, в силу войдя, / Вдохнув, силой наполнился. / Свистнув, умом наполнился. / На золотой дворец глянул / Оглянувшись, на женщину посмотрел: / Женщина, превратившись в черный пепел, / Исчезла уже. / Затем в золотой дворец побежал, / Когда в золотой дворец забежал: / Там во всех углах вороны-птицы гнезда свили. / В золотом дворце ничего нет! / Двери сорока амбаров / Все настезь открыты, оказывается. / Все пустые стоят. / Мальчик, вокруг обежав, все осмотрел. / На подножье золотой коновязи глянул: / Два коня стояли, оказывается! / Землю до девяти слоев продавили. / В том месте, где четыре копыта были, / Черное озеро вскипало. / Это увидев, он повернулся, / Из трех дверей на ощупь [одну найдя], выбежал’.*

В «общем месте» (вар. 1) упущена эпическая формула, описывающая огорчение героя: *Аны көр, полза, / Оолақтың ачыг келбес, полза, / Ачыйы келча. / Айранынга суз қожула перди* ‘Это увидев, / Не огорчавшийся мальчик, огорчился, / К айрану вода прибавилась’; также есть упущенные строки: *Тоғус тамга падыра пастыр* ‘Землю до девяти слоев продавив, стояли’; *Аны көр, нурул шабыл полду, / Ыш эзиктең қарбана чүгүрүбүзе перди* ‘Это увидев, он повернулся, / Из трех дверей на ощупь [одну найдя], выбежал’.

В варианте 1 неверно расшифрована и переведена формула: *оолағаш кел, үскере кел, қуш алынча, / Сысқара кел, сағыш алынча* ‘Мальчика переполняя (?), сила прибавилась, / Разбухая (?), ум прибавился’, описывающая ситуацию, связанную с приемом чудесной пищи и обретением мальчиком богатырской силы. Поскольку эта формула является традиционной, устойчиво повторяющейся у всех других кайчи, как в варианте 2: *Оолағаш полза, күйке киркел, / Ышкүркел, күйш алынча. / Сысқара кел, сағызы алынды* ‘Мальчик в силу войдя, / Вздохнув, силой наполнился. / Свистнув, умом наполнился’.

Кроме этого, в варианте 1 обнаружена ошибка в строке об исчезновении матери малыша: *Эпчи кижжи қара қайа пол партыр* ‘Женщина черной скалой стала’ вместо: *Эпчи кижжи қара қабыл пол, / Қайыл түйшпартыр уже* ‘Женщина, превратившись в черный пепел, / Исчезла уже’. Перевод Л. Н. Арбачаковой подтверждается мнением А. И. Чудоякова, который считал, что основное назначение матери – дать сыну жизненную силу: «...она исчезла, превратилась в прах, когда мальчик высосал все молоко из ее обеих грудей» [Чудояков, 1995, с.133].

В первой расшифровке есть неточности в переводе. Например, неверно переведено словосочетание *оолақ чақшызы* ‘мальчик хорошо’ вместо ‘лучший из мальчиков’. Также неточны трактовки строк (вар. 1): *Эпчи кижиниң ийги эмчегиниң сүдү / Ақ қолчақ пол кел, / Ақ талайға парып, қаташ партыр* ‘Двух грудей молоко [этой] женщины, / Белым ручьем став, / В белое море превратившись, / Увеличивается, оказывается’ вместо: *Эпчи кижиниң ийги эмчегиниң сүдү / Ақ қолчақ пол, ақ полза, / Ақ талайға пар, қаттыспартыр* ‘Молоко из двух грудей [этой] женщины, / В белый ручей превратившись, / К белому морю потекло и с ним слилось’.

Исследователи саяно-алтайского эпоса, занимавшиеся расшифровкой аудиозаписей, не раз отмечали, что в живом исполнении эпоса естественны случайные оговорки, повторы, разночтения и ошибки, допускаемые сказителями [Казагачева, 2002; Алтын-Арыг..., 1988; Арбачакова, 2009].

О Д. К. Турушпанове известно, что он был представителем верхнетомской сказительской школы [Шорские героические сказания, 1998], исполнители которой пели с ярко выраженным элементом секания / зекания. Для нижнемерасского диалекта, ставшего основой литературного шорского языка характерно шекание / жекание. В расшифрованном нами тексте «Мерет сар аттыг Мерет Оолак» слова с элементами секания / зекания встречаются на протяжении всего текста: *қабызарда, асқым, сарчын, эзигинең* (лит.: *қабыжарда, аиқым, шени, шарчын, эжигинең*) ‘перед сражением, перевал, коновязь, из дверей’.

В сказании встречаются русизмы: с аффиксами шорских падежей *көрүб + тиң* ‘из короба’ (-*тиң* – аффикс исходного падежа); *кروات + қа* ‘к кровати’ (-*қа* – направительно-дательный падеж); *размер + ди* ‘размера’ (-*ди* – аффикс винительного падежа); *абида + га* ‘в обиду’ (-*қа* – направительно-дательный падеж) и др. Встречаются русизмы, адаптированные к шорскому языку: *сапьян сапөгин* ‘сафьяновые сапоги’, *эқ, ты / эктий* ‘эх, ты’ и русизмы в чистом виде (нет, еще, уже, почти, пустой, ряд, давно / тавно) и русские просторечия (насилу, чё-то, вишь). В переводах в варианте 1 оставлено междометие ‘эх’, в варианте 2 сохранено *эктий*, которое произносится сказителем во всех его сказаниях. Русизмы, встречающиеся в шорских сказаниях у современных исполнителей, не обогащают лексический состав языка, а разрушают ее поэтическую специфику [Арбачакова, Кузьмина, 2014].

Таким образом, результаты сопоставления и текстологического анализа двух расшифрованных текстов одного шорского героического сказания «Мерет-оолак» / «Мерет Олак, имеющий волшебного коня» показали, что в рукописи И. Я. Арбачакова наблюдаются случаи упущения отдельных слов, словосочетаний, строк, а также некоторых эпических формул и одного «общего места», посвященного первотворению земли. Помимо этого, в тексте обнаружены ошибки (или опечатки), которые повлияли на качество перевода.

Содержание и качество фольклорных произведений, переведенных на другой язык, полностью зависит от достоверности первичного текста, а также от полноты текстологической работы и уровня

расшифровки аудиозаписи и подготовки самого дешифровщика. Хороший результат получается в результате совместного сотрудничества этномузыковедов, фонетистов и фольклористов.

Благодаря обнаруженной аудиозаписи мы имели возможность неоднократно прослушать и сопоставить проанализированный текст опубликованным сказанием. В результате проведенной работы были уточнены некоторые слова в типических местах, а также восстановлены эпические формулы и одно «общее место» с описанием появления зелени, птиц, упущенные при расшифровке варианта 1.

Список литературы

Арбачакова Л. Н. Из опыта расшифровки шорских героических сказаний в исполнении В. Е. Таннагашева // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 86–89.

Арбачакова Л. Н. Рольевые функции кайчи в шорских героических сказаниях // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 92–95.

Арбачакова Л. Н., Кузьмина Е. Н. Шорский эпос: признаки угасания традиции // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2014. № 2 (вып. 27). С. 68–72.

Алтын-Арыг: Хакасский героический эпос / Зап., подгот. текста, вступ. ст., пер. и коммент. В. Е. Майногашевой. Москва: Наука, 1988. 592 с.

Казагачева З. С. Алтайские героические сказания «Очы-Бала», «Кан-Алтын». (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск, 2002, 352 с.

Кузьмина Е. Н. Героический эпос – поэтический феномен народа // Дуйно элдеринин эпосторунун фестивалы; Всемирный фестиваль эпосов народов мира; The world epics festival. Уулу тоолор. 2019. С. 516–528.

Чудояков А. И. Этюды шорского эпоса. Кемерово: Кн. изд-во, 1995. 221 с.

Шорские героические сказания / Вступ. ст., подгот. поэтич. текста, пер., коммент. А. И. Чудоякова; музыковед. ст. и подгот. нотного текста Р. Б. Назаренко. М.; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).

Функ Д. А. Из истории текста шорского эпического сказания «Мерет-оолак» // Информационный бюллетень координационного Центра комплексных исследований эпической традиции (при отделе Севера Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва). № 3, июль-сентябрь 2003 г., 23 с.

Фольклор шорцев / Сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29).

References

Altyn-Aryg: *Khakasskiy geroicheskiy epos* [Altyn Aryg: Khakas heroic epos]. V. E. Maynogasheva (Ed., comp.). Moscow, Nauka, 1988, 592 p. (In Shor, in Russ.).

Arbachakova L. N. Iz opyta rasshifrovki shorskikh geroicheskikh skazaniy v ispolnenii V. E. Tannagasheva [From the experience of decoding Shor heroic epics performed by V. E. Tannagashev]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2009, no. 3, pp. 86–89. (In Russ.).

Arbachakova L. N. Rolevyey funktsii kaychi v shorskikh geroicheskikh skazaniyakh [Role function in shor heroic epics]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2003, no. 3, pp. 92–95. (In Russ.).

Arbachakova L. N., Kuz'mina E. N. Shorskiy epos: priznaki ugasaniya traditsii [Shor epos: the signs of tradition fading away]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2014, no. 2 (iss. 27), pp. 68–72. (In Russ.).

Chudoyakov A. I. *Etudy shorskogo eposa* [Etudes of the Shor epic]. Kemerovo, Kemerovo Book Publ. House, 1995, 221 p. (In Russ.).

Fol'klor shortsev [Folklore of the Shors]. L. N. Arbachakova (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2010, 608 p. (In Russ., in Shor). (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and Far East], vol. 29).

Funk D. A. Iz istorii teksta shorskogo epicheskogo skazaniya “Meret-oolak” [From the history of the Text

of Shorian Epos “Meret-Oolak”). *Bulletin of the Coordinative Center of Complex Studies of Epic Tradition (Department of the North and Siberia, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow)*. 2003, no. 3 (July–September), 23 p. (In Russ.).

Kazagacheva Z. S. *Altayskie geroicheskie skazaniya “Ochy-Bala”, “Kan-Altyn” (Aspekty tekstologii i perevoda)* [Altai heroic epics “Ochy-Bala”, “Kan-Altyn” (Aspects of textual criticism and translation)]. Gorno-Altaysk, 2002, 352 p. (In Russ.).

Kuz'mina E. N. Geroicheskiy epos – poeticheskiy fenomen naroda [Heroic epos – a poetic phenomenon of the people]. In: *Duyno elderinin epostorunun festivaly; Vsemirnyy festival' eposov narodov mira* [The world epics festival]. Bishkek, Uulu toolor, 2019, pp. 516–528. (In Russ.).

Shorskie geroicheskie skazaniya [Shor heroic epics]. A. I. Chudoyakov (Intr., prep. of the poetic text, Russ. transl. and comm.); R. B. Nazarenko (Musicology art. and prep. of notes). Moscow, Novosibirsk, Nauka, 1998, 463 p. (In Shor, in Russ.). (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 17)].

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
3.02.2020*

Сведения об авторах

Арбачакова Любовь Никитовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: anzass@mail.ru

ORCID 0000-0001-9570-6505

Кузьмина Евгения Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: kuzmina.evgenia2010@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7389-7811

Researcher ID K-2471-2017

Information about the Authors

Lyubov' N. Arbachakova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: anzass@mail.ru

ORCID 0000-0001-9570-6505

Evgenia N. Kuz'mina – Doctor of Philology, Principal Researcher, Professor, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: kuzmina.evgenia2010@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7389-7811

Researcher ID K-2471-2017

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 930:314+392.5+398.8+391
DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-55-61

Баргузинские буряты: численность, свадебные традиции (по материалам полевых исследований 2018-2019 гг.)

В. В. Лыгденова¹, О. Б. Дашинамжилов²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

² *Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье выявлены этапы свадебного обряда у современных баргузинских бурят и параллельно кратко охарактеризованы особенности их расселения в настоящее время в Курумканском и Баргузинском районах Республики Бурятия. Новизна статьи в том, что в ней впервые используются полевые материалы авторов, собранные в 2018-2019 гг. у местных старожилов, связанные с особенностями празднования свадьбы у баргузинских бурят (песни, клишированные реплики и т.д.). Анализируются диалоги-клише, используемые во время обряда сватовства и характерные для этнической группы баргузинских бурят, а также представлены отдельные фрагменты обрядовых песен и описаны свадебные украшения невесты.

Ключевые слова

население, свадебные традиции бурят, баргузинские буряты, свадебные песни, народы Сибири, этнография, историческая демография

Для цитирования

Лыгденова В. В., Дашинамжилов О. Б. Баргузинские буряты: численность, свадебные традиции (по материалам полевых исследований 2018–2019 гг.) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 55–61. DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-55-61

Barguzin Buryats: population size, wedding traditions (based on the field research materials of 2018–2019)

V. V. Lygdenova¹, O. B. Dashinamzhirov²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation*

² *Institute of History of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper is dedicated to studying the history of population, songs and wedding traditions of the Barguzin Buryats, who live in Barguzin and Kurumkan regions of the Republic of Buryatia. Barguzin Buryats represent the local ethnical group of Buryats who moved from the banks of the Lena River in the 18th century and settled in the Barguzin Valley, where they have lived up to now. Wedding traditions of Buryats were studied by many scholars such as M. N. Khangalov, S. P. Baldayev, K. D. Basaeva, G. R. Galdanova, and others. The paper's relevance is due to the novel field materials collected by the authors in 2018–2019, including songs, wishes, cliché dialogues, etc. For instance, the tradition assumes many cliché dialogues during the ritual of matchmaking, and they are also described in the paper. Also, different fragments of songs for putting on different parts of wedding clothes and accessories are considered. All the songs were collected from the old women living in different villages of Barguzin and Kurumkan

© В. В. Лыгденова, О. Б. Дашинамжилов, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

regions. They were recorded in the Barguzin dialect of the Buryat language. The songs were sung by their mothers, and the women inherited their traditional performance. The paper summarizes the peculiarities of modern wedding traditions of Barguzin Buryats, with the fragments of songs provided. Each wedding stage is described, and the sequence of actions is specified.

Keywords

population size, Buryat wedding traditions, Barguzin Buryats, wedding songs, peoples of Siberia, ethnography, historical demography

For citation

Lygdenova V. V., Dashinamzhirov O. B. Barguzinskie buryaty: chislennost', svadebnye traditsii (po materialam polevykh issledovaniy 2018–2019 gg.) [Barguzin Buryats: population size, wedding traditions (based on the field research materials of 2018–2019)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 55–61. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-55-61

Баргузинские буряты – довольно крупная этнолокальная группа, которая возникла в результате миграции с берегов р. Лены в Баргузинскую долину в Забайкалье в XVIII в. Согласно Всесоюзной переписи населения 1959 г., в Баргузинском районе Республики Бурятия (Курумканский район был упразднен и вошел в его состав, вновь образован в 1971 г.) проживало 36,6 тыс. чел., в том числе 14,1 тыс. бурят, что составило 10,4 % всего бурятского населения Республики. К настоящему времени численность бурятского этноса Баргузинской долины, несмотря на высокую рождаемость, увеличилась всего до 15,1 тыс. чел. Это привело к снижению доли бурят до 5,3 %, что, по всей видимости, связано с сильным миграционным оттоком в г. Улан-Удэ и другие районы.

Баргузинская долина располагается в периферийной северо-восточной, наименее обжитой и экономически малоосвоенной части Республики, отличающейся суровым климатом и непростыми условиями хозяйствования. Взаимодействие с центральными районами затрудняла ее географическая отдаленность (например, с. Курумкан располагается в 411 км от г. Улан-Удэ, а с. Баргузин – в 315 км) и плохо налаженное транспортное сообщение, которое частично обеспечивалось в советское время местными транспортными и пассажирскими авиаперевозками. Некоторая изолированность способствовала более длительному сохранению традиционной культуры, консервации старых обычаев и традиций на данной территории. На это косвенно указывают материалы Всероссийских переписей населения, согласно которым, уровень владения русским языком на севере Республики был ниже, чем в центральных и южных районах¹. Именно поэтому изучение культуры бурят Баргузинской долины представляет высокий интерес, так как длительное сохранение традиционного уклада жизни оказало воздействие на многие стороны повседневной жизни этноса, в том числе на свадебные песни. В статье использованы полевые материалы авторов, собранные в 2018–2019 гг. в Баргузинском и Курумканском районах Республики Бурятия.

Свадебные обряды бурят изучались известными этнографами М. Н. Хангаловым [2004], С. П. Балдаевым [1959]. В XX в. проблемам свадебной обрядности посвящены труды К. Д. Басаевой [1980], Г. Р. Галдановой [1992], Н. О. Шаракшиновой [1973, с. 44–50] и др. Особенное внимание свадебным песням уделялось в работах Д. С. Дугарова и Л. Д. Дашиевой. В четырехтомнике Д. С. Дугарова представлены песни таких этнолокальных групп бурят, как хори-буряты, селенгинские и западные (предбайкальские представители эхиритов и булагатов) буряты [Дугаров, 1964, 1969, 1980]. Л. Д. Дашиева продолжила исследования Д. С. Дугарова и дополнила наработки предшественника. В ее трудах обрядовые песенные традиции западных бурят были систематизированы, нотированы и классифицированы [Дашиева, 2017]. В настоящей статье представлены песни, сопровождающие различные свадебные этапы у баргузинских бурят, традиции которых недостаточно исследованы в современной этнографии.

Свадьбу у бурят нельзя представить без музыкального сопровождения – свадебных песен. У каждого народа традиционные свадебные песни синкретически включены в обряд. Являясь своеобразным напутствием и подготовкой молодоженов и членов их родов к переменам в жизни, свадебные песни обладают также сакральным и символическим значением наподобие благословений молодым

¹ Государственный архив Республики Бурятия, фонд (постреволюц.) 196, оп. 1/8, л. 13–16.

людям. Полевые материалы для данного исследования были собраны в 2018–2019 гг. в населенных пунктах, где проживает преимущественно бурятское население, что позволило снизить вероятность заимствований из других культурных традиций. Так, доля бурят в с. Аргада составила 93,7 %, в с. Баянгол – 85,1 %². Были собраны традиционные свадебные песни, которые поют участницы бурятского фольклорного ансамбля «Баянголай гургалдайн дуу» из с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия: Ирина Гомбоевна Посходиева, 1942 г. р., род шубтхэй шоно (родилась и живет в с. Баянгол Баргузинского района), Дынсыма Чирип-Сынгеевна Гармаева (Хобракова), 1939 г. р., род басай шоно (родилась и живет в с. Аргада Курумканского района), Энгельсина Дашиевна Будзанаева, 1950 г. р., род бутанай шоно (родилась и живет в с. Баянгол Баргузинского района). Традиционные свадебные песни участницы ансамбля усвоили от своих матерей и бабушек, проживавших во второй половине XIX – начале XX в. Зачастую и в настоящее время для свадебных обрядов у баргузинских бурят характерны народные традиционные свадебные песни. Каждый этап бурятской свадьбы сопровождается песнями.

Структура свадьбы у баргузинских бурят в целом схожа с последовательностью обрядовых действий у бурят других районов, однако есть и некоторые отличия, которые можно считать особенностями традиции именно этой этнолокальной группы. Структура свадебных обрядов у баргузинских бурят состоит из сватовства, подготовки к свадьбе, которая включает: обход невестой родственников и обряд раздачи именного³ мяса *милагаан*, шитье *захалай шэрдэг* ‘свадебного ковра’, девичник, – и непосредственно свадьбы. В отличие от свадебных обрядов бурят, проживающих южнее, у баргузинских бурят присутствует также обряд *милааган*, который проводится перед свадьбой. В статье Г. Р. Галдановой «Структура традиционной бурятской свадьбы» схематически представлены этапы свадебного обряда у разных этнолокальных групп бурят [1986]. Наиболее близкими по структуре для баргузинских бурят являются этапы иркутской свадьбы, так как баргузинские буряты также являются эхиритами. Остановимся подробнее на каждом этапе.

На сватовство приезжают ближайшие родственники жениха к родителям и родственникам невесты. Со стороны жениха приезжают: *баабай* ‘отец’, *абга* ‘брат отца’, *нагаса* ‘брат матери’ – обязательно, *хурэха* ‘муж сестры жениха’, *нухэрэй хубуун* ‘друг жениха’, *худа* ‘сват’ (со слов информантов, обычно давний друг семьи сватающихся). Сваты приезжают и спрашивают разрешения подойти к бурхану. Ставят перед ним *далга* ‘ритуальное подношение’ и кладут деньги. Далее сваты и родственники невесты делают вид, что незнакомы друг с другом, и обряд сватовства происходит по определенному сценарию, который является традиционным для баргузинских бурят. Начинают разговор сваты:

*Сагаан дардам харгыгаар,
Уна мүрэн гаталжа,
Сэржэм үргэжэ,
Дабаа дабажа ерээбди!*

‘По гладкой светлой дороге,
Речные воды пересекая,
Подношения духам преподнося,
Перевалы переходя, прибыли к вам!’

(Полевой дневник В. В. Лыгденовой 2019 г.⁴).

Затем сваты продолжают:

Бидэ булга бариха хүбүүтэйбди, / Танда булга эсхэжэ юумэ оёдог басаган биш гэжэ дуулад ерээбди / Саашанхи харгыень холбохо гэжэ зугаалхаяа ерээбди! ‘У нас есть парень, который отлично охотится на соболя, / Мы слышали, что у вас есть девушка, которая отлично умеет шить из собольей шкурки, / Для того, чтобы поговорить о соединении их жизненных дорог, мы к вам приехали!’ (Полевой дневник В. В. Лыгденовой 2019 г.⁵).

² Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <http://burstat.gks.ru/vpn2010?print=1> (дата обращения: 27.02.2020).

³ Понятие «именное мясо» означает, что каждый кусок мяса предназначен для определенного члена рода.

⁴ Зап. В. В. Лыгденова в августе 2019 г. в г. Улан-Удэ от И. Г. Посходиевой, 1942 г. р. Подробные сведения содержатся в Списке информантов.

⁵ Зап. В. В. Лыгденова в августе 2019 г. в г. Улан-Удэ от Д. Ч.-С. Гармаевой, 1939 г. р.

После этого происходит разговор *адуу эдээ* ‘о калыме’ (барг. диалектизм). Вначале сваты предлагают: *арбан сагаа* ‘десять монеток серебром’, *арбан шарай* ‘десять – золотом’, *дэлэнтэй унеэн* ‘дойных коров’, *дэлхэтэй мори* ‘коней с гривой’, *бумбэр сагаан хонин шимэ* ‘чистых белых овец’. Отец жениха и *нагаса* ‘дядя невесты со стороны матери’ наедине переговариваются после этого предложения, и если обе стороны достигли компромисса, они подтверждают согласие словами:

Арсаа угэй загаалаахадай, нэгэ нэгэээ бария! ‘Без споров договорились! Давайте по одной выпьем!’

После этого отец жениха поет любую праздничную песню и уточняет, в какой день и какого числа состоится свадьба сколько гостей и верховых, лошадей они с собой возьмут. Два свата произносят благопожелания-*юрөөлы* для семьи. Затем вступают в разговор женщины. Мать невесты не хочет (якобы) ее отдавать замуж, поскольку считает дочь еще слишком юной. Такой поворот в сценарии сватовства необходим для того, чтобы не слишком быстро соглашаться на предложение, и таким образом мать невесты дает понять, что ее слово является последним и решающим (возможно, это связано с матрилокальностью брака в прошлом, когда мать невесты являлась наиболее авторитетным членом рода). На материнские сомнения тетя невесты обычно отвечает так:

<i>Басаганимни ехэ боло,</i>	‘Девушка повзрослела,
<i>Хадаамда ошхо,</i>	Пора выдавать ее замуж,
<i>Хари болохо саг ерээ,</i>	Чужой стать время пришло,
<i>Дэрнэгэр тархинь</i>	Постель для нее уже тесновата,
<i>Дэрэдээ тарахаа болёо!</i>	Даже на подушке не помещается!
<i>Хадамдаа ошохо саг ерээ!</i>	Выйти замуж время пришло!’

(Полевой дневник В. В. Лыгденовой 2019 г.⁶).

После этого происходит *бэһээ андалдаха* ‘обмен поясами’, что является символом договора между сватами о женитьбе детей. Далее все – гости и сваты – садятся за стол, выпивают *тогооной архи* ‘молочную водку’, поют, веселятся и, пробыв у родителей невесты не более трех часов, сваты переходят к церемонии прощания, обязательно до захода солнца:

<i>Ороһон бороон сэлмэдэг,</i>	‘Ненастье проясняется,
<i>Бууһан урагууд мордодог.</i>	Сватам пора уезжать,
<i>Харгы холо, ябаха саг ерээ.</i>	Дорога дальняя, уезжать время подошло.
<i>Матахада хахархагүй,</i>	Если гнуть, то не порвётся,
<i>Татахада таһархагүй,</i>	Если тянуть, то не оторвётся,
<i>Ураг тариг болободди.</i>	Родственниками стали.
<i>Бусьи даа!</i>	Давайте возвращаться!’

(Полевой дневник В. В. Лыгденовой 2019 г.⁷).

После этих слов родные невесты провожают сватов, и хозяйка выводят их коней. Сваты до заката солнца уезжают.

В дальнейшем при подготовке к свадьбе родственницы невесты собирались в назначенный день и час, чтобы совершить обряд шитья свадебного ковра в качестве приданого. Для проведения данной церемонии выбирался благополучный день (для этого уточняли у лам или у шаманов наиболее благоприятную дату). Родственницы невесты начинали шитье с того, что *сэржэм ургэхэ* ‘брызгали водкой или молоком’ для благополучия невесты и жениха.

При подготовке украшений и приданого для невесты на собранные во время обряда *милаага* деньги невеста готовила себе приданое, нарядный костюм с длиннополой безрукавкой, характеризующий статус замужней женщины, и свадебные украшения [Бадмаев, 2012, с. 188]. Одно из украшений – *юбүүн* – характерно именно для баргузинских буряток, оно представляет собой ложкообразное пластинчатое серебряное украшение, которое подвешивается на лоб или вплетается в косички на висках (рис., с. 59).

⁶ Зап. В. В. Лыгденова в августе 2019 г. в г. Улан-Удэ от И. Г. Посходиевой, 1942 г. р.

⁷ Зап. В. В. Лыгденова в августе 2019 г. в г. Улан-Удэ от И. Г. Посходиевой, 1942 г. р.

Надевают *юбуун*, после него *даруулга* ‘коралловый венок’ и поверх них *малгай* ‘шапку’. Когда невесту украшают перед свадьбой, то поется песня для каждого украшения. При одевании на невесту аксессуара *юбуун* исполнялась следующая песня:

*Онёогой баруун бшин басагад
Оложкайн шэнээн ебүүнтэйнүүд,
Харуунай баруун бшин басагад
Халбагайн шэнээн ебүүнтэйнүүд.*

‘У девушек с правого берега (реки) Ины
Размером с ложку *юбуун*,
У девушек с правого берега (реки) Карасуна
Размером с ложку – *юбуун*’

(Полевой дневник В. В. Лыгденовой 2019⁸).

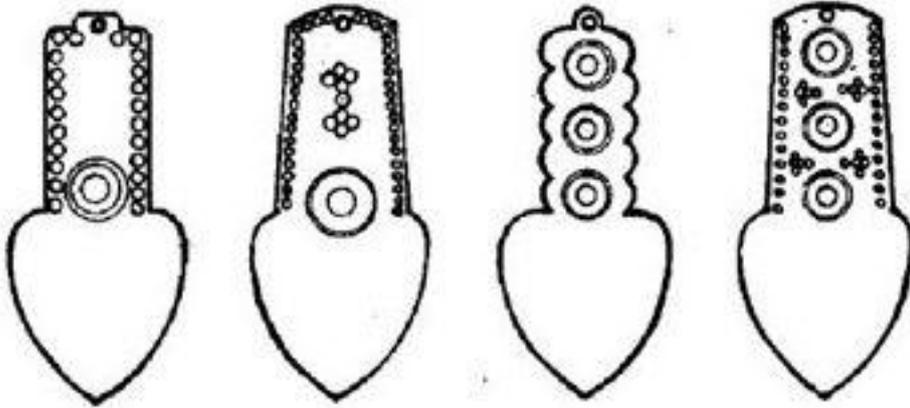

Рис. Стреловидные налобные украшения из серебра *юбуун* [Банаева, 2010, с. 14].

Fig. *Yubiin* – arrow-like forehead silver accessories.

В девичестве девушка ходит с одной косой, перед свадьбой ее косу переплетают в две косы и украшают голову *даруулга* ‘коралловым венком’. Короткая девичья безрукавка меняется на длиннополую *уужа* ‘безрукавку’, украшенную монетами или пуговицами. После свадьбы все выходят на улицу и танцуют, взявшись за руки, бурятский традиционный танец ёхор.

Наиболее часто в бурятских свадебных песнях встречаются символы и образы плодородия, тепла, радости. Свадебные песни незамысловаты по своему содержанию, в основном это пожелания счастливой жизни молодоженам и их родственникам. В песне, поющей во время танца-ёхора, есть непереводимое на русский язык слово *худаг*, обозначающее почтенную, пользующуюся авторитетом в обществе женщину в годах, которая родила много здоровых детей, состоялась как мать и хозяйка дома. К такому социальному статусу должна была стремиться каждая невеста у баргузинских бурят.

В заключение еще раз отметим, что у баргузинских бурят до сих пор сохраняются многие этапы традиционной свадебной обрядности. Этому во многом способствовала их географическая изолированность от центральных районов республики, где свадебные обряды имеют больше заимствований. Сватовство, свадебные ритуалы украшения невесты, порядок рассаживания гостей, установка свадебного *сэргэ* ‘коновязи’ по-прежнему обладают многими традиционными чертами. В течение обряда сватовства ведутся клишированные диалоги, согласно традиции, а на свадебных церемониях поются сохранившиеся традиционные баргузинские песни, хотя многие из них утрачены. Сейчас сохраняют и передают старинные песни баргузинских бурят участники различных музыкальных ансамблей. Так, в рамках прошедшего в 2016 г. в г. Улан-Удэ международного фестиваля «Алтаргана» были представлены театральные постановки музыкальных ансамблей Курумканского и Баргузинского районов, посвященные старинной и современной свадебной обрядовой традиции, которые также были использованы авторами данной статьи в качестве полевых материалов. Многие из утраченных традицион-

⁸ Зап. В. В. Лыгденова в августе 2019 г. в г. Улан-Удэ от Э. Д. Будзанаевой, 1950 г. р.

ных песен и танцев были восстановлены в хореографических и вокальных постановках известного в России и в Бурятии государственного народного ансамбля песни и танца «Байкал», в частности, наиболее заметной стало театральное представление «Эхо страны Баргуджин-Токум».

Список информантов

Посходиева Ирина Гомбоевна, 1942 г. р., род шубтхэй шоно, с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия.

Гармаева Дынсыма Чирип-Сынгеевна, 1939 г. р., род басай шоно, с. Аргада Курумканского района Республики Бурятия.

Будзанаева Энгельсина Дашиевна, 1950 г. р., род бутанай шоно, с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия.

Список литературы

Бадмаев А. А. Женская одежда у бурят во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 5: Археология, этнография. С. 187–193.

Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 179 с.

Банаева В. А. Женские украшения предбайкальских бурят // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 124. С. 13–21.

Басаева К. Д. Современные свадебные обряды у селенгинских и баргузинских бурят (традиции и инновации) // Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ: Бурят. филиал АН СССР, 1980. С. 15–42.

Галданова Г. Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 71–88.

Галданова Г. Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 131–159.

Дашиева Л. Д. Обрядовая песенная традиция западных бурят. Иркутск: Оттиск, 2017. 448 с.

Дугаров Д. С. Бурятские народные песни. Песни хори-бурят. Улан-Удэ: БКНИИ СО АН СССР, 1964. 443 с.

Дугаров Д. С. Бурятские народные песни. Песни селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 342 с.

Дугаров Д. С. Бурятские народные песни. Песни западных бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. 280 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3-х т. Улан-Удэ: Республ. типография, 2004. Т. 1. 508 с.

Шаракишинова Н. О. Лирические песни бурят. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 148 с.

References

Badmaev A. A. Zhenskaya odezhda u buryat vo vtoroy polovine 19 – nachale 20 veka [Female clothes of the Buryats in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"*. 2012, vol. 11, iss. 5: Archaeology, Ethnography, pp. 187–193. (In Russ.).

Baldaev S. P. *Buryatskie svadebnye obryady* [Buryat wedding rituals]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1959, 179 p. (In Russ.).

Banaeva V. A. Zhenskie ukrasheniya predbaykal'skikh buryat [Female ornaments of the Predbaikal Buryats]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2010, no. 124, pp. 13–21. (In Russ.).

Basaeva K. D. Sovremennye svadebnye obryady u selenginskikh i barguzinskikh buryat (traditsii i innovatsii) [Modern wedding rituals of Selenga and Barguzin Buryats (traditions and innovations)]. In: *Byt buryat v nastoyashchem i proshlom* [Everyday life of the Buryats in the present and in the past]. Ulan-Ude, Buryat. filial AN SSSR, 1980, pp. 15–42. (In Russ.).

Dashieva L. D. *Obryadovaya pesennaya traditsiya zapadnykh buryat* [Ritual song tradition of the West-

ern Buryats]. Irkutsk, Ottisk, 2017, 448 p. (In Russ.).

Dugarov D. S. *Buryatskie narodnye pesni. Pesni hori-buryat* [Buryat folk songs. Songs of Khori-Buryats]. Ulan-Ude, BKNII SO AN SSSR, 1964, 443 p. (In Russ.).

Dugarov D. S. *Buryatskie narodnye pesni. Pesni selenginskih buryat* [Buryat folk songs. Songs of Selenga Buryats]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1969, 342 p. (In Russ.).

Dugarov D. S. *Buryatskie narodnye pesni. Pesni zapadnyh buryat* [Buryat folk songs. Songs of Western Buryats]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1980, 280 p. (In Russ.).

Galdanova G. R. Semantika arhaichnyh elementov svad'by u tyurko-mongolov [Semantics of archaic elements of wedding among Turk-Mongols] In: *Traditsionnaya obryadnost' mongol'skih narodov* [Traditional rituals of Mongol peoples]. Novosibirsk, Nauka, 1992, pp. 71–88. (In Russ.).

Galdanova G. R. Struktura traditsionnoy buryatskoy svad'by [Structure of traditional Buryat wedding]. In: *Traditsionnaya kul'tura narodov Tsentral'noy Azii* [Traditional culture of the peoples of Central Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 131–159. (In Russ.).

Khangalov M. N. *Sobranie sochineniy: v 3-kh t.* [Collection of works: in 3 vols]. Ulan-Ude, Respubl. tip., 2004, vol. 1, 508 p. (In Russ.).

Sharakshinova N. O. *Liricheskie pesni buryat* [Lyrical songs of Buryats]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd., 1973, 148 p. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
2.03.2020

Сведения об авторах

Лыгденова Виктория Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

ORCID 0000-0003-4277-8155

Дашинамжилов Одон Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: odon@bk.ru

ORCID 0000-0002-0938-2290

Information about the Authors

Victoria V. Lygdenova – Candidate of Philosophy, Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

ORCID 0000-0003-4277-8155

Odon B. Dashinamzhilov – Candidate of History, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: odon@bk.ru

ORCID 0000-0002-0938-2290

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ: КОММЕНТИРОВАНИЕ И ЭДИЦИЯ

УДК 398 (=512.211): 811.161.1 + 81'344
DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-62-70

Эвенские исторические предания, записанные на русском языке: практика расшифровки и комментирования

Ю. В. Лиморенко

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Настоящая статья посвящена практическим аспектам публикации образцов фольклора, записанных на русском языке от исполнителей, для которых русский – не родной язык. Материалом служат тексты двух эвенских исторических преданий, записанных в Момском улусе Республики Саха (Якутия). Автор настоящей статьи выполнила и аудиозапись преданий, и их расшифровку. В основной части статьи рассматриваются особенности языка исполнителя преданий, приемы расшифровки записей с аудионосителя и их воплощения в письменном виде, оговариваются примеры опущения звучащих фрагментов, восполнения смысловых лакун, а также другие трудности письменного оформления звучащей речи. В конце статьи публикуются тексты обоих преданий с комментариями автора расшифровки.

Ключевые слова

фольклор эвенов, исторические предания, расшифровка звучащего текста, грамматическая норма, орфоэпическая норма

Для цитирования

Лиморенко Ю. В. Эвенские исторические предания, записанные на русском языке: практика расшифровки и комментирования // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 62–70. DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-62-70

Even historical legends recorded in Russian: practice of transcription and commenting

Yu. V. Limorenko

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This article is about the practical aspects of publishing folklore samples recorded in Russian by performers for whom Russian is not their native language. The research was based on two texts of Even historical legends collected in the Momy sky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia) from a performer who spoke to varying degrees Even, Yakut and Russian. The author has recorded the legend on audio, and then made the complete transcription of a record. Some linguistic features of texts were studied, such as using pause filler words, deviations in stress, violation of the grammatical norm, varying pronunciation of some words, mixing of speech styles and the use of words in sublime style, with the regular absence of prepositions. The author of the transcription adheres to recommendations of V. Ya. Propp on editing folklore texts: the originality of the phonetics of the text is not transmitted (this would make it difficult to read), but all the grammatical and syntactic features of the performer's speech remain unchanged. During transcription, texts were divided into paragraphs (blocks), numbered for ease of reading and searching for com-

© Ю. В. Лиморенко, 2020

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

ments. The punctuation marks also were placed, as well as some illegible-sounding words and some incomprehensible fragments of texts were marked. To preserve the internal logic of texts, the additions of words have been made in square brackets in some places, with additional marks. At the end of the article, the texts of both legends are published with comments made by the author of the transcription.

Keywords

Even folklore, historical traditions, decoding of the sounding text, grammar norm, orthoepic norm

For citation

Limorenko Yu. V. Evenskie istoricheskie predaniya, zapisannye na russkom yazyke: praktika rasshifrovki i kommentirovaniya [Even historical legends recorded in Russian: practice of transcription and commenting]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 62–70. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-62-70

Введение. Среди образцов повествовательного фольклора, записанных автором публикации в 2007 г. в ходе комплексной фольклорно-этнографической экспедиции в Момский улус Республики Саха (Якутия)¹, есть два предания, исполненных на русском языке². Содержание этих текстов представляет интерес для исследователей, однако в том же двуязычной академической серии они не могут быть опубликованы, поскольку записаны не на национальном языке. Вместе с тем хотелось бы, чтобы эти два предания вошли в научный оборот и стали доступны фольклористам. Для этого автором настоящей статьи сделана расшифровка обоих преданий с цифровой аудиозаписи; чтобы подготовить их к изданию, потребовалась дополнительная текстологическая работа, природе и методам которой и посвящена статья. Оба текста преданий приводятся в приложении к статье, они сопровождаются комментариями собирателя.

Исполнитель обоих текстов Сергей Прокопьевич Васильев – коренной житель Момского улуса РС (Я), родом из поселка Эселях Улахан-Чистайского наслега³. В момент записи ему было 50 лет. Сергей Прокопьевич считает себя эвеном, хотя его мать была якуткой, и свободно говорит по-русски и по-якутски, а эвенским владеет, по его словам, на бытовом уровне и фольклорных произведений на эвенском не знает (ПМА)⁴.

Оба предания, рассказанные С. П. Васильевым, связаны с его родными местами — Улахан-Чистайским наслегом; в одном из текстов он сообщает о себе, что принадлежит к эвенскому роду Дьаланкыр, который породнился с родом Кукуюн, традиционно живущим в Улахан-Чистае.

Согласно этнографическим данным, роды с такими названиями в документах не упоминаются, однако известны оленные роды Кукугир и Дельян, кочевавшие в низовьях Индигирки и часто смешивавшиеся. Представители обоих родов не могли точно определить, принадлежат они к юкагирам или к эвенам (ламутам) [История и культура эвенов, 1997, с. 30]. Такие же названия для «родов» (возможно, фратрий) указывает Б. О. Долгих, замечая, что эти роды вместе с некоторыми другими «образовывали одно большое племя» [Долгих, 1960, с. 11]. Можно предположить, что исполнитель называет кукугиров кукуюрами или кукуюнами, а дельянов — дьаланкырами. В приводимом ниже тексте исполнитель уделяет внимание тому, как два рода «породнились», а значит, их общее происхождение и вхождение в одно племя с общим диалектом уже не является общеизвестным фактом. К сожалению, во время записи текстов автор настоящей статьи не задала этот вопрос исполнителю, чтобы прояснить его представления о родовом составе эвенов нижней Индигирки и Момы.

¹ В экспедиции принимали участие сотрудники Института филологии СО РАН (ИФЛ СО РАН) и Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ИПМНС СО РАН): К. А. Сагалаев (начальник отряда, ИФЛ СО РАН), А. Г. Гомбожапов, Е. И. Жимулёва, Ю. В. Лиморенко (все – ИФЛ СО РАН), И. И. Садовникова (ИПМНС СО РАН).

² Аудиозаписи обоих преданий хранятся в Архиве сектора фольклора ИФЛ СО РАН (коллекция 17.001, № 09, 10).

³ Исполнитель утверждал, что этот поселок «закрыли», т. е. расселили, но сведений об этом найти не удалось. Известен поселок Эселях, находящийся не в Улахан-Чистайском наслеге Момского улуса, а в Онёрском наслеге Усть-Алданского улуса Республики Саха (Якутия).

⁴ ПМА (полевые материалы автора) — дневник Ю. В. Лиморенко, участника комплексной фольклорно-этнографической экспедиции в Момский улус Республики Саха (Якутия) 2007 г. Архив автора.

Языковые особенности текстов. Тексты обоих преданий исполнены по-русски, но их язык имеет черты местного русского произношения и индивидуальных особенностей речи исполнителя. Воплощение этих особенностей в расшифровке представляет собой одну из проблем при публикации текстов. Можно предположить, что, хотя С. П. Васильев владеет русским языком на бытовом уровне, его, по-видимому, нельзя считать родным языком исполнителя, из-за чего текст преданий не совсем гладкий и ясный.

Однако, поскольку смысл повествования не теряется от сохранения некоторых неясностей изложения, мы не вносили серьезных правок, придерживаясь только нормативной орфографии. Отклонения от этого принципа будут подробнее описаны ниже.

Названия текстам дал сам исполнитель, но уже после того, как закончил рассказывать.

Тексты, записанные от С. П. Васильева, отличаются несколькими особенностями.

1. **Слова-заполнители пауз.** Среди них встречаются как типичные для носителей русского языка (чѐ, это, ладно), так и свойственные только исполнителю (как будто, и так далее). Слова «это», «ладно» используются всюду как заполнители пауз. Характер использования слов и словосочетаний «как будто», «давай», «и так далее», «или как-то» в конце предложений заставляет предполагать, что для исполнителя они маркируют окончание логического отрезка повествования: «Он их стреляет и убивает *как будто*», «И никогда между собой не ссорьтесь, не воюйте *и так далее*». В середине предложения словосочетание «как будто» играет роль заполнителя паузы или вводного слова: «Вот его [еѐ] отец твоего отца и убил, потому что твой отец его *как будто* недооценил, хотел его убить». Слово «да?», употребляемое в качестве заполнителя пауз, всюду из текста удалено, чтобы не мешало чтению.

2. **Особенности ударений.** В формах косвенных падежей слово «олени» получает ударение на окончании: «Он где-то охотился, увидел семь *оленѐй*», «И своих *оленѐй* выгнал...» Этот принцип соблюдается не всегда, редко встречается нормативное произношение: «Мы своего сына месяц назад потеряли и ждѐм их вместе с *олѐнями*». Слово «якуты» во всех падежах произносится с ударением на окончании: «Когда *якуты* сюда приехали...». То же происходит со словом «юрта»: чаще всего во всех формах ударным оказывается окончание: «Сделал *юрту*, смотрит — их *юрта* уже дымит». В текстах преданий отступление от орфоэпической нормы обозначается значком ударения, а следование норме никак не маркируется.

3. **Нарушения грамматической нормы.** Регулярный случай — употребление местоимения «ихний» в различных падежах: «Это он *ихнюю* юрту всё рассматривал», «Одного якутского батыра звали Илин-Бэргэн *по-ихнему*...». Нерегулярные случаи касаются образования форм различных слов, например, ошибка в роде слова ведет к образованию ненормативной формы: «Раньше якутских и русских *именов*-то же не было». Ошибка в роде существительного приводит к рассогласованию в роде с прилагательным: «...насчѐт этих окаменевших посохов и *окаменевший лодку*, где-то на горах есть *окаменевший лодка*». В последнем примере вы видим еще и ошибку в образовании падежной формы: «лодку» вместо «лодки». Для речи исполнителя характерно употребление глагола «ложить»: «...и туда, и вместе ружья и так далее *ложит* и сжигает». Встречаются ошибки в выборе глагольных форм от одной основы: «...оттуда и *вышла* былина “Окаменевшие посохи”»; особенно часто это случается с глаголом «выйти», используемым вместо «пойти» в значении «произойти, возникнуть», а равно в значении движения. К этой же категории можно отнести форму «двухтысячная скала» в значении «двухтысячаметровая скала».

4. **Вариативность произношения отдельных слов.** В аудиозаписи встречается два варианта произношения одного и того же слова: «статуетка» и «статуэтка».

5. **Смешение разговорного и книжного стиля.** В рассказе исполнитель употребляет книжные слова и слова высокого стиля: маскировка, полководец, статуэтка, былина, экспедиция, армия.

6. **Опущение предлогов.** Во многих местах текста собирателем восстановлены предлоги, опущенные рассказчиком, но необходимые по правилам русского языка: «[На] его стреле уже кровь...», «... домой, [к] юрте...». При этом выбор падежа управляемого существительного обычно не расходится с правилами, выпадают только предлоги.

В отношении обработки текста мы старались всюду следовать рекомендациям В. Я. Проппа: «...осторожно проведенная замена некоторых или даже всех диалектальных особенностей произношения общерусскими произносительными нормами при соответствующей оговорке и мотивировке

для некоторых типов изданий вполне возможна без всякого ущерба для фольклористики. Наоборот, обработка особенностей словоизменения, словообразования и пр. недопустима. Вмешательство редактора в этих случаях представляло бы собой уже не только языковую, но и литературную правку и обработку. В большинстве случаев так называемая «литературная обработка» должна квалифицироваться как варварство, если речь идет об издании памятников народного творчества» [Пропп, 1956, с. 205]. Этот способ подачи русскоязычных текстов для русского читателя с успехом использован, например, в томе «Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных» [1993] (о применении данного принципа см.: [Там же, с. 49–50]). Конечно, в случае публикации текста на неродном для исполнителя языке строгое следование правилам текстологии затруднено; с другой стороны, издаваемые таким образом тексты могут служить для фиксации самых выразительных особенностей речи нерусских носителей русского языка на территории, где производилась запись, давая некоторый материал для лингвистов.

Содержательная сторона преданий требует отдельного изучения в сравнении с традиционными сюжетами несказочной прозы эвенков, эвенов и соседствующих с ним народов (якутов, юкагиров), а также с привлечением образцов хосунного эпоса.

Приемы подготовки и публикации текстов. Обработка текстов после расшифровки шла в несколько этапов. Сначала тексты были поделены на абзацы и **были пронумерованы все блоки текстов** (каждый абзац в данном случае считается блоком); это облегчает чтение и помогает найти комментарий к тому или иному блоку. В тексте «Кукуюр и дьаланкыр» таким образом семнадцать блоков, в тексте «Черная скала» – восемь.

Затем выявлены **лакуны**, возникшие из-за неразборчивого произношения исполнителя. Достоверно определить, что именно говорится в этом месте на записи, невозможно, поэтому неясные фрагменты в тексте опущены (такие места обозначены угловыми скобками с пометкой: <неразб.>). Если у автора расшифровки есть предположение, что именно звучит на записи, вариант расшифровки также представлен в угловых скобках.

В текстах **расставлены знаки препинания** по требованиям русской пунктуации и в соответствии с интонацией исполнителя (там, где это возможно).

Далее восстановлены по смыслу **несколько оговорок исполнителя**, верный вариант добавлен в квадратных скобках: []. Также в квадратных скобках помещены слова, добавленные собирателем для восполнения смысла текста.

В случаях, когда **слово на записи слышится отчетливо, но смысл фрагмента непонятен**, после такого фрагмента ставится знак вопроса в круглых скобках: (?).

Долгие паузы в речи исполнителя в первоначальной расшифровке были обозначены многоточиями, в итоговом варианте текстов они не обозначаются никак, поскольку не влияют на смысл рассказа.

Все **особенности грамматики** текстов сохранены без изменений; для удобства восприятия текста они выделены курсивом. **Отступления от нормативного ударения** обозначены знаками ударения. Никакие фонетические особенности речи исполнителя не передавались — это затруднило бы чтение.

Последний этап работы с текстами — **комментирование**. Тексты сопровождаются комментариями собирателя, составленными по объяснениям С. П. Васильева; часть сведений, использованных для комментирования, получена от других информантов, с которыми участники экспедиции работали в п. Улахан-Чистай. Комментируемые места в текстах обозначены астерисками: *. Комментарии после текстов идут в том же порядке, что и комментируемые фрагменты, в начале строки указывает номер блока, к которому относится комментарий.

Кукуюр и дьаланкыр

1 И что ещё хочу *рассказывать* — как роднились наши эвены. Кукуюны — это <неразб.> улахан-чистайских эвенов. Кукуюн. Это <Кукаха> по-якутски. У них вид красный, красные же. Поэтому здешние эвены — как будто кровь у них красная, не красная — белая, кожа белая, волосы светлые, глаза светло-карие. Здешние эвены такие. У них кожа белая, чуть *светлые*, и очень весёлые, быстрые, шустрые они, улахан-чистайские эвены, кукуюны.

2 А мой, где я родился, — это дьаланкыры. Там эвены тоже. Но у них кожа белая, а волосы чёрные. Волосы, глаза у них чёрные, и глаза широкие, как у оленя.

3 Раньше было давно-давно, вот такой рассказ был, я слышал. Эвены – это народ, который на оленях ездит и сам себя кормит и свою семью. Раньше стада не было ведь, кто как хочет, кто как мог, так ездил своей семьёй. Кочевал, на одном месте не жил он, везде жил он. Вот одна семья создалась – кукуюны. И пошли, парень пошёл охотиться, молодая жена осталась там, в своей юрте. Он где-то охотился, увидел семь этих оленей. Диких. И он туда идёт. Впереди идёт олень — манок* называется, идёт, [охотник] дёргает – он стоит, дёргает – он кушает, вот так. Манок (Как манщик? – вопрос собирателя). Как манщик, да. Идёт, идёт. Лук же был. Идёт, остановится – смотрит: с той стороны, где олени лежат, с той стороны тоже такой же манок есть. Значит, второй человек есть.

4 Он смотрит — два их. Идёт, идёт, те олени вскочили и скачут. Скачут, и четыре оленя сразу падают, и три остаются. Он их стреляет и убивает как будто. Идёт – оттуда идёт один человек, очень высокий, чёрный, и здоровается. Раньше здоровались копьями, вот так: чик, не руками*. Если копыя свежие – это хорошие отношения, без крови, без ничего. Поздоровались, давай обдирать *свои олени* которые. Этот наш кукуюнский парень обделал очень быстро как будто и кончил, своих оленей туда перегнал, и всё, ничего не оставляет. Смотрит – это уже давно кончил *свои* и смотрит на него. Потом идёт к нему попрощаться, тогда ведь как, разговаривает. [На] его стреле* уже кровь, значит, договор будет такой: будем биться. Кто победит, тот как будто, кто сильнее, выяснение.

5 Он расстроился. Короче, этих оленей привёз домой, [к] юрте, там жена молодая: «Чё такое? Что мрачный такой?» Он рассказывал: вот так, одного человека видел там, через три дня будем биться. Раньше *такая* обычай был: биться, кто победит, тот сильнее, тот забирает его оленей, жену и так далее.

6 Ладно, через три дня идёт. Он сказал, показал: на этом месте будем сражаться. Через три дня идёт – они уже пришли, вот эта семья. Пришли, только пришли, и начинают уже делать юрту. Давай они тоже быстро-быстро, чтобы быстрее, кто быстрее, тот лучше. Сделал юрту, смотрит – *ихняя* юрта уже дымит. «Что за быстрый человек», – думает.

7 Ладно, зашёл и самые лучшие места, подарки делает [даёт] жене: мясо, хорошие угощения отправляет им, [со] своей *жены* он отправил. Там у них, оказывается, ещё собака белая лежит, лаёт. [Жена] подошла около дверей и там положила, не зашла и слушает. Этот, который высокий чёрный, уже хвастает: я его всё равно *победу*, и будет так, и убью. И свой меч точит [о] камень: чук-чук. Она ушла и мужу рассказывает.

8 Ладно, через три дня никто не выходит, только жёны. Идут и разговаривают, и туда. Эти два мужика лежат. На третий день утром... Ночью этот наш кукуюнский своей жене говорит: «Давай притащи мои доспехи». Ладно, всё молчком, она принесла и легли. Ночью где-то, ночью он встал, оделся и ушёл. Туда пошёл, в *ихнюю* юрту. Без шума. Как раз они остановились около *наледя*, зимой же было, когда этот пар выходит – туман. Вместе с этим туманом он туда дошёл, на ходу убил сторожевую собаку и услышал, где он лежит. Слушал, слушал – вот женщина лежит. Дальше идёт – мужик. И его тх! И заходит – там уже пусто. Ударил один раз и вот так взял и вот так сделал*. И зашёл – уже пусто. Обрато выскакивает – а он там сидит: в *одней* руке лук, в *одней* руке меч. Чё такое? Уже сидит и говорит: «Оу, я погиб из-за *своей хвастунства*, недооценил тебя. Ладно, – говорит, – ты меня победил – ты меня только убей сразу, – он говорит. – Моя последняя просьба: выполни и убей». И его последняя просьба была вот такая.

9 Вот жена, его жена была беременная. Он говорит: «Тебе беременная жена не *надо*, пускай идёт на свою родину, ты отдай ей оленя и продуктов, чтоб дошла. И меня убей и сожги. И собирай... забирай* *мои олени*».

10 «Ладно», – говорит. Жена выскакивает, плачет, туда-сюда. Смотрит – очень красивая девушка, ну, не видная, ну она чего, чуть-чуть(?). Потом стреляет его. Он сказал: «Только один раз стреляй – в лоб». Сделал – не попал. Он выскакивает: «Как это так?» Второй раз, третий раз. «Ладно, – говорит, – лучше меня привяжи к дереву и стреляй».

11 Когда он ударил его, и когда вот так сделал, вот так сделалось, и в это время у него вот здесь сухожилия нету, нога болтается. Как это с двух, трёх метров не попадёт? – так думает. Ладно, его привязал и стрельнул. По обычаю сделал большой этот, как его, костёр, и туда, и вместе ружья* и так далее *ложит* и сжигает. Так, как обещал, так и сделал, *сжигал*, его жене отдал *ихнего* оленя, продукты и отправил. И сами уехали.

12 Чтоб следов не оставить, они ехали наледями, большими долинами, чтоб ветром сдуло дорогу*. Через некоторое время пошли куда-то, там юрту сделали, *со старых* этих, всё старое сделали, не новое, всё старое. И своих оленей выгнал, увёз куда-то и выгнал, и сам всё самый плохой топор взял, <неразб.> как будто дрова *делал* чтоб еле-еле. И там всё так сделал.

13 Где-то через месяц они сами *себе* маскируют. Он себе дерево, что ли, привязывал, чтоб хромым был, а жену туда-сюда заставлял мыться красками, как будто красками или как-то, они же умели делать. Коров, <неразб.> шкурки... краска получается, и моются*. Уже старые стали, маскировка как будто. Они так живут.

14 Через месяц или два идут два человека. Сперва вороны или лес шумят – думают, сидят в юрте. Он говорит: «Тихо, не показывайся, ходи медленно, уже нас уже сторожат». Так хромает и так далее. Через день два человека видно. Далеко видно, они идут с длинными посохами, <неразб.> следы ищут. Пришли и разговаривают: «Чё, откуда, кто такие?» Они уже смотрят: старик и старуха сидят, худые, [с] *оборванными одеждами*. Всё рассказывают. «Как вы здесь?» «Мы своего сына месяц назад потеряли и ждём *их* вместе с оленями». «Как потеряли?» «Ушёл и не вернулся. Мы ждём его в этом месте». А потом *спрашивали*: «Такого раньше здесь какого-то парня молодого не видели? Крепкий, шустрый *парня* с молодой женой». «Нет, – говорит, – мы их не видели».

15 Короче, они разговаривают, в дом зашли, чуть-чуть покушали, там остались. Всё старое ведь. И вышли, и свистнули — с гор идёт один человек на лыжах. Двое суток он там сидел. Это он *ихнюю* юрту всё рассматривал. Он идёт, и его спрашивают, как его там: «Это не они?» «Нет, это не они. Эта только ходит... бабушка еле ходит, старик хромым — это не они». «Ладно», – говорит, и они ушли.

16 Потом где-то родился... потом ушли, маскировку сняли как будто, в другую землю ходили, через несколько лет они вернулись. Вот у них родилась, у наших этих эвенов родилась дочка, красавица. Где-то через шестнадцать-семнадцать лет они вышли и приехали сюда. В Девкичане, там около Мраморной горы, там стоянка у них была. Там, они там жили.

17 Потом эта, которая оттуда ушла девушка, у неё родился сын, уже батыром стал. И пошёл искать *своих* отца *убийцов*. Хотел убивать <неразб.> Это был дьаланкыр, они с чёрными волосами, с чёрными глазами, высокие – дьаланкыры, рода дьаланкыр. С этой дочка была, с рода кукуюр. В один прекрасный день около водопада увидел эту, дьаланкыра парень увидел девушку, которая моется и смотрит статуетку. Эту статуетку делал его отец, он не знал же – бегущего оленя. *От* бивня мамонта как будто. Смотрит, и влюбился он и ушёл. Не нашёл так и... Зимой когда-то он делает тоже, такой же делал девушку, в руках статуетка оленя*. Мать смотрит и говорит: «Чё такое? Где это видел?» «Я это видел около Белой горы, ну, Мраморная гора, раньше звали Белая гора. Там есть водопад, около водопада мылась девочка». Вот эту девочку он сделал. Мать сидит и думает. Хоть рассказывала мать: «Отец твой вот такой был, вот такой был. Ты влюбился в эту девочку – ты иди и женись. И никогда между собой не ссорьтесь, не воюйте и так далее. Вот *его* [её] отец твоего отца и убил, потому что он, твой отец, его как будто недооценил, хотел его убить. А заранее он убил». Потом он приехал, и *женулись*. И оттуда появились мы — эти кукуюны и дьаланкыры, *ихних* этих родов.

Чёрная скала

1 Когда якуты сюда приехали, здешние эвены собрались вместе и хотели создать как будто армию – защищать. Здешние эвены, чукчи, юкагиры – основное здесь были юкагиры *земля*, эвенов было мало. И собрали: «Давай будем собирать войска свои, чтобы защищать как-то». И они собирались, в основном так, в большом числе наши, <неразб.> называется Улахан-Чистой, наша земля. В основном там летом собираются там люди, эти кочевые народы, и там праздники бывают у них, ысыах. По-якутски ысыах, но у них, как его, короче, собираются.

2 В это время там старейшины собирали, чтобы лучших парней, мужей там, чтоб войска делать, и сказали: «Чё будем, как мы будем защищаться?» Надо им, как его, *полководец*. «Давай полководца выберем сами». И они собрались, отдельно ушли от глаз детей и жён, в скалу. Выбирать надо было это, полководца. Собиралось где-то девятьюстами этих смельчаков. Ритуал был такой: скала была, почти *двухтысячная* скала. Сказали: когда солнце садилось, вот начинается, и они, кто должен, кто успел *выйти* там и очищать(?) свой меч, вот тот будет командующим как будто*.

3 Собрались там около девяноста этих парней, выбрали. Все хотят, почти одинаковы, все хотят начальниками быть. Давай, кто *выйдет*, тот будет начальником. Давай, так сказали и ушли в эту скалу, и давай, начали ритуал делать.

4 И *вышли* они, когда солнце садилось, давай. Где-то примерно где-то по нашим меркам часа два или три, когда солнце садится и выйдет. Или час, где-то так. Давай, *вышли*, к рассвету там *вышли* только два брата. Одного звали Илюн-Бэйкэн*, по-русски «Третий человек», если перевести, второго звали Дюгун-Хуркэн, это «Четвёртый ребёнок». Раньше якутских и русских *именов*-то же не было.

5 И они очищали свои мечи(?), остальные не успели. *Вышли-то вышли*, остальные не успели, многие сорвались и умерли там же. Вот скала, эта стена, скала стала *красным*. От крови этих парней. От тех, кто упал. Потом они свои посохи *насчёт* победы там оставили. Вот эти посохи потом, потом они окаменели, оттуда и *вышла* былина «Окаменевшие посохи». (В честь победы? – вопрос собирателя.) В честь победы.

6 Эти два брата, эвены эти с рода кукуюн. Кукуюны — значит улахан-чистайские эвены, которые живут среди *трёхтысячных* гор, вот <...> горы — это улахан-чистайские горы. Потом эта скала со временем почернела, потом её назвали Чёрная скала, потом там появились духи или как-то, потом они боялись, никому не рассказывали, никому не показывали. Где эта скала, никто не знает. Может, это пик Победы*, может быть, с той стороны. Там окаменевших посохов нету.

7 Это потом *от* этих парней, этих начальников они дрались-дрались с якутами, и их никто не победил. И они ушли. Потом эти батыры своих сыновей назвали в честь их *имени*, чтобы их сыновья были, как они, храбрыми и непобедимыми. Одного якутского батыра звали Илин-Бэргэн *по-ихнему*, они же не могут говорить Илин-бэйкэн, поэтому Илин-Бэргэн. [В] *ихнем* понимании «Восточный меткий стрелок». А второго — Дыгын-Дархан. Оттуда и *вышло* Дыгын-Дархан*. Может быть, такое отсюда и пошло название, имя Дыгын. Может быть, это по рассказам.

8 Как ещё... Эти, которые не успели, они остались простыми оленеводами, охотниками, но не начальниками, если война — воинами, но только не начальниками. Где эта скала, до сих пор никто не знает. Эту былинку написал когда-то первый эвенский писатель Николай Саввич Тарабукин и хотел создать экспедицию *насчёт* этих... скалу и посохов. Ещё Николай Саввич Тарабукин ещё писал эту, *насчёт* этих окаменевших посохов и *окаменевший* лодку, где-то на горах есть *окаменевший* лодка. Где-то, но никто не знает. Он хотел создать экспедицию и искать эти места. Может быть, эти места в наших районах, может быть, в других, это же грех показывать, страшно ведь, Чёрная скала, там духи появились и так далее. Поэтому эвены, суеверный народ, кругом ходили, туда не ходили. Надо было это искать, эту скалу или как-то.

Комментарии

Кукуюн и дьяланкыр

3 – манок — иногда в текстах такой ручной олень также называется «манчик», от рус. «манщик», т. е. тот, кто заманивает.

4 – не руками — по объяснениям исполнителя, при встрече эвены соприкасались наконечниками копий. Из текста можно понять, что, если наконечник был испачкан кровью, это означало вызов на поединок.

– На его стреле... – видимо, при прощании охотники соприкоснулись не копиями (которые так и остались чистыми), а стрелами, которыми убивали оленей (поэтому они в крови).

8 – вот так сделал — здесь исполнитель показал удар копьем сверху вниз.

9 – собирай... забирай — исполнитель сам исправил свою оговорку.

11 – ружья — ранее в тексте не говорилось, что у охотников были ружья, и впоследствии огнестрельное оружие не упоминается.

12 – дорогу — т. е. следы на снегу.

13 – моются — т. е. умывают лица особым составом, чтобы кожа стала темной, как у стариков.

17 – девушку, в руках статуэтка оленя — т. е. парень вырезал фигурку девушки, рассматривающей фигурку оленя.

Чёрная скала

2 – вот тот будет командующим как будто – из-за грамматических особенностей речи исполнителя не совсем ясно, в чем состоит состязание. Однако по пояснениям С. П. Васильева становится понятно, что воины лезли не *в* скалу, а *на* скалу: нужно было забраться на самый верх, оставить там свой посох и спуститься, прежде чем встанет солнце, т. е. до окончания ночи. Многие участники состязаний падали вниз и разбивались, отсюда и упоминание крови на скале.

4 – Илюн-Бэйкэн — далее исполнитель называет героя Илин-Бэйкэн.

6 – пик Победы – местные жители смешивают по названию гору Победа (высшую точку хр. Черского, высота 3003 м) и более известный пик Победы в Тянь-Шане. Здесь имеется в виду г. Победа.

7 – Дыгын-Дархан – якутский тойон Тыгын-Дархан, герой якутских исторических преданий.

Список литературы

Долгих О. Б. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во СО АН СССР, 1960. 662 с.

История и культура эвенков. Историко-этнографические очерки. СПб: Наука, 1997. 187 с.

Пропп В. Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1956. Т. 1. 346 с.

Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных / Сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 1993. 352 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

References

Dolgikh O. B. *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v 17 veke* [Lineage groups and tribes of Siberian peoples in the 17th century]. Moscow, SO AN SSSR Publ., 1960, 662 p. (In Russ.).

Istoriya i kul'tura evenov. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of Evens. Historical and ethnographical studies]. St. Petersburg, Nauka, 1997, 187 p. (In Russ.).

Propp V. Ya. *Tekstologicheskoe redaktirovanie zapisey fol'klora* [Textological edition of folklore recordings] In: *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian folklore. Materials and studies]. Moscow, Leningrad, 1956, vol. 1, 346 p. (In Russ.).

Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka: volshebnye i o zhivotnykh [Russian tales of Siberia and the Far East: Fairy tales and tales about animals]. R. P. Matveeva, T. G. Leonova (Comps). Novosibirsk, Nauka, 1993, 352 p. (Pamyatniki folklora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of Siberia and the Far East]). (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.01.2020

Сведения об авторе

Лиморенко Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: limorenko.yulia@yandex.ru

ORCID 0000-0001-8904-3629

Information about the Author

Yuliya V. Limorenko – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: limorenko.yulia@yandex.ru

ORCID 0000-0001-8904-3629

УДК 398.8(=512.157)
DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-71-84

**«Песня о сотворении Матери-Земли» в записи К. Г. Оросина:
к проблеме подготовки текстологического комментария в академическом издании**

Н. А. Оросина

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена проблеме подготовки текстологического комментария к рукописному тексту «Песни о сотворении Матери-Земли» в записи К. Г. Оросина для издания в томе «Якутские народные песни» академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В результате поэтапного анализа выявлены внешние и внутренние особенности оригинального текста. При подготовке к печати внимание акцентируется, прежде всего, на реконструкцию рукописного текста с устранением редакторских вмешательств. В целях объективной оценки изменения текста в эдиционной практике проведено текстологическое сличение разночтений между рукописным и опубликованными текстами песни.

Ключевые слова

фольклорная текстология, якутская народная песня, рукопись, эдиционная практика, редакция, текстологический комментарий

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, грант 18-412-140012 «Подготовка корпуса текстов тома “Якутские народные песни” академической двуязычной серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”».

Для цитирования

Оросина Н. А. «Песня о сотворении Матери-Земли» в записи К. Г. Оросина: к проблеме подготовки текстологического комментария в академическом издании // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 71–84. DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-71-84

**“The song of the creation of the Mother-Earth” recorded by K. G. Orosin: preparation of
textological comments in the academic publication**

N. A. Orosina

*Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North of the SB RAS, Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The article focuses on the textological analysis of “The song of the creation of the Mother-Earth” manuscript as recorded by K. G. Orosin, with edited variants also taken into consideration. The song is being prepared for the publication in the volume “Yakut Folk Songs” of the academic series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East.” The choice of this song for the analysis is due to the fact that all the stages of the creative process from a manuscript to published texts can be followed. The manuscript is characterized by multiple layers, represent-

© Н. А. Оросина, 2020

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

ing as it does an autograph in the form of fair copy with editor's alterations. This article is dedicated to reconstructing the original version without editorial changes. For an objective assessment of the text changes within the editing practice, we have made a textological interpretation of various readings in edited versions of the song. The song was published three times and republished once in different sources. Two main publications of the song were selected for the analysis. The first publication of 1912 is considered to be the first attempt to divide the straight text into verses. The second publication of 1947 is different in having the "improvements" of the text as a result of editing with a focus on conformity with literary norms. Thus, the textological comment was made to reconstruct the authentic text "The song of the creation of the Mother-Earth" recorded by K. G. Orosin and identify the alterations in edited and published texts.

Keywords

folklore textology, Yakut folk song, manuscript, edition practice, editing, textological commentary

Acknowledgements

The work was supported by the grant of RFBR (Russian Foundation for Basic Research) 18-412-140012 r-a "Preparation of the body of texts of the volume "Yakut Folk Songs" of the academic bilingual series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East".

For citation

Orosina N. A. "Pesnya o sotvorenii Materi-Zemli" v zapisi K. G. Orosina: k probleme podgotovki tekstologicheskogo kommentariya v akademicheskom izdanii ["The song of the creation of the Mother-Earth" recorded by K. G. Orosin: preparation of textological comments in the academic publication]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 71–84. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-71-84

В эдичионной практике проблема комментирования имеет собственное поле с определенными тенденциями и своеобразными интерпретациями. Подготовка различного рода комментариев имеет ряд принципов и приемов, которые с каждым опытом издания возобновляются и в ходе которого возникает ряд обсуждаемых вопросов.

В текстологии различают несколько видов комментариев. У каждого исследователя-филолога (фольклориста / литературоведа) классификация комментариев отображается по-разному в силу характера и особенностей изучаемых материалов. Например, в литературоведческих работах в основном придерживаются классификаций Б. В. Томашевского (7 видов), С. А. Рейсера (3 вида), Ю. М. Лотмана (2 вида) и т. д. В фольклористике комментарии классифицированы касательно перевода фольклорного текста на следующие типы: *историко-этнографический, филологический, фольклористический, текстологический, комплексный* (сочетание нескольких типов комментариев). Данную типологию можно применять и к комментированию реалий [Лиморенко, 2019, с. 66].

Исходя из того, что в настоящей статье затрагивается проблема подготовки текстологического комментария, у нас появилась возможность осмысления текстологических подходов и методов на фольклорном материале. Данный процесс работы не раз практиковался фольклористами. Такие приемы «микротекстологии», как конъектуры и emendatio (по Д. С. Лихачеву), выявление разночтений между базовым текстом и его вариациями на фольклорном материале, были успешно применены в подготовке тома «Алтайские героические сказания "Очи-Бала", "Кан-Алтын"» [1997]. Текстологические принципы и процедуры издания обобщены в одноименной статье В. М. Гацака и З. С. Казагачевой [Там же, с. 71–77]. Их совместная работа и впоследствии монографическое исследование З. С. Казагачевой [2002] высоко оценены редколлегией академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» как «первый опыт применения текстологических подходов на национальном материале» [Кузьмина, 2016, с. 9]. Отдельно следует отметить текстологическое исследование на материале шорского героического эпоса, проведенное Л. Н. Арбачаковой, которое внесло значительный вклад в развитие фольклорной текстологии в сибирском эпосоведении [Арбачакова, 2001].

Понятие текстологического комментария. В академических изданиях одной из основных частей является текстологический комментарий. В отличие от других видов комментариев он содержит сведения текстологического характера: историю создания текста, наличие рукописи (черновики, беловики) и публикаций.

Текстологический комментарий (библиографический, источниковедческий) информирует читателя, «где и когда произведение впервые напечатано, какие были основные перепечатки и какой текст (и по-

чему) взят в основу в данном издании <...>, сохранился ли автограф или авторитетная копия и где они находятся. В этой же части нередко сосредотачиваются сведения об основных различиях данного, избранного текста от других редакций <...> здесь же рассматриваются вопросы атрибуций» [Рейсер, 1970, с. 295]. Таким образом, в составлении текстологического комментария предельно важны сохранение рукописного текста (черновика / беловика), впоследствии именуемого основным текстом, и наличие опубликованных текстов. Присутствие дополнительных вариантов, отражающих редакторскую работу, примечаний, записок и т. д. дает возможность отслеживать ход творческого процесса.

Итак, нам предстоит рассмотреть составление текстологического комментария к наиболее известному в читательском и исследовательском кругах тексту песни – «Песни о сотворении Матери-Земли» («Сир Ийэ айыллыбыт ырыата») в записи К. Г. Оросина. В якутской песенной традиции песни о мироздании (содержащие мотив первотворения) занимают отдельное место и являются «оригинальным творением певцов, бытующим в народе издревле» [Эргис, 2008, с. 299]. Следует отметить, что мотив первотворения встречается в произведениях практически всех жанров якутского фольклора.

В Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН хранится 14 рукописных текстов по данной тематике, записанных в центральных, вилюйских и северных районах Якутии. Из них три песни «Аан дойду» («Изначальная песня»)¹, «Аан дойду айыллыбыт ырыата» («Песнь о создании изначальной страны»)², «Сир-халлаан үөскээбит ырыата» («Песнь о возникновении земли и неба»)³ изданы в первой части сборника «Якутские народные песни = Саха народнай ырыалара» [1976]. Данная часть называется «Песни о природе», песни в ней разделены на пять групп: «Мироздание», «Времена года», «Явления природы», «Родные места», «Растительный и животный мир». В этих песнях «отражается мирозерцание старинных якутов на происхождение земли и окружающей их природы» [Там же, с. 5].

«Песня о сотворении Матери-Земли» является одним из вариантов песен о мироздании. В данном произведении отображаются мифологические представления якутов о создании земли, ее поэтическое описание. Песня представляет собой интерпретацию человеком истории о сотворении Матери-Земли. Так как повествование ведется от перволичной формы (формы «я») наряду с описанием окружающей природы дается осмысление увиденного. Глагольная конструкция: деепричастие на -ан + форма 1-го л. *көрөн турдум* ('вглядываясь, стоял я') и ее аналогичные формы: *одуулаан көрөн турдум*; *өйдөөн-дьүүллэн көрөн турдум*; *өйдөөн-санаан көрөн турдум* ('внимательно вглядываясь, стоял я'), *өрө көрөн турдум* ('вглядываясь вверх, стоял я') – обозначают интеллектуальную деятельность субъекта и выступают в качестве показателей семантической составляющей текста песни.

Песня в полном объеме была опубликована трижды: в 1912 г. – в № 3 журнала «Саха сангата» («Голос якута»), в 1935 г. – в сборнике «АН СССР Академику Марру» и в 1947 г. – в сборнике «Саха фольклора» («Якутский фольклор»), подготовленном якутским народным писателем Д. К. Сивцевым–Суоруном Омоллоном. Песня также включена в три переиздания последнего сборника – в 1970, 1996 и 2006 гг.

В целях реконструкции творческого процесса мы провели текстологический комментарий поэтапно с применением классических текстологических подходов.

I этап – установление основного текста. В нашем случае намеренно выделен данный этап, так как в ранее подготовленных – в 1989 и 2012 гг. – рукописях тома «Якутские народные песни» в качестве основного текста был включен изданный в 1947 г. текст песни. К сведению отмечаем, что при упоминании «Песни о сотворении Матери-Земли» в читательском кругу в первую очередь возникала ассоциация с данным текстом.

В 2008 г. нами была обнаружена рукопись (автограф) песни, хранящаяся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее – СПФ АРАН), которая нами оценивается как основной текст.

¹ Зап. в 1860 г. И. А. Худяковым в г. Верхоянске. Опубл.: *Образцы народной литературы якутов*, издаваемые под редакцией Э. К. Пекарского: в 3 т. Петроград, 1907–1918. Т. 2: *Образцы народной литературы якутов*, собранные И. А. Худяковым. Ч. 1. Петроград, 1918. С. 209; *Верхоянский сборник*. Иркутск, 1890. Т. 1. Вып. 3. С. 20–21.

² Зап. со слов М. Н. Андросовой-Ионовой (70 лет) в 1938 г. Г. У. Эргисом в г. Москва. Опубл.: *Саха нуруотун айымньыта* (= Якутские народные произведения). Якутск, 1942. С. 90–97.

³ Зап. в 1927 г. в Таттинском районе. Материалы И. П. Сойконнена // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 6, ед. хр. 470, л. 123.

II этап – научное описание основного текста (рукописи). Автограф хранится в СПФ АРАН, фонд 202 (фонд Э. К. Пекарского), опись 1, единица хранения 122, листы 367–370 (см. Список архивных источников). Рукопись представляет собой беловую (перебеленную) самозапись (результат внутренней диктовки) с редакторскими правками, что подтверждает ее многослойность. Есть вероятность того, что был черновик, но он не сохранился. Помимо автографа также была обнаружена машинописная копия песни (Там же, л. 277–285).

Самозапись сделана грамотным якутом Константином Григорьевичем Оросиным (1859–1903), уроженцем I Игидейского наслега Ботурусского (ныне Таттинского – *Н. О.*) улуса Якутского округа. Он был известен в своем кругу как исполнитель народных песен, олонхосут и собиратель фольклора⁴. Дата записи: «3 февраля 1889 года», место записи не указано, но, возможно, это было место жительства фиксатора – I Игидейский наслег. В этом же наслеге им был записан текст якутского эпоса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», также являющийся самозаписью и относящийся к категории «многослойной» рукописи [Оросина, 2016, с. 158]. После записи он присылал тексты Э. К. Пекарскому в Петербург.

Песня находится в папке «Записи якутского фольклора», общее количество листов в папке составляет 389. Запись произведена на листах 367–370 формата А4 с обеих сторон. Отдельной обложки как таковой нет. Общее физическое состояние рукописи – неудовлетворительное, ветхое. В качестве инструмента самозаписи использованы чернила.

Песня записана в сплошной прозаической форме. Количество строк на листах колеблется от 26 до 32 (367 л. – 27 строк, 367 об. л., 368 л. – 26 строк, 368 об. л. – 31 строка, 369 л. – 29 строк, 369 об. л. – 26 строк, 370 л. – 27 строк, 370 об. л. – 12 строк и т.д.).

III этап – правильное прочтение рукописи. Д. С. Лихачев писал: «для того, чтобы изучить историю текста, необходимо его прочесть. <...> Обязательное условие правильного прочтения текста – хорошее знание языка эпохи. К сожалению, огромное количество неправильных прочтений в современных изданиях и исследованиях текстов происходит именно из-за плохого знания языка, на котором написано произведение. Одной начитанности в произведениях эпохи недостаточно: нужно не поверхностное понимание текста, а точное знание орфографических, морфологических синтаксических норм эпохи» [Лихачев, 2006, с. 31–32].

Текст песни написан на якутском языке с использованием миссионерской письменности – целенаправленной адаптивной орфографии, которая имела своей целью быстрое освоение якутского письма на основе «Краткой грамматики якутского языка», составленной протоиереем Д. Хитровым (1858 г.). При первом чтении рукописи внимание акцентируется на обозначении якутских букв и дифтонгов русскими буквами. Такая орфография применялась в дореволюционный период, это письменность, которая характеризуется «приспособлением для якутского письма церковнославянского и русского алфавитов без введения букв для обозначения специфических якутских звуков, непоследовательной и недостаточной выдержанностью орфографии и потому часто невразумительным слогом. Алфавит и система письма были приспособлены для изучения якутского языка миссионерами с целью распространения среди якутоязычного населения священных текстов, переведенных на якутский язык» [Васильева, 2013, с. 7].

П. А. Слепцовым отмечено, что Э. К. Пекарский, выступающий в качестве редактора текста «Песни о сотворении Матери-Земли», также представил проект по созданию якутского алфавита на основе алфавита О. Н. Бётлингга параллельно с проектом С. А. Новгородова [Слепцов, 2017, с. 68].

Таким образом, текст «Песни о сотворении Матери-Земли» был записан в дореволюционный период, когда якутская письменность функционировала на основе русского алфавита до принятия новгородовского алфавита в 1922 г.

IV этап – текстологическое изучение рукописного текста. Перейдем к текстологическому изучению рукописного текста с целью выявления его внешних и внутренних особенностей.

⁴ См.: Оросина Н. А. Фольклорные записи К. Г. Оросина (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Филологические исследования–2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках: Сб. статей по итогам II Всерос. науч. конф. (14–17 октября 2014 г.). Сыктывкар, 2014. С. 39–42.

IVa. Внешние особенности рукописного текста. Сюда относится общепринятая норма старинной орфографии, ее фонетико-графические, лексические и грамматические особенности.

Фонетико-графические особенности

Конечный «ъ» (ер). Данная буква (знак) подтверждает принадлежность текста к русской старинной орфографии. Этот знак не был принципиальным знаком, так как некоторые публикации выходили без него. Было много споров по его поводу.

В нашем тексте «ъ» стоит в конце текста после твердых согласных: *турдумъ* – турдум⁵ (‘встал’), *тоёнъ* – тойон (‘господин’), иногда как «ь»: *агысть* – агыс (‘восемь’), *силить* – силис (‘корень’) и т.д. Данная орфографическая норма лингвистами поясняется следующим образом: «в написаниях слов, кончавшихся на шипящий звук, абсолютного единства не было: в узусе существовала вариантность написаний с ером (“ъ”) и ерем (“ь”): *врачь* – *врачь*, *ужь* – *ужь* и т. п., хотя написания с конечным ерем после шипящих запрещались русскими грамматиками, кроме случаев прямопадежных форм существительных женского рода *ночь*, *дочь*, *рожь*, где всегда был ь, как и сейчас (но в род. пад. мн. ч. предписывалось писать ер: *тысячь*, *тучь*, *училищъ*)» [Греч, 1827, с. 461, 528] В нашем случае также не наблюдается четкого принципа использования «ъ» в силу авторских начертаний. Обнаружены примеры, когда «ъ» встречается в середине слова: *ильбиргястякъ* – илбиргэстээх (‘с ажурными цепочками’) и т.д.

Написание якутских букв и дифтонгов. В современном якутском языке используется алфавит на основе кириллицы, в котором наряду с русским алфавитом, имеются пять специальных букв: согласные Ъ ъ, Н н, Һ һ, гласные Ү ү, Ө ө; две комбинации: Дь дь, Нь нь и четыре дифтонга: Уо уо, Үө үө, Ыа ыа, Иэ иэ. В «Краткой грамматике якутского языка» Д. Хитрова указано, что в дореволюционное время «для правильного произношения и написания собственно якутских слов необходимо 25 главных звуков и букв, а также «ъ» и «ь». Продемонстрированы начертания каждой буквы [1858, с. 1]. Однако некоторые начертания букв алфавита Д. Хитрова не совпадают с рукописным написанием. Поэтому мы составили отдельную таблицу обозначений якутских букв и дифтонгов русскими буквами (табл. 1).

Таблица 1

**Обозначения якутских букв и дифтонгов в рукописи
«Песни о сотворении Матери-Земли» в записи К. Г. Оросина**

Якутские буквы / дифтонги	Старинная орфография	Современная орфография
Гласные		
ө как ё	<i>кёрёнъ</i>	<i>көрөн</i> (‘увидев’)
ү как ю	<i>юмёрюэнь</i>	<i>үмүөрүйэн</i> (‘скручиваясь вокруг кого / чего-либо’)
Согласные		
б как г	<i>маган</i>	<i>маҕан</i> (‘белый’)
һ как с	<i>быса</i>	<i>быһа</i> (‘прямо’)
н как н	<i>тонмот</i>	<i>тонмот</i> (‘незамерзающий’)
дь как ж или ч	<i>жагыль</i> <i>чарга</i>	<i>дьабыл</i> (‘пятнистый’) <i>дьарбаа</i> (‘узор, орнамент, нанесенный полосой на какое-либо изделие’)

⁵ Примеры из рукописи со старинной орфографией выделены курсивом. Слова в нормативной современной якутской орфографии даны обычным шрифтом.

Дифтонги		
<i>иэ</i> как <i>іэ</i> или <i>їэ</i>	<i>дїэки</i> <i>їэкситъ</i>	<i>диэки</i> (‘в сторону’) <i>Иэйиэхсит</i> (‘общее название богинь, покровительствующих людям, конному и рогатому скоту’)
<i>уө</i> как <i>ё</i> или <i>юё</i>	<i>тёсь</i> <i>кюёкъ</i>	<i>туөс</i> (‘грудь’) <i>күөх</i> (‘голубой / синий / зеленый’)
<i>ыа</i> как <i>ыэ</i> или <i>е</i>	<i>тыэль</i> <i>ыре</i>	<i>тыал</i> (‘ветер’) <i>ырыа</i> (‘песня’)
<i>уо</i> как <i>о</i>	<i>мора</i>	<i>муора</i> (‘море’)

Написание некоторых русских букв. В анализируемом тексте некоторые русские буквы заменены другими русскими буквами, вследствие чего якутские звуки полностью перешли на русский.

– «э» как «я / е»: как «я»: биллибэт – *биллибятъ* (‘неизвестный’), эрдэбэстэй – *эрдягястй* (о тереве: ‘достигший средне-большой величины’), эбэрдэлээх – *эбэрдялякъ* (‘приветливый’); как «е»: эриэхэлээн – *эрекяленъ* (‘собирая орехи’) и т. д.

– «х» как «к»: харахпынан – *харакпынанъ* (‘глазом’), салбырбастаах – *салбыргастакъ* (‘разукрашенный’), уруйдаах – *уруйдакъ* (‘благодатный’), амах – *амакъ* (‘тина’), тарбах – *тарбакъ* (‘палец’), муустаах – *мустакъ* (‘ледяной’) и т. д.

Обозначение долгих гласных. Автором долгие гласные обозначаются как краткие: одуулаан – *одуланъ* (‘вглядываясь’), эрбии – *эрби* (‘пила’), сылаас – *сылас* (‘теплый’), салаа – *сала* (‘ветвь’) или совмещаются с латинскими буквами: сиир – *сиур* (‘ест’), итии – *ити* (‘горячий’) и т. д.

Пропуск и замена буквы «й». «йэ» как «иэ»: иэнигийэн – *їэнигиэнъ* (‘проявляя душевный интерес’), дьигиийэн – *чигисиэнъ* (‘содрогаюсь’); «йаа» как «я»: куйаас – *куясъ* (‘жара, зной’), байбал – *байбалъ* (‘океан, море’); «йэ» как «е»: эргичийэр – *эргичиерь* (‘вертится, крутится’); «йы» как «и»: айыы – *аи* (‘общее название высших существ, олицетворяющих доброе начало’); «йо» как «ё»: тойон – *тоёнъ* (‘господин’); «йу» как «ю»: уйусхах – *уюсхахъ* (‘пугливый, беспокойный’).

Слова, написанные в фонетизированном виде: уоль – ол (‘тот, та, то’). На первый взгляд, под словом «уоль» подразумевается первичное значение этого слова «мальчик». Значение «тот, та, то» появляется только в рамках контекста. В рукописном написании можно воспринимать его как омоним слова уол ‘мальчик’.

Лексические особенности

Диалектные слова. Обнаружены черты диалекта в области фонетики (по классификации П. П. Барашкова), в частности, наличие ассимиляции согласных внутри основы: ааттыга – аартыга (‘дорога, перевал’). Такой говор наблюдается среди населения части Таттинского района (бывш. Ботурусского улуса – Н. О.).

Грамматические особенности

Написание удвоенных согласных. В якутском языке удвоение согласных на границе морфем получается: а) в результате стечения двух одинаковых согласных (сыл + лар > сыллар ‘годы’); б) в результате всех видов контактной ассимиляции согласных: прогрессивной (ат + лар > аттар ‘кони’), регрессивной (барар + лар > бараллар ‘идут’), взаимной (ат + ҕа > акка ‘коню’) [Грамматика..., 1982, с. 70]. В рукописи вместо удвоенных согласных встречаются следующие примеры:

А. 1) опущение парного одинакового согласного: диэкиттэн – *дїэкитянь* (‘со стороны’), диэбиттэр – *дїэбитярь* (‘сказали, говорили’);

2) написание без ассимилятивных форм: «пп» как «тб»: эппиттэр – *этбиттярь* (‘сказали, говорили’); «мм» как «нм»: тулаламмыт – *тулаланмытъ* (‘окруженный’), олохтоммут – *олохтонмутъ* (‘заселенный, установленный’); «чч» как «тч»: нуучча – *нутча* (‘русский’).

Б. Написание отдельных слов слитно. Междометные сочетания, состоящие из двух слогов и разделяющиеся дефисом, в рукописи написаны слитно: *эттай* (вм. *эт-тай*) – Аарт-тай!; *эржалы* (вместо *эр-дьаалы*) – Ар-дьаалы! Такие восклицания, выражающие удивление с оттенком бахвальства, часто встречаются в языке фольклора.

В. Написание собственных имен со строчной буквы: *аисыт* (вм. *Аисыт*) – Айыыһыт ('общее название богинь, покровительствующих увеличению потомства'), *арат* (вм. *Арат*) – Араат ('Араат море (в песнях и сказках), в котором есть край или подножье земли, и под западную сторону которого солнце, закатываясь, скрывается').

Г. Пунктуационные ошибки. Пропущен дефис в парных словах *өйдөн санань* (вм. *өйдөн-санань* – өйдөөн-санаан ('не забывая, храня в памяти')).

Конъектуры

При первом прочтении рукописи буква «н» отображается как якутская буква «*н*» из-за наличия крючкообразной дуги на правой стороне: *хотунь* (вм. *хотун*) – хотун ('госпожа'); *халлань* (вм. *халлан*) – халлаан ('небо'). При этом есть случаи, когда, наоборот, буква «*н*» передается как «*н*» (см. табл. 1). Такое правописание практиковалось в ранних записях и в некоторой степени продолжается до сих пор, так как буква «*н*» не всегда ставится в необходимых местах. Поэтому восстановление правильного чтения идет в связи с контекстом.

Это основные внешние особенности рукописей, которыми можно руководствоваться для правильного чтения и понимания контекста. При подготовке к печати на них в обязательном порядке даются ссылка и комментарий.

IVб. Внутренние особенности рукописного текста. К таким особенностям относятся *правки автора* и *правки редактора*, находящиеся внутри текста.

Правки автора. Правки автора в основном сделаны в целях устранения грамматических ошибок. Например, изначально написанное слово *уюксакаь* исправлено на *уюсхахь* – уйусхах ('пугливый, беспокойный'). Лишняя буква «*к*» во втором слоге и первая буква «*х*» в третьем слоге – вычеркнуты. В деепричастии *туһэн* гласная первого слога «*у*» исправлена на «*ю*»: *тюсянь* – туһэн ('падая, сваливаясь'). В изначально неправильном написании *туланмыть* добавлен недостающий слог «*ла*»: *тулаланмыть* – тулаламмыт ('окруженный').

Правки редактора. В рукописи обнаружены редакторские правки Э. К. Пекарского, написанные простым карандашом и карандашом красного цвета. Правки редактора в целом направлены на исправления букв старинного алфавита на буквы бётлингковского алфавита. Следует отметить, что «на основе алфавита, разработанного О. Н. Бётлингом, Э. К. Пекарский выработал определенную систему графических знаков для передачи на письме якутских букв согласно их произношению. Алфавит Э. К. Пекарского содержит 28 букв» [Васильева, 2013, с. 9]. Видимо, из-за такого принципа исправления редактора в целом носят соответствующий характер.

1. Исправление обозначений долгих гласных. При правке редактор долготу гласных отмечает черточкой сверху: *а̄, о̄, ӯ* и т. д., например: *алкань* испр. на *алга̄нь* – алџаан ('благословив'), *убуттан* испр. на *ӯбуттан* – уубуттан ('со сна'), *баттабыть* испр. на *батта̄быть* – баттаабыт ('давил, нажимал'), *хаман* испр. на *ха̄мань* – хаамаан ('шагая') и т. д.

2. Исправление букв согласно якутскому произношению: *харчи* испр. на *харчы* ('деньги'), *угоргута* испр. на *унуоргута* ('находящийся по ту сторону'), *эттякь* испр. на *эттяхь* – эттээх ('упитанный'), *арагасть* испр. на *арагась* – арагас ('желтый'), *магань* испр. на *мангань* – манган ('белый') и т. д.

3. Исправление букв согласно норме якутской орфографии: *оронмуттан* испр. на *ороммуттан* ('с кровати'), *уол* испр. на *оол* – ол ('тот, та, то'), *этчега* испр. на *иерчега* – иэччэбэ ('бедренный сустав, шарнир'), *арлы* испр. на *арылы* ('ясный, светлый') и т. д.

4. Добавление слов. В сравнении *анды сымытынь курдукь* ('подобно яйцу турпана') после слова *анды* ('турпан') добавлено уточняющее существительное *кусь* ('утка'): *анды кусь сымытынь курдукь* ('подобно яйцу *утки*-турпана'); в описании *тарды кёмюсь талактакь эбить, эрри кёмюсть ирчектякь эбить* ('с серебряным кустарником, с серебряным тальником') добавлен сравнительный компонент *курдук* ('подобный, похожий'): *тарды кёмюсь курдукь талактакь эбить, эрри кёмюсть кур-*

дукъ ирчектякъ эбитъ ('с кустарником, *подобным* серебряной проволоке, с тальником, *подобным* витому серебру') и т. д.

При подготовке рукописи к печати в местах с редакторскими правками также делается ссылка и дается комментарий. Исследование редакторских правок Э. К. Пекарского в фольклорных записях К. Г. Оросина в части сознательных изменений продолжается по настоящее время.

Из-за того, что вышеназванные внешние и внутренние особенности рукописи не учтены при подготовке к печати в опубликованных изданиях, произошло ошибочное прочтение авторского текста, в результате чего появились разночтения.

У этап изучения – текстологическое сличение рукописи с изданными текстами песни.

Как указано выше, для анализа избраны две публикации текста «Песни о сотворении Матери-Земли». Перед тем как приступить к сличению, отметим особенности каждого издания. Так, в издании песни в журнале «Саха сангата» («Голос якута») (далее – издание 1912 г., сокр. – изд. 1912 г.) осуществлена первая попытка разбивки прозаического текста на стихотворные строки [Голос якута, 1912, с. 6–16]. К сожалению, большинство разбивок сделаны некорректно. Кроме того, орфография не совсем стабильна. Такое замечание Э. К. Пекарского было обнаружено перед машинописной копией песни, где он выразил возмущение из-за издания песни в данном журнале без его ведома: «Песня» «собственноручно написана покойным К. Г. Оросиным <...> 3 февраля 1889 г. и была передана мною ныне покойному врачу-якуту П. Н. Сокольникову для перевода. От него, очевидно, песня эта попала в редакцию издававшегося в Якутске журнала «Саха сангата», в котором и напечатана (1912 г.; № 3), без моего ведома и разрешения, с массой опечаток и искажений. На запрос о самовольном издании редакцией журнала непринадлежащей ей рукописи ответа не было» (СПФ АРАН, ф. 202, оп. 1, ед. хр. 122, л. 277).

В сборнике «Саха фольклора» («Якутский фольклор») (далее – издание 1947 г., сокр. – изд. 1947 г.) разбивка «Песни о сотворении Матери-Земли» на стихотворные строки более упорядочена, в итоге насчитано 419 строк, однако наблюдается много изменений [Якутский фольклор, 1947, с. 258–270]. При издании в сборнике текст песни переведен на современный алфавит.

Разночтения слов можно разделить на два вида: сознательные и произвольные изменения.

1. Сознательные изменения произведены путем добавления слогов и связаны со стремлением улучшить текст. Нами выявлены разночтения в виде замен, добавлений, пропусков, перестановок. Приведенные примеры из рукописи и опубликованных текстов даются без каких-либо изменений, орфография и пунктуация сохранены (см. табл. 2, с. 81–82).

1а. **Замены.** Сопоставление с изданиями 1912 и 1947 гг. фрагмента рукописи (сокр. – Р.): *Їэкситъ* (1)⁶ хотунъ ильбиргэстакъ аттыга *арылынна* (2) айсыть хотунъ *салбыргастакъ* (3) аттыга арылынна ('Разукрашенный подвесками перевал богини *Иэйэксит* (1) хотун (госпожи) *открылся*, (2) *изукрашенный висюльками* (3) перевал богини айсыт хотун (госпожи) *открылся*'⁷)

(2) – обнаружена сознательная замена глагола первого предложения *арылынна* ('открылся') на другой глагол *тэлэлиннэ* ('раскрылся') в изд. 1947 г. в целях устранения тавтологии. В результате получилось: *Иэйэксит хотун илбиргэстээх аартыга тэлэлиннэ*; / *Айыыһыт хотун салбырҕастаах аартыга арылынна* ('Разукрашенный подвесками перевал богини *Иэйэксит хотун (госпожи) распахнулся*; / *Изукрашенный висюльками перевал богини Айсыт хотун (госпожи) открылся*);

(1) и (3) – собственное имя богини *Їэкситъ* (*Иэйэксит*) ('Иэйэксит') и имя прилагательное *салбыргастакъ* ('изукрашенный висюльками') в изд. 1912 г. из-за неправильного чтения искажены на слова с грамматическими ошибками: *Ijāxsit* (*Ийэксит*) вм. *Иэйэксит* и *салбырастāх* (*салбырастаах*) вм. *салбырҕастаах*. Такие примеры часто наблюдаются в изд. 1912 г. и относятся к произвольным изменениям (см. ниже).

1б. **Добавления.** В приведенных примерах на первый взгляд кажется, что в изначальных словах добавлены только слоги. На самом деле они повлияли на смысл предложения. В первом примере Р.: Уоль

⁶ Нумерация разночтений.

⁷ Переводы примеров на русский язык сделаны автором статьи; знаки препинания расставлены в соответствии с правилами русской пунктуации.

кёрёнъ турдакпына тусъ илинь **дѣки** (1) <...> эбирь жагыль былыть *Їнигиэнь* (2) тагыста ('Когда, вглядываясь, стоял **на** (1) восточную сторону <...> перисто-пятнистое облако, *накрывая*, (2) появилось');

(1) – в обоих изданиях к послелогу рукописи *дѣки* ('в сторону') добавлен аффикс исходного падежа *-ттан*: *дiäkitтән / диэкиттэн* ('со стороны'): Ол көрөн турдахпына, тус илiн *дiäkitтән* ('Когда, вглядываясь стоял, *с* восточной стороны ') (изд. 1912 г.) и Ол көрөн турдахпына – / Тус илiн *диэкиттэн* ('Когда, вглядываясь стоял – / *С* восточной стороны ') (изд. 1947 г.). Как видим, в обоих изданиях поменялось уточнение места появления объекта: *дѣки* ('в сторону') на *дiäkitтән* ('со стороны').

(2) – деепричастие в рукописи *Їнигиэнь* ('накрывая') из-за неправильного прочтения или «чтения по общему рисунку» в изд. 1912 г. превратилось в слово *ijäñigijän (ийэнигийэн)*, значение которого нигде не зафиксировано: *Äbir* джабыл былыт *ijäñigijän* тагыста ('перисто-пятнистое облако, <*накрывая*>, появилось').

Во втором примере Р.: Тогусть уонъ тогусть жёсёгёй **аи** ('Девяносто девять жёсёгёй **аи**') слово *аи* – айыы ('божество') при добавлении аффикса *-сыт* поменялось на: *ајысыт / айыыһыт (Айысыт (Айыыһыт))* – имя богини, покровительствующей увеличению потомства). В результате в обоих изданиях получилось: Тобус уон тобус Дјөсөгөј *ајысыт / Тобус уон тобус дьөһөгөй айыыһыт* ('Девяносто девять Джёсёгёй *айысыт*' / 'Девяносто девять джёсёгёй *айысыт*'), где под понятием *Джёсёгёй айысыт* подразумевается *Джёсёгёй айыы (Дьөһөгөй айыы)* – божество, покровительствующее конному скоту. По мифологическим представлениям якутов, *Джёсёгёй* и *Айысыт* – это имена разных божеств, которые в изданных вариантах представлены как одно целое.

1в. Замены и добавления. Обнаружены также примеры, где вышеназванные разночтения появляются одновременно. В предложении Р.: *Ўбуттанъ оронмуттанъ турдумъ* ('Со сна, с кровати *встал*') глагол *турдум* ('встал') в обоих изданиях заменен на деепричастие с аффиксом сказуемости (личным аффиксом I типа) *тураммын* ('встав'): *Ўбуттан ороммуттан тураммын* ('Со сна, с кровати *встав*') (изд. 1912 г.) и *Уубуттан уһуктаммын, / Ороммуттан тураммын (Проснувшись, / С кровати встав')* (изд. 1947 г.). В рамках замены в изд. 1947 г. редактором добавлено другое деепричастие с аффиксом сказуемости – *уһуктаммын* ('проснувшись') в целях улучшения стилистики текста.

1г. Пропуски. Встречаются примеры с пропуском не только отдельных слов, но и словосочетаний, представляющих половину предложения. Например, в предложении Р.: <...> уонъ харчи **оннунъ** сага уу харакпынанъ **утары кёрёнъ турдумъ!** ('Подобно *следам* десятикопеечной монеты водяными глазами⁸ **напротив вглядываясь, стоял я!**') пропущены не только имя существительное *оннунъ* ('след'), но и конец предложения *утары кёрёнъ турдумъ* ('напротив вглядываясь, стоял я'): Уон харчы (...) саҕа / Ў харахпынан (...) ('Подобно (...) десятикопеечным монетам / Водяными глазами (...)') (изд. 1912 г.) и Уон харчы (...) саҕа / Уу харахпынан (...) ('Подобно (...) десятикопеечным монетам / Водяными глазами (...)') (изд. 1947 г.), – в результате чего в обоих изданиях утеряна половина предложения и после этого последует уже другое предложение.

1д. Перестановки. В сравнительной конструкции Р.: *Эрдягэстэй уларымъ эрекалень сии олороръ тѣсюнь эбиринъ курдукъ* (1) *эярдялякъ илинь халланъ эгиэтинъ дѣгиттянь* (2) эбирь жагыль былыть *Їнигиэнь* тагыста ('*Похожее на пестроту груди грызущей орехи моей самки глухаря*, (1) *со стороны небосклона приветливого восточного неба* (2) перисто-пятнистое облако, *накрывая*, появилось')

(1) – в обоих изданиях наблюдается перестановка причастного оборота *эрекалень сии олороръ* ('грызущей орехи') с середины в начало предложения: *Ärdäbästaj ularym äriäxälän / St oloror tüösün äbirin kurduk, / Äbäräläx ilin xallän äñijätin däkitтән / Äbir* джабыл былыт *ijäñigijän* тагыста ('*Похожее на пестроту груди / Грызущей орехи моей самки глухаря, / Со стороны небосклона приветливого восточного неба / Перисто-пятнистое облако, накрывая, появилось*') (изд. 1912 г.) и *Эриэхэлээн сии олорор / Эрдэбэстэй уларым түөһүн эбирин курдук, / (...) / Эбир джабыл былыт / Иэнигийэн тагыста ('Похожее на пестроту груди / Моей самки глухаря, грызущей орехи, /*

⁸ «Водяные глаза» – имеется в виду мягкий, нежный взгляд. Хотя в якутском тексте дано слово «глаз», в единственном числе, исполнитель имел в виду оба глаза. Поэтому в переводе мы дали как «глаза». В фольклорных текстах много таких примеров.

(...) / Перисто-пятнистое облако, / Накрывающая, появилось') (изд. 1947 г.). В данной конструкции появление перисто-пятнистого облака сравнивается с пестротой груди самки глухаря, грызущей орехи. В примере изд. 1947 г. мы видим упорядоченный вариант предложения путем перестановки.

(2) – несмотря на перестановку, в изд. 1947 г. утеряна часть предложения рукописи *Эгярдялякь илинь халлань эгизтинь д'эгиттянь* ('Со стороны небосклона приветливого восточного неба'), в котором при публикации в изд. 1912 г. слово *эгизтинь* видоизменено на *әңіјәтін* (*эңийэтин*), хотя значение у них практически одинаковое 'небосклон, край неба' (при переводе учтено слово, к которому относится данное слово): *Абярдәләх иһн халлән әңіјәтін дәкиттән* ('Со стороны небосклона приветливого восточного неба'). Данное явление относится к пропускам. Таких случаев – где в одном предложении одновременно могут быть обнаружены несколько видов разночтений – немало.

2. Произвольные изменения образованы в результате ошибочного прочтения слов (см. табл. 2, с. 81–82). Ошибочное прочтение в текстологии по-другому еще называют «чтением слов по общему рисунку». Сопоставим с изданиями пример из Р.: *Мустакь мора тулурданмыть* (1) *эбить, хара байягаль* (2) *сындыстанмыть эбить* ('**обзавелась подпорою** (1) в виде Ледовитого моря, ровнями для нее (для земли) послужило Черное море'⁹) (2)).

(1) – глагол *тулурданмыть* (букв. 'стал выносливым') в одном издании преобразился в *дурдулламмыт* (неправильное написание слова 'ограждался'): *Мустах муора дурдулламмыт эбит* (изд. 1912 г.), в другом издании в *дурдаламмыт* ('ограждался'): *Муустаах муора дурдаламмыт эбит* (изд. 1947 г.) (в обоих случаях перевод: '**ограждался** в виде Ледовитого моря, ровнями для нее (для земли) послужило Черное море').

(2) – существительное *байягаль* ('море, океан') в изд. 1947 г. видоизменился на *байхал*. Значение не поменялось, отличается только правописание на фонетическом уровне.

Во втором примере Р.: Тогусть уонь тонгусть кумаць юрець буолань *кюгюнянь кюйгөрөнъ* киреньярь ('Девяносто девять песчаных речек, воссоединившись, *бушуя*, проникали') парные слова *кюгюнянь кюйгөрөнъ* (*күгүнэн күйгөрэн*) ('бушуя') в обоих изданиях претерпели изменение на уровне сочетания звуков: *күбүнән, көйгөрән* (*кузунэн, көйгөрэн*) (изд. 1912 г.) и *көбүнэн, көйгөрэн* (изд. 1947 г.) (в обоих случаях перевод: '**бушуя**'). Дефис между ними пропущен во всех трех текстах. Перевод в целом не изменился, но в результате видоизменения на фонетическом уровне получились непонятные слова в изданных текстах.

В результате текстологического анализа разночтений следует отметить, что при подготовке к печати в обоих изданиях не было уделено должного внимания особенностям рукописи. В издании 1912 г. многие слова прочтены «по общему рисунку» и написаны с ошибками, которые искажают смысл предложений и путают контекст. В издании 1947 г. много добавлений и замен слов, в результате чего фольклорный текст был заметно «улучшен» в соответствии с литературной нормой.

Таким образом, при пятиэтапном проведении текстологического исследования установлен основной текст, выявлены внешние и внутренние особенности рукописи «Песни о сотворении Матери-Земли» в записи К. Г. Оросина, способствующие правильному чтению оригинального текста. Текстологическое изучение рукописи и сопоставительное сличение с изданными вариантами не только характеризовали состояние текста в каждом источнике, но и с выявлением разночтений, образованных путем сознательных и произвольных изменений, дали возможность провести наблюдения над переработанным текстом, получившимся в результате редакторских вмешательств.

Реконструкция аутентичного текста песни в томе «Якутские народные песни» будет осуществляться в максимальном соответствии с изначальным рукописным текстом, с устранением перечисленных искажений из предыдущих изданий. Обязательное наличие в томах серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» статьи «Сведения о текстах и принципах их публикации» дает возможность полно осветить текстологическую работу, проведенную с публикуемыми образцами.

⁹ Перевод Э. К. Пекарского.

**Результаты текстологического сличения рукописи
«Песни о сотворении Матери-Земли» в записи К. Г. Оросина
с ее изданными вариантами**

Рукопись	Издание 1912 г.	Издание 1947 г.
1. Сознательные изменения		
<i>1а. Замены</i>		
<p><i>Їэкситъ</i> (1) хотунъ ильбиргястякъ атгыга <i>арылынна</i> (2) айсытъ хотунъ <i>салбыргастакъ</i> (3) атгыга арылынна (с. 367).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Разукрашенный подвесками перевал богини <i>Їэйэксит</i> (1) хотун (госпожи) <i>открылся</i>, (2) <i>изукрашенный висюльками</i> (3) перевал богини айсытъ хотун (госпожи) открылся’</p>	<p><i>Їя́хсит</i> (1) хотун илбиргаста́х артыга <i>арылынна</i>; (2) А́йсытъ хотун <i>салбыраста́х</i> (3) артыга арылынна (с. 6).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Разукрашенный подвесками перевал богини <i>Їйя́хсит</i> (1) хотун (госпожи) <i>открылся</i>; (2) <i>Изукрашенный висюльками</i> (3) перевал богини Айысытъ хотун (госпожи) открылся’</p>	<p><i>Їэйэксит</i> (1) хотун Илбиргэстээх аартыга <i>Тэлэлиннэ</i>; (2) Айыыһыт хотун <i>Салбырҕастаах</i> (3) аартыга Арылынна (с. 259).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Разукрашенный подвесками перевал Богини <i>Їэйэксит</i> (1) хотун (госпожи) <i>Распахнулся</i>; (2) <i>Изукрашенный висюльками</i> (3) перевал Богини Айысытъ хотун (госпожи) Открылся’</p>
<i>1б. Добавления</i>		
<p>{У}[О]ль кёрёнъ турда[к]{х}пына тусь илинь <i>дэ́ки</i> (1) <...> эбиръ жагыль былытъ <i>Їэнигиэнь</i> (2) тагыста (с. 367).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Когда, взглядываясь, стоял – <i>на</i> (1) восточную сторону <...> перисто-пятнистое облако, <i>накрывая</i>, (2) появилось’</p>	<p>Ол көрөн турдахпына, тус илин <i>дйя́киттэ́н</i> (1) <...> А́бир джабыл былыт <i>йя́Ниги́ян</i> (2) тагыста (с. 6).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Когда, взглядываясь, стоял, <i>с</i> (1) восточной стороны <...> Перисто-пятнистое облако, <i>накрывая</i>, (2) появилось’</p>	<p>Ол көрөн турдахпына – Тус илин <i>диэ́киттэ́н</i> (1) <...> Эбир джабыл былыт <i>Иэнигийэ́н</i> (2) тагыста (с. 258).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Когда, взглядываясь, стоял – <i>С</i> (1) восточной стороны <...> Перисто-пятнистое облако, <i>Накрывая</i>, (2) появилось’</p>
<p>Тогус[т]ь{ъ} уонъ, тогустъ жёсёгёй <i>аи</i> (с. 367).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Девяносто девять жёсёгёй <i>аи</i>’</p>	<p>То́бус уон то́бус Дјөсөгөј <i>а́йысыт</i> (с. 6).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Девяносто девять Джёсёгёй <i>айысыт</i>’</p>	<p>То́бус уон то́бус дьөһөгөй <i>айыыһыт</i> (с. 259).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Девяносто девять джёсёгёй <i>айысыт</i>’</p>
<i>1в. Замена и добавление слов</i>		
<p>Ўбуттанъ оро[н]{м}¹⁰муттанъ <i>турдумъ</i> (с. 367).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Со сна, с кровати <i>встал</i>’</p>	<p>Ўбуттан ороммуттан <i>тураммын</i> (с. 6).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Со сна, с кровати <i>встав</i>’</p>	<p>Уубуттан <i>уһуктаммын</i>, Ороммуттан <i>тураммын</i> (с. 258).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘<i>Проснувшись</i>, С кровати <i>встав</i>’</p>
<i>1г. Пропуски</i>		
<p><...> уонъ харч[и]{ы} <i>оннуъ</i> сага у[у]{ү} харакпынанъ <i>утары кёрёнъ турдумъ!</i> (с. 367).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Подобно <i>следам</i> десятикопее-</p>	<p>Уон харчы (...) саға Ў харахпынан (...) (с. 6).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Подобно (...) десятикопеечным монетам</p>	<p>Уон харчы (...) саға Уу харахпынан (...) (с. 258).</p> <p><u>Перевод:</u> ‘Подобно (...) десятикопеечным мо-</p>

¹⁰ [] – изначальное написание автора; {} – правка редактора.

ечной монеты водяными глазами <i>напротив</i> <i>вглядываясь</i> , <i>стоял я!</i>	Водяными глазами (...)	нетам Водяными глазами (...)
1д. Перестановки		
<i>Эрдягэстэй уларым эрежялень сии озорор тэсюнь эбиринь курдук</i> (1) эжардяляк илинь халлань эгизтинь дэгиттянь (2) эбирь жагыль былгыть Ёнигиэнь тагыста (с. 367). <i>Перевод:</i> <i>'Похожее на пестроту груди грызуцей орехи моей самки глухаря,</i> (1) <i>со стороны небосклона приветливого восточного неба</i> (2) <i>перисто-пятнистое облако, накрывая, появилось'</i>	<i>Ардэйтэй уларым ариэхэлэн Ст озорор тудсун айрин курдук,</i> (1) <i>Абардэлэх илин халлан анижатин дайкитян</i> (2) <i>Абир джабыл былгыт ижэнигиэнь тагыста</i> (с. 6). <i>Перевод:</i> <i>'Похожее на пестроту груди Грызуцей орехи моей самки глухаря,</i> (1) <i>со стороны небосклона приветливого восточного неба</i> (2) <i>Перисто-пятнистое облако, накрывая, появилось'</i>	<i>Эриэхэлэн сии озорор Эрдэбэстэй уларым</i> түөһүн эбирин курдук, (1) (...) (2) <i>Эбир джабыл былгыт</i> <i>Иэнигийэн тагыста</i> (с. 258). <i>Перевод:</i> <i>'Похожее на пестроту груди Моей самки глухаря, грызуцей орехи</i> (1) (...) (2) <i>Перисто-пятнистое облако, Накрывая, появилось'</i>
2. Произвольные изменения		
Мустаць мора <i>тулурдагмыть</i> (1) эбить, хара <i>байягалъ</i> (2) сындыстангмыть эбить (с. 367 об.). <i>Перевод:</i> <i>'Обзавелась подпорою</i> (1) <i>в виде Ледовитого моря, ровнями для нее (для земли) послужило Черное море'</i> ¹¹ (2)	Мустах муора <i>дурдулламмыт</i> (1) эбит, Хара <i>байбал</i> (2) сындыстамыт эбит (с. 7). <i>Перевод:</i> <i>'Ограждался</i> (1) <i>в виде Ледовитого моря, ровнями для нее (для земли) послужило Черное море'</i> (2)	Муустаах муора <i>дурдаламмыт</i> (1) эбит, Хара <i>байхал</i> (2) сындыстаммыт эбит (с. 260). <i>Перевод:</i> <i>'Ограждался</i> (1) <i>в виде Ледовитого моря, ровнями для нее (для земли) послужило Черное море'</i> (2)
Тогусть уонь тонусть кумаць юрекъ буолань <i>кюгюнянь кюггөрөнъ</i> киреннярь (с. 367) <i>Перевод:</i> <i>'Девяносто девять песчаных речек, воссоединившись, бушуя, проникали'</i>	Тобус уон тобус кумах урэх буолан <i>Кюбунан, кюггөрэн</i> кирэннар (с. 6) <i>Перевод:</i> <i>'Девяносто девять песчаных речек, воссоединившись, бушуя, проникали'</i>	Тобус уон тобус кумах урэх буолан <i>Көбүнэн, көйгүөрэн</i> киэрэннэр (с. 259) <i>Перевод:</i> <i>'Девяносто девять песчаных речек, воссоединившись, бушуя, проникали'</i>

Список сокращений

букв. – буквально
 бывш. – бывший
 вм. – вместо
 зап. – записан
 испр. – исправлен
 об. – оборот
 см. – смотрите
 сокр. – сокращенно

Список литературы

Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. 668 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).
Арбачакова Л. Н. Текстология шорского героического эпоса: (На примере материалов Н. П. Дыренковой и А. И. Чудоякова). Новосибирск: Наука, 2001. 160 с.

¹¹ Перевод Э. К. Пекарского.

- Васильева Н. М. Становление и развитие якутской орфографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2013. 21 с.
- Голос якута (= Саха сангата). Якутск, 1912. № 3. С. 6–16. (На якут. яз.).
- Грамматика современного якутского литературного языка / Редколлегия: Е. И. Коркина, Е. И. Убрятова (отв. ред.), Л. Н. Харитонов, Н. Е. Петров. М.: Наука, 1982. 496 с.
- Греч Н. И. Практическая русская грамматика. СПб.: Типография Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома, 1827. 588 с.
- Казагачева З. С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск, 2002. 348 с.
- Краткая грамматика якутского языка, составленная Д. Хитровым. М., 1858. 137 с.
- Кузьмина Е. Н. Текстология алтайского эпоса (к 85-летию З. С. Казагачевой) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (31). С. 5–10.
- Лиморенко Ю. В. Реалии и комментарии к ним в научных переводах эпических сказаний // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Сер. Эпосоведение. 2019. № 3 (15). С. 66–77.
- Лихачев Д. С. Текстология: краткий очерк / Отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 2006. 175 с.
- Оросина Н. А. «Многослойные» рукописи дореволюционных текстов якутского эпоса олонхо: некоторые вопросы методики текстологического описания (на примере рукописи олонхо «Нюргун Боотур Стремительный») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-1 (57). С. 156–159.
- Перцов Н. В. Лингвистика, поэтика, текстология: Избранные статьи. М.: Языки славянской культуры, 2015. 696 с., ил.
- Рейсер С. А. Палеография и текстология. М.: Просвещение, 1970. 336 с., ил.
- Слепцов П. А. С. А. Новгородов – создатель массовой якутской письменности, первый ученый-лингвист // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 1 (18). С. 65–70.
- Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору / Отв. ред. В. Гусев; отв. за переизд. В. М. Никифоров. Якутск: Бичик, 2008. 400 с.
- Якутские народные песни (= Саха народнай ырыалара) / Сост. Г. У. Эргис, Н. В. Емельянов и др. Якутск: Кн. изд-во, 1976. 232 с. (На якут. и рус. яз.).
- Якутский фольклор (= Саха фольклора): Хрестоматия / Сост. Д. К. Сивцев. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. 362 с. (На якут. яз.).

Список архивных источников

Записи якутского фольклора // Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 202, оп. 1, ед. хр. 122. 389 л.

References

- Altayskie geroicheskie skazaniya: Ochi-Bala. Kan-Altyn* [Altai heroic epos. Ochi-Bala. Kan-Altyn]. Novosibirsk, 1997, 668 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the Peoples of Siberia and Far East], vol. 15). (In Russ.).
- Arbachakova L. N. *Tekstologiya shorskogo geroicheskogo eposa: (Na primere materialov N. P. Dyrenkovoy i A. I. Chudoyakova)* [Textology of the Shor heroic epos: (Based on the materials of N. P. Dyrenkova and A. I. Chudoyakov)]. Novosibirsk, Nauka, 2001, 160 p. (In Russ.).
- Ergis G. U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Studies on Yakut folklore]. Yakutsk, Bichik Publ. House, 2008, 400 p. (In Russ.).
- Golos yakyta (Sakha sanata)* [The voice of a Yakut]. Yakutsk, 1912, no. 3, pp. 6–16. (In Yakut).
- Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Yakut literary language]. E. I. Korkina, E. I. Ubryatova (Eds in Ch.), L. N. Kharitonov, N. E. Petrov (Eds). Moscow, Nauka, 1982, 496 p. (In Russ.).
- Grech N. I. *Prakticheskaya russkaya grammatika* [Practical Russian grammar]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskogo St. Peterburgskogo vospitatel'nogo doma, 1827, 588 p. (In Russ.).
- Kazagacheva Z. S. *Altayskie geroicheskie skazaniya "Ochi-Bala", "Kan-Altyn" (Aspekty tekstologii i perevoda)* [Altai heroic epos. "Ochi-Bala", "Kan-Altyn" (Aspects of textology and translation)]. Gorno-Altaysk, 2002, 348 p. (In Russ.).

Kratkaya grammatika yakutskogo yazyka, sostavlenaya D. Khitrovym [A concise grammar of the Yakut language, compiled by D. Khitrov]. Moscow, 1858, 137 p. (In Russ.).

Kuz'mina E. N. *Tekstologiya altayskogo eposa (k 85-letiyu Z. S. Kazagachevoy)* [Textology of the Altai epos (to the 85th anniversary of Z. S. Kazagacheva)]. *The languages and folklore of Indigenous People of Siberia*. 2016, no. 2 (31), pp. 5–10. (In Russ.).

Likhachev D. S. *Tekstologiya: kratkiy ocherk* [Textology: a concise study]. Moscow, Nauka, 2006, 175 p. (In Russ.).

Limorenko Yu. V. *Realii i kommentarii k nim v nauchnykh perevodakh epicheskikh skazaniy* [Realia and commentary on them in academic translations of heroic epics]. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic studies"*. 2019, no. 3 (15), pp. 66–77. (In Russ.).

Orosina N. A. "Mnogosloynnye" rukopisi dorevolutsionnykh tekstov yakutskogo eposa olonkho: nekotorye voprosy metodiki tekstologicheskogo opisaniya (na primere rukopisi olonkho "Nyurgun Bootur Stremitel'nyy") [Pre-revolutionary "multilayer" manuscripts of the Yakut epos olonkho: on the methodology of textual description (by the example of the olonkho manuscript "Nyurgun Bootur the Swift" by K. G. Orosin)]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 3–1 (57), pp. 156–159. (In Russ.).

Pertsov N. V. *Lingvistika, poetika, tekstologiya: Izbrannye stat'i* [Linguistics, poetics, textology: Selected art.]. Moscow, LRC Publ. House, 2015, 696 p. (In Russ.).

Reyser S. A. *Paleografiya i tekstologiya* [Paleography and textology]. Moscow, Prosveshchenie, 1970, 336 p. (In Russ.).

Sleptsov P. A. S. A. *Novgorodov – sozdatel' massovoy yakutskoy pis'mennosti, pervyy uchenyy-lingvist* [S. A. Novgorodov – the creator of the Yakut mass literature, the first scientist-linguist]. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2017, no. 1 (18), pp. 65–70. (In Russ.).

Vasil'eva N. M. *Stanovlenie i razvitie yakutskoy orfografii* [Formation and development of the Yakut spelling]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Yakutsk, 2013, 21 p. (In Russ.).

Yakutskie narodnye pesni (Sakha narodnay yryalara) [Yakut folk songs]. G. U. Ergis, N. V. Emel'yanov et al. (Comps). Yakutsk, Yakut book publ., 1976, 232 p. (In Yakut, in Russ.).

Yakutskiy fol'klor (Sakha fol'klora): Khrestomatiya [Yakut folklore: Reading book]. D. K. Sivtsev (Comp.). Yakutsk, Gosizdat YaASSR, 1947, 362 p. (In Yakut, in Russ.).

List of archival sources

Zapisi yakutskogo fol'klora [Records of Yakut folklore]. In: *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva RAN, f. 202, op. 1, ed. khr. 122, 389 l.* [The archive of the Russian Academy of Sciences St. Petersburg branch, fund 202, inventory 1, item number 122, sheet 389]. (In Yakut).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
15.05.2020*

Сведения об авторе

Оросина Надежда Анатольевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия)

E-mail: onadya88@mail.ru

ORCID 0000-0003-0712-3049

Information about the Author

Nadezhda A. Orosina – Candidate of Philology, Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)

E-mail: onadya88@mail.ru

ORCID 0000-0003-0712-3049

ЛИНГВИСТИКА

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

УДК 811.512.151 + 811.512.153:81'373.47
DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-85-99

Вторичные значения глагола *чык= ~ сых=* ‘выходить’ в тюркских языках Южной Сибири и кыпчакских языках

Е. В. Тюнтешева, О. Ю. Шагдурова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена описанию семантической структуры одного из самых многозначных глаголов движения в тюркских языках – глагола *чык= ~ сых=* и его тувинского аналога *ун=*. Вторичные значения данных глаголов в тюркских языках Южной Сибири (алтайском, хакасском, тувинском) анализируются в сравнении с кыпчакскими языками. Исследование показало значительное сходство значений этого глагола в разных тюркских языках. Наряду с этим у *чык= ~ сых=* выявляется разная сочетаемость в рассматриваемых языках. Семантика лексем *чык= ~ сых=* и *ун=* отражает элементы пространственно-временной картины мира тюрков. Эти глаголы совмещают в своей семантической структуре значения, описывающие разную векторную направленность, а также действия, происходящие на разных пространственно-временных отрезках, в том числе противоположных.

Ключевые слова

тюркские языки Южной Сибири, кыпчакские языки, глаголы движения, лексическое значение, семантика, многозначность

Для цитирования

Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю. Вторичные значения глагола *чык= ~ сых=* ‘выходить’ в тюркских языках Южной Сибири и кыпчакских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 85–99. DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-85-99

© Е. В. Тюнтешева, О. Ю. Шагдурова, 2020

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

Secondary meanings of the Verb *čiq= ~ sïx=* ‘to go out, to leave’ in Southern Siberian Turkic languages and Kipchak languages

E. V. Tyuntешеva, O. Ju. Shagdurova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article describes the semantic structure of one of the most polysemantic motion verbs in Turkic languages, namely the verb *čiq= ~ sïx=* and the correlating Tuvan verb *ün=*. The secondary meanings of these verbs in Southern Siberian Turkic languages (Altai, Khakas, Tuvan) are analyzed in comparison with Kipchak languages. The verb *čiq= ~ sïx=* has been actively developing its meaning since it was fixed in the ancient Turkic monuments. This verb was found to possess similar meanings in various Turkic languages. At the same time, *čiq= ~ sïx=* is combined with different words in these languages. Regional values or values specific to specific languages are also detected. The languages under consideration are divided according to the action values expressed by constructions with the verb *čiq=* and its analogs: the beginning in the Turkic languages of Siberia and the completion, exhaustion of action in non-Siberian languages. It may be a manifestation of Mongolian influence on the Siberian languages, since the semantics of initialization is characteristic of the Mongolian *gar=*, the semantic structure of which is almost similar to the Turkic *čiq=* and *ün=*. The secondary meanings of the verb considered reflect the representations of linguistic groups associated with such concepts as top / bottom, previous / subsequent (in time). The semantics of *čiq= ~ sïx=* and *ün=* reflects the spatial-temporal aspect of the Turkic world view. These verbs combine the meanings of various vectors of direction (horizontally and vertically), as well as motions taking place on various spatial-temporal intervals, including the opposite ones: the manifestation of an object / the beginning of an action (to appear / to begin; to begin, to start some activity); the action during some space-time interval (to overcome any space / to overcome any period; to happen, to occur); the disappearance of an object / the completion of an action (to disappear / to come to an end; to finish, to complete some activity).

Keywords

Southern Siberian Turkic languages, Kipchak languages, motion verbs, lexical meanings, semantics, polysemantics

For citation

Shagdurova O. Ju., E. V. Tyuntешеva. Vtorichnye znacheniya glagola *čiq= ~ sïx=* ‘vykhodit’ v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri i kypchakskikh yazykakh [Secondary meanings of the Verb *chyk= ~ sykh=* ‘to go out, to leave’ in Southern Siberian Turkic languages and Kipchak languages]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 85–99. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-85-99

Глагол *чык= ~ сых=* ‘выходить’ входит в лексико-семантическую группу глаголов движения и является одним из самых многозначных глаголов в тюркских языках.

В тюркологии, в частности при изучении сибирских языков, глаголы движения рассматривались как члены определенных лексико-семантических групп (глаголы бытия, движения и перемещения) [Тенишев, 1961; Дмитриев, 1962; Васильева; Псянчин, 1990; Чугунекова, 1998, 2016; Усманова, 2002; Барыс-Хоо, 2006б], как предикаты синтаксических моделей [Невская, 2005] и компоненты грамматических конструкций [Шенцова, 1997; Майсак, 2005] и др. С точки зрения развития многозначности глагольных лексем некоторые глаголы движения хакасского, алтайского и тувинского языков описаны О. Ю. Кокошниковой [2004]. В последние десятилетия вышли работы по глаголам движения в разносистемных языках (в частности на материале хакасского языка [Майсак, 2007]), где определен новый подход к исследованию глаголов движения и уделяется внимание их вторичным значениям [Глаголы движения... , 2007; Киселева, Уханова, 2018; Плотникова, 2005; Надеина, 2009]. По тюркским языкам Сибири практически не имеется работ в этом направлении. Семантическая структура, развитие семантики глаголов движения отражают пространственно-временные представления этносов, которые являются важнейшим фрагментом картины мира.

В данной статье содержится попытка описания семантической структуры глагола *чык=* ‘выходить’ в южносибирских тюркских языках и языках кыпчакской группы, а также анализ этой лексемы с точки зрения развития семантики и репрезентации элементов пространственно-временных представле-

ний данных языковых коллективов. Приводятся также примеры из тюркских языков других групп (узбекского, турецкого) и из монгольского языка. Основное же внимание уделяется языкам Сибири (алтайскому, хакасскому, тувинскому).

Глагол *чык*= ~ *сых*= является общетюркским, он зафиксирован в памятниках древнетюркской письменности. Э.Р. Тенишев отмечал отсутствие *çiq*= в рунических памятниках и предположил, что этот глагол появился в эпоху классической уйгурской письменности [1961, с. 257]. В «Древнетюркском словаре» у *çiq*= отмечены следующие значения: 1) выходить; 2) оставлять пределы чего-л.; 2) выходить, направляться куда-л.; 3) отделяться; 4) отступаться, отказываться; 5) выступать, выделяться; 6) появляться, обнаруживаться; 7) становиться кем-л., чем-л.; 8) подниматься, взбираться [ДТС, 1969, с. 150]. В рассматриваемых языках выявляются все эти значения, кроме 'отступаться, отказываться' и 'становиться кем-л., чем-л.'. Значение 'отступаться, отказываться' обнаруживается в турецком языке: *bir dinden çik*= 'отречься от какой-л. религии' [ТурРС, 1998, с. 186], значение 'становиться кем-л., чем-л.' имеется в башкирском: *батыр сыкһаң, зур дан алырһын* [АСБЯ, 2015, с. 724] 'станешь батыром, прославишься'; 'оказаться кем-л., чем-л.', близкое к 'становиться кем-л., чем-л.' выявляется в турецком и узбекском языках: узб. *улар қариндои чиқиб қолди* 'они оказались родственниками' [УРС, с. 544]; тур. *akraba çiktik* 'мы оказались родственниками' [ТурРС, 1998, с. 187].

Кроме перечисленных, в исследуемых языках получили развитие и другие значения, большинство которых одинаковы в разных тюркских языках. В тувинском и тофаларском лексема *чык*= не употребляется. Однако в основном идентичная семантическая структура наблюдается у глагола *ун*= «Данный глагол в различных фонетических вариантах встречается во всех современных тюркских языках, например, в туркменском, каракалпакском, киргизском, *өн*-; узб. *ун*-; уйг., тоф., *ун*-; як. *үүн*-, где он имеет значение 'расти', 'произрастать'». Он восходит к древнетюркскому *өн*= 1) выступать, обнаруживаться; 2) расти, вырастать; 3) выступать, отправляться; 4) взбираться, подниматься [Барыс-Хоо, 2006а, с. 104]. Сходную с тюркским *чык*= семантическую структуру обнаруживает также монгольский глагол *гар*=.

Поскольку глаголы *чык*= и *ун*= совмещают в себе семантику горизонтальной и вертикальной направленности движения, их значения могут быть распределены на две группы по признакам «движение изнутри» и «движение вверх». В структуре первой группы значений выделяется сема 'выходить откуда-л.', в структуре второй – 'подниматься вверх'.

Значения I группы

К первой группе во всех рассматриваемых языках относится большинство значений глагола *чык*= ~ *сых*= (и др. фонетические варианты). Они образованы от основного 'выходить, выезжать, оставлять пределы чего-л., покидать что-л.'. Прежде всего, они связаны с физическим перемещением:

а) **за пределы чего-либо** (с управлением Исх. п.):

алт. *айылдан чык*=, кирг. *уйдөн чык*= 'выходить из дома' [АРС, 2018, с. 854; КирРС, 1985, с. 385]; хак. *сиденнең сых*= 'выходить со двора' [ХРС, 2006, с. 541]; тув. *суурдан ун*= 'выехать из села' [Барыс-Хоо, 2006б, с. 93]; каз. *қаладан шық*= 'выехать из города' [КРС, 2008, с. 927]; башк. *булмәнән сык*= 'выйти из комнаты' [БРС, 1996, с. 561]; ср. также тур. *evden çik*= 1) выйти из дома; 2) уехать (переехать) из какого-л. дома; оставить, покинуть какой-л. дом [ТурРС, 1998, с. 186];

б) **в более открытое пространство (из более замкнутого)** (с управлением Д. п. или Напр. п., а также может сочетаться с наречием 'наружу, вовне'):

алт. *акка чык*= 'выйти на поляну' [АРС, 2018, с. 854], *тышкары чык*= 'выйти на улицу'; хак. *чазаа сых*= 'выйти в степь' [Кокошникова, 2004, с. 74], *оградазар сых*= 'выйти во двор'; тув. *кудумчу-же ун*= 'выйти на веранду' [Барыс-Хоо, 2006б, с. 95]; каз. *далага шық*= 'выйти на улицу (букв.: в степь)'; к.-балк. *арбазгъа чыкъ*= 'выйти во двор' [КБРС, 1965, с. 739].

В разных тюркских языках предметный ориентир, к которому движется субъект / которого достигает субъект, выражается разными способами. В сибирских тюркских языках, в которых имеются и дательный, и направительный падежи, падежное управление зависит от ситуации. Локализаторы в направительном падеже указывают на направление к точке ориентира, которая не достигается: хак. *арыг=зар сых*= 'выйти в сторону леса'; тув. ... *бистиң мурнуvus-биле эрткеш, кудумчу=же үне берди* '...пройдя мимо нас, [она] вышла на улицу' [Чугунеева, 1998, с. 15; Барыс-Хоо, 2006б, с. 95]. В дан-

ных конструкциях не говорится, что субъект достиг цели, а указывается лишь то, что он движется по направлению к ней. Локализаторы в дательном падеже указывают на цель / финиш достижения [Чугунова, 1998, с. 15], «пункт, которого достигает движущийся субъект» [Барыс-Хоо, 2006б, с. 95]: хак. *Суг хазына сыхтым*, тув. *Хем кадынга үнүп келдим* 'Я достиг берега реки'.

В языках с наличием только дательного падежа «дательный падеж объекта обозначает пункт, к которому движение направлено или которого достигает движущийся предмет или человек»: тат. *урманга чыктым* 'я вышел в лес' (или 'к лесу') даже в ситуации, когда леса не видно [Тенишев, 1961, с. 258]; ср. также тур. *bu yol nereye çikar?* 'куда ведет эта дорога?' [ТурРС, 1998, с. 186].

В качестве предметного ориентира может выступать также абстрактное существительное: башк. *эштең азагына сык* = [АСБЯ, 2015, с. 723] 'достигнуть конца работы'. Семантика «достижения какой-либо временной точки» выделяется в башкирском, карачаево-балкарском и турецком языках: башк. *язга сык* = 'дожить до лета' [АСБА, с. 722]; к.-балк. *джазгъа чыкъ* = 'дожить до весны' [КБРС, 1965, с. 740], тур. *sabaha çik* = 'дотянуть (дожить) до утра (о больном)' [ТурРС, 1998, с. 187].

Для рассматриваемого глагола характерно также развитие семантики «перемещение с какой-либо целью (чаще всего, это промысел, сражение)» (с управлением в Д. п., в сочетании с инфинитивом или с деепричастием на =n): алт. *кузукка чык* = 'выйти на сбор ореха' (букв.: на орех выйти), *андан чык* = 'выйти охотиться', хак. *хузуктурга сых* = 'выйти орешничать', *кыра тогызына сых* = 'выезжать на посевные работы' [ХРС, с. 541]; тув. *демиселче үн* = 'выйти на борьбу'; каз. *шабуылга шык* = (АККЯ) 'наступать, ходить в наступление (против кого-л.)'; башк. *ауга сык* =, к.-балк. *уугъа чыкъ* = 'отправляться на охоту' [БРС, 1996, с. 561]; тат. *разведкага чык* = 'идти в разведку' [ТСТЯ, с. 451]; ср. тур. *balığa çik* = 'отправляться на рыбную ловлю', *turneye çik* = 'отправиться на гастроли' [ТурРС, 1998, с. 186].

Близким к первичному прямому значению является значение '**выступать из каких-л. пределов, торчать; выйти из пределов, из берегов (о водных объектах)**': алт. *оның колы чыгып калган* [АРС, 2018, с. 855], хак. *холы сых парган*, каз. *оның қолы шыгып кетті* [КРС, 2008, с. 927] 'у него вывихнула рука'; башк. *кендеге сыккан* 'вывихнуться, выпирать наружу (о пупке)' [АСБЯ, 2015, с. 723]; ср. тур. *çosiğün kolu çikti* 'мальчик вывихнул себе руку', *zayıflıktan kemikleri çikti* 'от худобы кости выпирают' [ТурРС, с. 187]; хак. *Аның састары плады алтынаң сыхлап килтірлер* 'Ее волосы вылезли из-под платка' [Кокошникова, 2004, с. 76];

хак. *Чардаң сыгып чул-чулаттар чазыларга чайылчалар* (ВК,А) 'Реки, выходя из своих берегов, разливаются по степи', тат. *Акчишмә суы ярларынан чыгып, авыл өстенә килә* [ТСТЯ, 452] 'Вода реки Акчишмы, разливаясь, затопляет аул'; ср. монг. *бялхан гар* = 'переливаться через край' [БАМРС, 2001, с. 387].

У данного глагола образуется также ряд общих значений, которые показывают абстрактное перемещение: '**прекращение пребывания в каком-л. учреждении**' ('покинуть какое-л. учреждение'):

алт. *түрмеден чык* =, к.-балк. *тюрмеден чыкъ* = 'выйти из тюрьмы'; хак. *үгредидең сых* = 'уходить из учебного заведения' [ХРС, 2006, с. 541]; тув. *эмчиден үн* =, тат. *больницадан чык* = 'выйти (выписаться) из больницы'; ср. тур. *ceza evinden çik* = 'выйти из тюрьмы' [ТурРС, 1998, с. 186]; ср. также монг. *эмнэлэгэс гар* = 'выписаться из больницы' [БАМРС, 2001, с. 388];

'**прекращение пребывания в каком-л. состоянии, положении, возрастной группе**': алт. *түбектен чык* = 'выйти из беды'; хак. *учеттаң сых* = 'выписываться (сниматься) с учета' [ХРС, с. 541], *пленнең сых* = 'выбраться из плена' [ХРС, 2006, с. 542]; башк. *нужанан сык* = 'выбраться из нужды' [БРС, 1996, с. 561], *кыйынлыктан сык* = [АСБЯ, 2015, с. 723] 'выбраться из трудностей'; тат. *газаттан чык* = 'избавиться от страданий' [ТСТатЯ, 1981, с. 452]; к.-балк. *сабийликден чыкъ* = 'выйти из детского возраста' [КБРС, 1965, с. 739], *азабдан чык* = 'выйти из кабалы' [КБРС, 1965, с. 740]; ср. узб. *ташкилотдан чиқ* = 'выходить из организации' [УРС, 1988, с. 544]; монг. *өрнөөс гар* = 'избавляться от долгов' [БАМРС, 2001, с. 389];

'**прекращение пребывания, прекращение своей деятельности в составе какой-либо организации, социальной группы, учебного учреждения**': алт. *женүчилдердин тоозынан чык* = 'выйти из числа победителей'; хак. *СССР-даң сых* = 'выйти из состава СССР' [Кокошникова, 2004, с. 76]; тув. *партиядан үн* = 'выйти из партии'; каз. *профсоюзтан шык* = 'выйти из профсоюза'; башк. *партбюро составынан сык* = 'выйти из состава партбюро' [АСБЯ, 2015, с. 722]; тат. *комиссия составынан*

чык= [ТСТатЯ, 1981, с. 452] ‘выйти из состава комиссии’, *мәдрәсэнән чык*= [ТСТатЯ, 1981, с. 452] ‘окончить медресе’; ср. тур. *enstitüden bu sene mi çıktınız* ‘вы в этом году окончили институт?’ [ТурРС, 1998, с. 186].

Как вариант значения ‘прекращение пребывания, своей деятельности в составе какой-либо организации’ по наличию общей семы ‘деятельность’ может рассматриваться ‘прекращение своей деятельности где-л.’ с предметным ориентиром – существительным, выражающим абстрактное понятие, идеальный объект: алт. *иштең чык*=, хак. *тогыстаң сых*= ‘уйти, уволиться с работы’ [АРС, 2018, с. 854; ХРС, 2006, с. 541; КБРС, 1965, с. 540]; тув. *дайындан үн*= ‘выйти из войны’ [ТРС, с. 449]; алт. *ойыннан чык*= [АРС, 2018, с. 854], башк. *уйындан сык*= [АСБЯ, 2015, с. 722] ‘выйти из игры’; ср. тур. *harpten çık*= ‘выйти из войны’, *savaştan çık*= ‘выйти из боя’ [ТурРС, 1998, с. 186]; ср. также монг. *ажлаас гар*= ‘уйти с работы’ [БАМРС, 2001, с. 388].

Рассматриваемый глагол в данных значениях требует при себе существительное в Исх. п.

В то же время с управлением Д. п. или Напр. п. (тув.) *чык*= ~ *сых*= и т.д. употребляется в значении ‘**приступить к какой-л. деятельности, начать что-л.**’: алт. *ишке чык*=, тув. *ажылче үн*= ‘выйти на работу’ (начать работать), хак. *чолга сых*= ‘выйти в путь’ (начать путь); каз. *жорыкка шық*= ‘выйти в поход’. В татарском, башкирском языках отмечается также значение ‘**перейти в какую-л. группу, религию**’: тат. *православиедән яһүдилеккә чык*= ‘перейти из православия в иудаизм’, *мөселманлыкка чык*= ‘перейти в мусульманство’, *дошман ягына чык*= ‘перейти на сторону врага’ [ТСТатЯ, 1981, с. 452]; башк. *ярлылар ягына сык*= [АСБЯ, 2015, с. 722] ‘перейти на сторону бедняков’.

В группу I включаются общетюркские значения, которые в обобщенном виде можно представить как «**появление чего-л., кого-л.**». Исходный пункт здесь чаще всего не акцентирован (хотя и может быть указан) или не предусмотрен, иногда присутствует конечный пункт (в Д.п.):

‘появляться, возникать перед глазами, показываться’: алт. *Кенетийин атту кижжи чыгып келди* ‘Неожиданно появился всадник’ [Кокошников, 2004, с. 77]; хак. *Син хайдаң сых килдің* [Там же]; тув. *Хенертен ханаадан уруглар үйе халчып келгеннер* ‘Неожиданно из-за забора появились ребятишки’; каз. *бұлт шықты* ‘появилось облако’ [КРС, 2008, с. 927]; к.-балк. *юйде чычханла чыгыбы айланадыла* ‘в доме появились мыши’ [КБРС, 1965, с. 740]; ср. тур. *karşısına çık*= ‘внезапно появиться перед кем-л.’ [ТурРС, 1998, с. 187];

‘выступать (о поте, слезах, крови)’: алт. *олор кара тер чыкканча күрешилер* ‘они боролись, пока не выступил обильный пот’, *шырканың кан чыкты* ‘из раны выступила кровь’ [АРС, 2018, с. 854]; хак. *палыгдаң хан сыхча* ‘из раны сочится кровь’ [ХРС, с. 542], *хара тир сыхча* ‘черный пот льется’ [ХРС, 2006, с. 542]; каз. *кейбіреулердің көздерінен жас та шықты* [АККЯ] ‘у некоторых на глазах даже выступили слезы’; тат. *маңгаена тир тамчылары чыкты* ‘на его лбу выступили капли пота’ [ТСТатЯ, 1981, с. 452]; к.-балк. *кёзлеринден джыламукъла чыкъдыла* ‘на глазах ее появились слезы’ [КБРС, 1965, с. 740]; ср. монг. *цус гар*= ‘истекать кровью’ [БАМРС, 2001, с. 388]. Тувинских примеров такого типа на данный момент нами не обнаружено.

Как вариант данного значения можно рассматривать ‘сочиться; пробиваться, бить (о воде, роднике)’, ‘выделяться (о газе и др.)’: алт. *бу јерден суу чыкты* ‘на этом месте пробилась вода’ [АРС, 2018, с. 854]; хак. *чирдең сыхчатхан суг* ‘вода, которая выходит из-под земли’, *балоннаң газ сыхча* ‘из баллона выделяется газ’ [ХРС, 2006, с. 542]; тув. *кара суг үнүп келген* ‘забил родник’; башк. *ишимә сык*= [АСБЯ, 2015, с. 723] ‘бить роднику’; ср. монг. *ус гар*= ‘выделяться, выходить воде’ [БАМРС, 2001, с. 388].

‘Выскакивать, появляться (о болячках, прыщах и т.п.)’: алт. *катангы чыкты* ‘выскочил фурункул’ [АРС, 2018, с. 854]; хак. *сырайга сипкі сыхча* ‘на лице выступают веснушки’ [ХРС, 2006, с. 542]; тув. *арнымда шившикилер үнүп келген* ‘на лице у меня выскочили прыщи’; каз. *ұшық шық*= ‘выскочить герпесу’ [КРС, 2008, с. 928]; тат. *чуан чык*= ‘выскочить чирею’ [ТСТатЯ, 1981, с. 452]; к.-балк. *кёзюме арпа чыкъгъанды* ‘у меня на глазу выскочил ячмень’ [КБРС, 1965, с. 740]; ср. тур. *gözünde arpacık çıktı* ‘на глазу у него вскочил ячмень’ [ТурРС, 1998, с. 186]; ср. также монг. *сэвх гар*= ‘высыпать (о веснушках)’ [БАМРС, 2001, с. 388]. Нужно отметить, что в тувинском языке, как и в турецком, существительное-предметный локализатор стоит в местном падеже. В других языках глагол *чык*= требует в этом случае постановки в Д. п.;

‘появляться, вырастать (о растительности на лице, зубах), отрастать’: алт. *Аннын жангы мўўзи кочкор айда чыгып jat* ‘У марала новые рога вырастают в феврале’ [Кокошникова, 2004, с. 77], *баланын тиштери чыкты* ‘у ребёнка выросли зубы’ [АРС, 2018, с. 854]; хак. *Паламның тізі сыгып пастабыстыр* ‘У моего ребёнка начали вырастать зубы’; башк. *мыйык сыкты* ‘пробились усы’ [БРС, 1996, с. 561], *себеиштең канаты сыккан* [АСБЯ, 2015, с. 723] ‘у цыплят выросли крылья’; к.-балк. ср. тур. *byuğı cıktı* ‘у него пробились усы’ [ТурРС, 1998, с. 186];

‘раздаваться, исходить (о звуке, голосе, запахе)’: алт. *јараиш үн чыкты* ‘раздался красивый голос’ [Кокошникова, 2004, с. 79]; тув. *каткы үнүп тур* ‘раздается смех’ [ТРС, с. 449]; каз. *айбарлы ұран шықты* [АККЯ] ‘раздался грозный клич’; башк. *тауыш сыкты* ‘возник шум’ [БРС, 1996, с. 561]; тат. *тавыш чык* = ‘раздаваться голосу’ [ТСтатЯ, 1981, с. 452]; к.-балк. *ийис чыгъады* ‘пахнет’ (букв.: запах исходит), *кобуз таууш чыкъды* ‘послышались звуки гармони’ [КБРС, 1965, с. 740]; ср. тур. *sesi cıktıyor* ‘его голоса не слышно’ [ТурРС, 1998, с. 186]; ср. также монг. *дуу гарах* ‘издавать звук; звучать’, *үнэр гарах* ‘издавать запах, пахнуть’ [БАМРС, 2001, с. 388].

В несибирских тюркских языках, например, в башкирском, возможна также сочетаемость рассматриваемого глагола с существительными, обозначающими внешние проявления чувств, эмоций (с обязательным управлением Д. п.): башк. *асуы йөзөнә сыккан* ‘гнев проявился (отразился) на лице’, *шатлығы тышка сыккан* ‘ее радость отразилась внешне (букв.: наружу вышла)’ [АСБЯ, 2015, с. 725].

У алтайского и к.-балк. *чык* = обнаруживается значение ‘**найтись, отыскаться**’, близкое к значению ‘появляться’: алт. *Сендий ийделү баатырга болужар улустар көп чыгар* ‘Чтобы помочь такому сильному богатырю как ты, много людей найдётся’ [АРС, 2018, с. 855]; к.-балк. *барыргъа сүйгенле чыкъдыла* ‘нашлись желающие пойти’ [КБРС, 1965, с. 740]; ср. узб.: *Уч кундан кейин минг сумга зам олувчи харидор чиқади* ‘Через три дня найдется покупатель, который купит и за тысячу рублей’; *ёнидан тичоқ чиқди* ‘у него нашелся (обнаружился нож)’ [УРС, 1988, с. 545].

Близкими к ‘появляться’ являются также значения ‘**происходить, случаться, иметь место**’ (о каком-л. событии, чаще о чем-то плохом) и ‘**начинаться** (о природных явлениях, катаклизмах)’, ‘наступать’ (о времени года); ‘**получаться**’. В данных значениях присутствует сема ‘неожиданно, внезапно’:

алт. *Бистин иркиттер башка бүткен улус эмей, не ле чыгар ине!* (Б. Укачин) ‘Ведь наши иркиты по природе своей особенные люди, от них всего можно ожидать (букв.: всякое может произойти)’! [АРС, 2018, с. 855]; хак. *Ирепчи аразында хырыс-табыс сых парды* ‘Между супругами случилась ссора’; тув. *алгыш-кырыш үнген* ‘произошла ссора’, *шалың үнген* ‘зарплата вышла’; кирг. *айтканы чыкты* ‘вышло так, как он сказал’ [КирРС, 1985, с. 385]; каз. *ши шықты* ‘вышло недоразумение’ [КРС, 2008, с. 928]; башк. *гауға сыккан* ‘случился скандал’, *мөмкинселек сык* = ‘выдаться возможности’ [АСБЯ, 2015, с. 724]; тат. *сугыш чыккан* [ТСтатЯ, 1981, с. 452] ‘произошла драка’; ср. монг. *жиг гар* = ‘случиться чему-то странному’, *зөрөө гар* = ‘происходить разногласиям’;

хак. *Алчаас сых партыр. Ол өдікті пасха организацияя тирген полтырлар* (ИТ,Т) ‘Ошибка произошла (произошла). Оказывается, эту обувь дали другой организации’; тат. *файда чыкмас* ‘пользы не будет’, *яңа чыккан мода* [ТСтатЯ, 1981, с. 453] ‘новая мода’ (букв.: новая вышедшая мода);

алт. *чайык чык* = ‘произойти потопу’ [АРС, 2018, с. 783]; хак. *өрт сыхты*, тув. *өрт үнген*, тат. *пожар чыккан* [ТСтатЯ, 1981, с. 453] ‘вспыхнул пожар’; каз. *жалын шықты* [АККЯ] ‘вспыхнуло пламя’; ср. монг. *гал гар* = ‘загораться пожару’ [БАМРС, 2001, с. 533-534]; башк. *өйөрмә сыкты* ‘поднялся вихрь’, тат. *буран чыкты* ‘поднялся буран’ [БРС, 1996, с. 561; ТатРС, 1966, с. 644]; каз. *жаз шықты* ‘началось лето’ [КРС, 2008, с. 928]; ср. монг. *шине жил гарав* ‘наступил новый год’ [БАМРС, 2001, с. 388]. В разных тюркских языках у *чык* = ~ *сых* = и т.д. в данном случае либо очень ограниченная сочетаемость, как, например, в хакасском, либо более широкая, как в турецком. В турецком языке *çık* = сочетается с существительными, обозначающими природные явления и стихии (ветер, буря, пожар) и социальные и другие катаклизмы (война, революция, эпидемия): *harp cıktı* ‘вспыхнула [началась] война’, *ihtilâl cıktı* ‘произошла революция’, *veba salgını cıktı* ‘вспыхнула эпидемия чумы’ [ТурРС, 1998, с. 187]. Из этих примеров видно, что явления такого рода уподобляются неуправляемой стихии.

Следующая группа значений объединяется по признаку ‘**братъ начало**’:

‘братъ начало (об истоке, реке)’. В хакасском, карачаево-балкарском и тувинском языках значение ‘братъ начало’ относится к водным объектам, а предметным ориентиром выступают ландшафтные объекты: хак. *сузлар тасхылдаң сыхча* ‘реки берут начало с тасхылов’ [ХРС, 2006, с. 542]; тув. *бо хем дуу даг чанындан үнүп чыдар* ‘эта речка берёт начало у той горы’ [ТРС, 1968, с. 449]; к.-балк. *бу суу кёлден чыгъады* ‘эта река вытекает из озера’ [КБС, с. 740];

‘начинаться, братъ начало, исходить’. В карачаево-балкарском источником является человек или какой-либо идеальный объект: к.-балк. *бу хапар андан чыгъа болур* ‘эта весть, видимо, исходит от него’, *бу оюм алгъын айтылгъандан чыгъады* ‘этот вывод вытекает из раннее сказанного’ [КБРС, 1965, с. 740].

Во всех тюркских языках имеется значение ‘происходить (из какого-л. рода, сословия, семьи, места)’: алт. *атту-чуулу малчылардын билезинен чык* = ‘происходить из семьи знаменитых чабанов’ [Там же, с. 76]; башк. *ауылдан сыккан язгысы* ‘писатель, вышедший из деревни’ [АСБЯ, 2015, с. 722]; тат. *Байтирәкнең үзеннән чыккан яшь агроном* [ТСТатЯ, 1981, с. 453] ‘молодой агроном, вышедший (происходящий) из самого Байтиряка’; ср. узб. *ишчилар орасидан етишиб чиққан инженер* ‘инженер, вышедший из среды рабочих’ [УРС, 1988, с. 544].

Наряду со значениями ‘появляться’, ‘происходить’, ‘начинаться’ у рассматриваемого глагола в ряде языков отмечаются значения ‘исчезать’, ‘заканчиваться’. Сема ‘исчезать’ выявляется у группы значений: ‘выходить, выводиться, исчезать’, ‘линять, терять окраску’; ‘иссякать, исчезать (о силе, энергии)’, алт. ‘улетучиваться (о сне)’. В тувинском языке подобные значения у данного глагола в настоящее время нами не выявлены.

Примеры: алт. *кир чыга берди* ‘грязь вышла’ [АРС, 2018, с. 854], *танкынын жыды чыкты* ‘запах табака вывелся’; хак. *платтың сыры сыххан* ‘платок выцвел’ (букв.: платка краска вышла); ср. тур. *leke çikmedi* ‘пятно не сошло’ [ТурРС, 1998, с. 187]; ср. также монг. *будаг нь гарах* ‘линять, выцветать (о материи)’;

алт. *мениг уйкум чыкты* ‘мой сон улетучился’ [АРС, 2018, с. 855]; хак. *Мындаг аар тогыста прай кўзим сых парды* ‘На такой тяжелой работе я совершенно устал (букв.: сила моя вышла)’; хак. *Пу книга садыгда ўр чаттин, бир-икі ле сых парган* ‘Эта книга долго не лежала в продаже, быстро была распродана’ [Кокошникова, 2004, с. 78].

В некоторых языках выделяется значение ‘выходить, заканчиваться, истекать (о сроке, времени)’: алт. *сениг ойиң чыкты* ‘твое время истекло’ [АРС, 2018, с. 855]; башк. *вакыты сыкты* ‘время вышло’ [БРС, 1996, с. 561]; тат. *срогы чыкты* ‘вышел срок’ [ТатРС, 1966, с. 644]; башк. *март сыкты* ‘закончился март’ [АСБЯ, 2015, с. 722]; ср. узб. *қиш чиқди* ‘зима прошла’ [УРС, 1988, с. 544]; тур. *kış çikti* ‘зима прошла’. В хакасском, тувинском, казахском и киргизском языках такое значение не обнаружено.

Следующие значения объединяются по признаку **«результат / конечный продукт»**:

‘получаться (в результате), образоваться, добываться (из какого-л. продукта)’: алт. *бу теренен жараш јака чыгар* ‘из этой шкуры выйдет хороший воротник’ [АРС, с. 855]; хак. *Пу истең чахсы олган көгенегі сых парар* ‘Из этой ткани выйдет хорошее детское платье’ [Кокошникова, 2004]; тув. *Бо сазындан ийи блокнот үнер* ‘Из этой бумаги выйдет два блокнота’ [ТРС, 1968, с. 449]; каз. *Көмірден түрлі химикалық заттар шығады* ‘Из угля добываются различные химические вещества’ [КРС, 2008, с. 927]; башк. *Өс литр һөттән бер стакан каймак сыкты* [АСБЯ, 2015, с. 725] ‘Из трех литров молока получился один стакан сметаны’; к.-балк. *Эки кьоян териден бөрк чыгъармы?* ‘Выйдет ли шапка из двух заячьих шкур?’; *Чөплөүден джау чыгъады* ‘Из семечек производится масло’ [КБРС, 1965, с. 740]; ср. тур. *Ви kumaştan bir palto çikar mi?* ‘Выйдет ли пальто из этой материи?’ [ТурРС, 1998, с. 186]; ср. монг. *малаас гарах ашиг шим* ‘продукты, получающиеся от скотоводства’ [БАМРС, 2001, с. 388];

‘выходить, издаваться; выходить на экраны (о фильме); выпускаться о предметах производства’: алт. *ак-жарыкка солун бичик чыкты* ‘на свет вышла интересная книга’, *фабрикада жаңы эдимдер чыкты* ‘на фабрике выпущены новые изделия’ [АРС, 2018, с. 855]; хак. *Леонид Романовичтиң наука тогыстары Хакасиядагы НИИЯЛИ-ның сборниктерінде төреміл сыхчалар* ‘Научные работы Леонида Романовича постоянно публикуются в сборниках Хакасского НИИЯЛИ’, *Машиналар сыххлапчатиң истилче* (НД, Ыа) ‘Слышно, что выпускают машины’; тув. *чаа журнал үнген* ‘вышел новый жур-

нал' [ТРС, 1968, с. 449], тув. *солун кино үнген* 'вышел интересный фильм'; башк. *газета бөген сыга* 'сегодня газета выходит' [БРС, 1996, с. 561], башк. *яңы фильм сыккан* 'вышел новый фильм' [АСБЯ, 2015, с. 724]; каз. *журнал айына бір рет шыгады* 'журнал выходит один раз в месяц'; ср. тур. *bugiingü gazetler daha çıkmadı* 'сегодняшние газеты еще не вышли' [ТурРС, 1998, с. 186];

'появляться (о песнях, частушках, поговорках, анекдотах; законах и т.п.): алт. *президенттин жакааны чыкты* 'вышел указ президента' [АРС, с. 855]; хак. *Пу саблыг композиторның наа сарын сых парган* 'У этого известного композитора вышла новая песня'; тув. *чазактан доктаал үнген* 'правительство издало постановление' (букв.: от правительства постановление вышло); каз. «*Саулем-ай*» *әні бес гасыр бұрын шықты ма, жоқ үш гасыр бұрын шықты ма, оны әлі ешкім дәлелдеген жоқ* [АККЯ] 'Появилась ли песня «Саулем-ай» пять веков назад, или же она появилась три века назад, этого никто еще не доказал'; башк. *яңы көләмәс сыккан* 'появился новый анекдот' [АСБЯ, 2015, с. 724], *насар һүз сык* = дурные сплетни появились [АСБЯ, 2015, с. 723]; ср. тур. *уени bir kanun çıktı* 'вышел (обнародован) новый закон' [ТурРС, 1998, с. 186]; ср. также монг. *сураг гар* = 'появляться слуху' [БАМРС, 2001, с. 388];

'получаться кем-л., каким-л.', 'оказаться каким-л.': алт. *онон јакшы бичиши чыгар* 'из него получится хороший писатель' [АРС, с. 855]; тув. *оон кижии үнер бе?* 'получится ли из него человек?'; башк. *Мәриәмдән зур композитор сыгыр* [АСБЯ, 2015, с. 724] 'из Мариям выйдет великий композитор'; каз. *ойындарыңыз тәуір шықты* (Ж. Аймауытов) 'ваша игра оказалась неплохой' [АККЯ]; ср. узб. *гати ёлгон чиқди* 'его слова оказались ложью', *улар қариндош чиқиб қолди* 'они оказались родственниками' [УРС, 1988, с. 544]; тур. *haklı çık* = 'оказаться правым', *akıllı çıktı da arkadaşına uymadı* 'он оказался умнее и не поддался влиянию своего товарища' [ТурРС, 1998с. 187]. В хакасском языке таких примеров не обнаружено. Возможно употребление *сых* = в сочетании с семантикой «как-л. выйти, получиться на фотографии»: *сомда чახсы (хандыра, айдас, хоомай) сых* = 'выйти на фотографии хорошо (отлично, здорово, плохо и т.д.)'. Скорее всего, это влияние русского языка. Данный глагол встречается в хакасском, как и в других языках, при обозначении ситуации измерения веса, количества («получиться в результате (о весе, количестве)»): хак. *теер салган чистек үс килограмм сых парган* 'собранный клубники получилось три килограмма'; алт. *Сайды кой тере тонымның эдегине урдым. Көп лө. Бир-эки килограмм чыгар* (ТШ, Ак) 'Я насыпал орешек в подол своей овечьей шубы. Очень много. Выйдет один-два килограмма'; к.-балк. *джау беш килограмм чыкды* 'масло весит (тянет) пять килограммов', *гардош юч челек чыкды* 'картофеля набралось три ведра' [КБРС, 1965, с. 740].

Ситуацию, обратную 'получаться (в результате), образоваться, добываться (из какого-л. продукта)' описывает значение '**тратиться на что-л., расходоваться на что-л.**' (в алтайском, хакасском, башкирском языках): алт. *Платъеге ас бөс чыккан* 'На платье ушло мало ткани' [АРС,]; хак. *Чииске ле иледе ахча сых парча* 'Только на еду много денег выходит' [Кокошникова, 2004, с. 78]; башк. *Туйга күп акса сыкты* [АСБЯ, 2015, с. 724] 'На свадьбу потратилось много денег'.

Перечисленные значения в основном являются общетюркскими. Выявляются также региональные значения этого глагола, а также значения, характерные только для какого-то из языков.

Например, в башкирском и татарском языках у рассматриваемой лексемы присутствует семантика преодоления пространства: '**переходить, переезжать; переправляться, проходить, проезжать через что-л.**' (управление И. п. или В. п.), например: башк. *йылганы сык* = 'переправиться через реку' [БРС, 1996, с. 561], *сикте сык* = 'перейти границу' [АСБЯ, 2015, с. 722]; *урман үтә сык* = 'пройти через лес'; ср. монг. *гол гар* = 'переправляться через реку' [БАМРС, 2001, с. 388].

Семантика преодоления временного отрезка – '**пережить что-л., провести что-л.**' – наблюдается у глагола *чык* = в алтайском, башкирском, татарском языках: алт. *кышты чык* =, башк. *кыш сык* =, тат. *кыш чык* = 'перезимовать' [БРС, 1996, с. 561; ТатРС, 1966, с. 644]. Для этого значения выделяется сема 'с трудом': алт. *Алдыста калын карлу кыш. Оны та канай чыгар* (К. Телесов) 'Перед нами снежная зима. Как же нам её перенести' [АРС, с. 855]; *Уйлар өлбөй јасты чыкты* 'Коровы без падежа пережили весну'. В этих сочетаниях выделяются наиболее тяжелые, трудные периоды: зима и весна (алт.). В хакасском языке существует фразеологическое сочетание хак. *чыл сых* = 'выжить (благополучно перезимовать)' [ХРС, 2006, с. 542] (букв.: год выйти), что означает: если человек и скот перенесли зиму, то можно сказать, что они благополучно пережили год. Ср. алт., кирг. *кыштан чык* =, каз.

қыстан шық= ‘перезимовать’ (с управлением Исх. п.): алт. *Ондый соок кыштан алдырышпай чыктыс* ‘Такую холодную зиму без особых потерь (о скоте) мы пережили’. Отличие примеров с Исх. п. в том, что они выражают семантику «выхода из какого-л. состояния, прекращения пребывания в каком-л. состоянии (с трудом)».

В карачаево-балкарском языке встречается употребление *чык*= с семантикой «преодоления идеального пространства» (с управлением В. п.): *физиканы курсун чык*= ‘пройти курс физики’ [КБРС, 1965, с. 740].

У алтайского глагола *чык*= имеется также значение ‘**рождаться**’, которое не отмечено в других тюркских языках, но присутствует у монгольского *гарах* ‘выходить’: алт. *уул бала чыкты* ‘родился мальчик’ [АРС, с. 854], монг. *өвлийн сард гарсан төл* ‘приплод, родившийся в зимние месяцы’ [БАМРС, 2001, с. 388]. Похожее значение ‘вылупляться (о птенце)’ есть у башкирского и татарского *сык*= ~ *чык*= башк. *себеш сыкты* ‘цыплёнок вылупился’ [БРС, 1996, с. 561]; тат. *үрдәк бәбкәләре чыкты* ‘утята вылупились’ [ТатРС, 1966, с. 644].

Значения II группы

Значения второй группы, как уже было сказано выше, связаны со значением ‘**подниматься вверх, взбираться**’ (как у глагола *чык*= ~ *сых*=, так и *үн*=). Данное значение является общетюркским: алт. *кырга чык*= ‘подниматься на гору’; *агашка чык*= ‘взбираться на дерево’ [АРС, с. 854]; хак. *Үр дее сагынмин, ипчи кизи агасха сыгарга тимненибісті* (ВТ, Ат) ‘Долго не думая, женщина приготовилась взобраться на дерево’; тув. *Мөңгүн-Тайганың иши бажынга үн*= ‘подняться на вершину Мөңгун-Тайги’ [ТРС, 1968, с. 449]; башк. *түбәгә сык*= [АСБЯ, 2015, с. 722] ‘влезать на крышу’; ср. тур. *üst kata çık*= ‘подниматься на верхний этаж’ [ТурРС, 1998, с. 186].

Спецификой тувинского языка, по замечанию В. С. Барыс-Хоо, является употребление *чык*= с такими предметными ориентирами, как тайга, летние, зимние пастбища, кладбище, в связи с «географическими особенностями ареала, с своеобразными условиями, укладом жизни, хозяйственной деятельностью тувинцев» [2006 б, с. 97]: *Ачам тайгаже үнгеи, күжур Шокарны эккелген* ‘Отец поднялся в тайгу и привез бедного Шокара’ [там же, с. 100]; *Чайлагже үндүвүс* ‘Мы поднялись на высокогорное летнее пастбище’ [Там же]; *Бис чылдың-на, төрөлдер хунүнде, хөөр үнер бис* ‘Каждый год в день родственников мы поднимаемся на кладбище’ [Там же].

К значениям, производным от значения ‘подниматься’, относятся ‘взойти, появиться (о небесных светилах)’, ‘вырастать (о траве, урожае), давать всходы’:

‘**взойти, появиться (о небесных светилах, башк. также о радуге)**: алт. *ай чыккан* ‘взошла луна’; хак. *Че кун сыхханча узуп алааңар* (ИТ, Т) ‘Давайте поспим до восхода солнца (букв.: пока взойдет солнце)’; тув. *хүн үнүп келген*, башк. *кояш сыкты* [АСБЯ, 2015, с. 722], к.-балк. *кюн чыгъды* ‘взошло солнце’ [КБРС, 1965, 740]; башк. *йәйгөр сыга* ‘появляется радуга’ [АСБЯ, 2015, с. 722]; тат. *йолдызлар чыктылар* [ТСТатЯ, 1981, с. 452] ‘появились (букв.: взошли) звезды’; ср. тур. *ay çikti* ‘луна взошла’ [ТурРС, 1998, с. 186]; ср. также монг. *нар гарлаа* ‘солнце взошло’ [БАМРС, 2001, с. 388];

‘**вырастать (о траве, урожае), давать всходы**’: алт. *көк чыкты* ‘взошла трава’ [АРС, 854]; хак. *Хузух ну чылда маңат сыххан* (ИТ, Т) ‘В этом году был хороший урожай кедрового ореха’; тув. *бо черлерге тара эки үнүп турар* ‘в этих местах хлеб хорошо всходит’ [ТРС, 1968, с. 449]; каз. *бидай шықты* ‘пшеница взошла’ [КРС, 2008, с. 927]; башк. *ужым сыгып килә* [АСБЯ, 2015, с. 723] ‘всходят озимые’; к.-балк. *урлук чыкъгъанды* ‘семена взошли’ [КБРС, 1965, с. 740]; ср. тур. *ekinler çikmağa başladı* ‘посевы начали прорастать’ [ТурРС, 1998, с. 186].

Остальные вторичные значения группы II отражают представления о времени, последовательности событий и о социальном пространстве, связанные с метафоризацией понятий «верх / низ»:

‘**подходить к какому-л. возрасту**’: движение вверх → движение вперед по времени (метафорическое движение человека по вертикали вверх). Из сибирских языков это значение отмечается у глагола *чык*= в алтайском. «Человек как бы поднимается по лестнице жизни снизу вверх, а молодость остаётся внизу» [Бардамова, 2012, с. 80]: алт. *алтыга чыкты* ‘ему пошел шестой год’ (букв.: к шести поднялся); каз. *биыл ол отызга шықты* ‘в этом году ему исполнится 30 лет’ [КРС, 2008, с. 927]; кирг. *эче жашка чыктың?* ‘сколько тебе лет?’ (букв.: к сколько годам ты поднялся?), *мен элүү жашка чыктым* ‘мне исполнилось 50 лет’ (букв.: я поднялся к 50 годам) [КирРС, 1985, с. 385]; башк. *етмешкә*

сык= [АСБЯ, 2015, с. 722] ‘пойти к семидесяти (о возрасте)’; тат. *өченче яшенә чык*= [ТСТатЯ, 1981, с. 452] ‘[ему] пошел третий год’; ср. узб. *ёши энди ун турртдан ун бешга чиқди* ему исполнилось только четырнадцать и пошел пятнадцатый (букв.: к пятнадцати вышел) [УРС, 1988, с. 545]; ср. также др.-т. пример с глаголом *өн*=: *jetmiş jaşıma öntüm* ‘я достиг моих семидесяти лет’ [ДТС, 1969, с. 385].

Е. А. Бардамова отмечает, что «в бурятской картине мира наблюдается вертикальный отсчет времени, то есть время мыслится движущимся снизу вверх в тех ситуациях, когда речь идет о возрасте: *=ндэр наһатай* ‘преклонного возраста’ (букв.: высокого возраста), *арбан наһа дээшэ ябаха* ‘старше на десять лет’ (букв.: быть выше на десять лет)» [2008, с. 80]. В бурятском языке представление о времени как о вертикальной оси проявляется более ярко, и «все, что будет иметь место в последующем, ассоциируется с движением вверх от точки происхождения: *морилхо дээрэ* ‘перед отъездом’ (букв.: отъехать вверх)» [Там же]. Возможно, это проявляется и в таких тюркских сочетаниях, как приведенные нами выше к.-балк. *джазгъа чыкъ*= ‘дожить до весны’, тур. *sabağa çık* ‘дотянуть (дожить) до утра (о больном)’.

Как движение к следующей, более высокой ступени, воспринимается **переход на следующий уровень в образовании** (хак.), **в спорте, продвижение в социальном плане**.

Переход на следующий уровень в образовании (хак.), в спорте: хак. *Миниң хыс туңмам нуул читинчи классха сыххан* ‘В этом году моя сестренка перешла в седьмой класс’; алт. *Эки жарым ла очко ойноп алзаас, экинчи жерге чыгарыс!* (Л. Кокышев) ‘Если выиграем всего два с половиной очка, поднимемся на второе место!’ [АРС, 854]; башк. *ярышта беренсе урынга сык*= [АСБЯ, 2015, с. 722] ‘в соревновании выйти на первое место’; к.-балк. *ючюнчю орунъа чыгъ* ‘выйти на третье место’ [КБРС, 1965, с. 740]; ср. узб. *биринчи курсдан иккинчи курсга чиқдим* ‘я перешел с первого курса на второй’;

продвижение в социальном плане: алт. *Начальниктин креслозына ого чыгарга јенил болбоды* ‘Ему было нелегко сесть в кресло начальника’ [Коккошников, 2004, с. 81]; *Четпектий ле болзоор, өрө чыгараар!* (К. Телесов) ‘Если будете как Четпек, то подниметесь вверх!’ [АРС, 854]; хак. *Сынап таа, нинче-де ай пазынаң ол уламох улуг пастыхха сых чөрибіскен* (ВТ, Ат) ‘И действительно, через несколько месяцев он стал ещё большим начальником (букв.: поднялся до большого начальника)’; *Амды үлгүзер кемнер сыгып аларлар ни?* ‘Интересно, кто же будет у власти (букв.: поднимется к власти)?’

Традиционное представление о расположении почетного места в казахской юрте связывается с верхом (движение дальше от входа → движение вверх): *жогары шыгыңыз* (букв.: выше поднимайтесь), *төрге шыгыңыз* (букв.: поднимайтесь на почетное место) ‘проходите на почетное место’.

Глагол *чык*= ~ *сых*= и т.д. выступает как компонент во многих устойчивых сочетаниях и фразеологизмах. При этом наблюдаются как идентичные для многих тюркских языков сочетания, так и специфические.

Часть из этих устойчивых сочетаний можно отнести к уже выделенным по семантике группам. Так, сочетание алт. *тили чык*= [АРС, с. 855], хак. *тіл сых*= [ХРС, 2006, с. 542], башк. *теле сык*= [БРФС, 2006, с. 276], каз. *тілі шық*= ‘начать говорить (о маленьком ребёнке)’ (букв.: язык=его / язык выходить) включается в группу со значением ‘появляться; возникать’, где язык = речь; хак. *арагадаң сых*= избавиться от привычки пить вино (букв.: из водки выйти), *тамкадаң сых*= ‘бросить курить’ [ХРС, 2006, с. 542] (букв.: из табака выйти); *колдон чык*= ‘стать независимым’ [АРС, с. 855] (т.е. освободиться от зависимости; букв.: из рук выйти) входит в группу с семантикой «выходить / освободиться из / от какого-л. положения», где водка = алкогольная зависимость, табак = курение, (чи-л.) руки = зависимость; ср. также монг. *гараас гар*= ‘выйти из-под опеки, стать самостоятельным’ (букв.: из рук выйти) [БАМРС, 2001, с. 386] и др.

Рассматриваемый глагол является также компонентом фразеологизмов со значением ‘сильно испугаться’: алт. *јүреги оозына чык*=, *чүрее ахсына сых*= (букв.: сердце=его ко рту подскочить); *жүрегі тас төбөсінен шық*= (букв.: сердце=его через макушку выскочить); кирг. *жаны төбөсүнө чык*= (букв.: душа=его на макушку=его выскочить). Таким образом, испуг в тюркской языковой картине мира представляется как движение сердца или души вверх, в отличие от русского языка. В русских фразеологизмах испуг, сильное переживание связывается с ощущением падения сердца, души, с потерей опоры, с «запирыванием» вглубь тела: *сердце упало, сердце в пятки ушло, сердце закатилось* [Тюнтешева, 2006, с. 165].

Во всех рассматриваемых языках глагол *чык= ~ сых=* выступает в качестве вспомогательного, выражая **аспектуальные значения**. В тувинском языке **конструкция с этим компонентом** выражает начинательность действия: *ырлап ун=* ‘начать петь’, *хорадап ун=* ‘начать сердиться’ [ТРС, 1968, с. 449]; в алтайском и хакасском форма с этим глаголом «обозначает и завершение, и начало действия» [Шенцова, 1997, с. 80]: алт. *адылып чыкты* ‘[он] начал ругать’; *кыйгырып чыкты* ‘закричал’; *суу кайнап чыкты* ‘вода закипела’ [АРС, с. 855]; хак. *Кимнің хазында тура ұстүне тура өс сыххан* (ББ, Тс) ‘У берегов Енисея начали появляться многоэтажные дома (букв.: дом наверху дома расти начал)’. «В башкирском, казахском, каракалпакском, узбекском, кумыкском, туркменском языках считается, что она имеет значение завершенности (законченности) действия, исчерпанности состояния...» [Шенцова, 1997, с. 80]: каз. *Елтай жүз бет кітапты бір күнде оқып шықты* ‘Елтай за один день прочитал книгу в сто страниц’; башк. *Сэй кайнап сыкты* ‘Чай вскипел’ [Юлдашев, 1965, с. 82].

Примечательно, что монгольский *гар=* ‘выходить’, как и *чык= ~ сых=* в сибирских тюркских языках, в качестве вспомогательного глагола выражает начинательность действия: *бичиж гар=* ‘начать писать’; *наадаж гар=* ‘начать играть’; *унииж гарав* ‘начал читать’ [БАМРС, 2001, с. 389].

В структуре глагола *чык=* обнаруживаются значения, сформированные под влиянием русского языка, особенно же русское влияние прослеживается в устойчивых сочетаниях: алт. *депутаттарга чыгар* ‘выйти на депутатов’; *прокурорго чыгар* ‘выйти на прокурора’ [АРС, 2018, с. 855]; хак. *пенсияга сых=* ‘выйти на пенсию’, *отставка сых=* ‘выйти в отставку’; башк. *закондан сыгып* ‘исходя из закона, основываясь на законе’, *логиканан сых=* ‘исходя из логики, согласно логике’ [АСБЯ, 2015, с. 723]; тат. *доклад белән чык=* ‘выйти, выступить с докладом’, *фикер-теләк белән чык=* [ТСтатЯ, 1981, с. 453] ‘выступить с пожеланиями’ (букв.: с мнением-пожеланием) и др. Образование таких значений и сочетаний во многом основывается на сходстве семантики русского *выйти* и тюркского *чык=*.

Таким образом, глагол *чык= ~ сых=* показал активное развитие значений со времени фиксации его в древнетюркских памятниках. В настоящее время это один из самых многозначных глаголов. Большинство его значений являются общетюркскими. Наблюдаются как сходство семантической структуры этого глагола с его тувинским аналогом *ун=*, так и некоторые различия. Практически аналогичная структура обнаруживается у монгольского *гар=* с основным значением ‘выходить’. Но, несмотря на сходство значений всех данных глаголов, в разных языках сочетаемость их может быть разной. Выявляются также региональные значения или значения, характерные только для определенных языков. Кроме того, рассматриваемые языки разделяются по акциональным значениям, выражаемым конструкциями с глаголом *чык=* и его аналогами: начинательность в тюркских языках Сибири и завершенность, исчерпанность действия в несибирских языках. Возможно, это проявление монгольского влияния на сибирские языки, т.к. семантика начальности характерна для монгольского *гар=*.

Глагол *чык= ~ сых=* и его аналог *ун=* совмещает в своей семантической структуре значения, описывающие разную векторную направленность (по горизонтали и по вертикали), а также действия, происходящие на разных пространственно-временных отрезках, в том числе противоположных: проявление объекта / начало действия (появиться / начаться; начать, приступить к какой-л. деятельности); действие на протяжении какого-л. пространственно-временного отрезка (преодолевать какое-л. пространство / преодолевать какой-л. период; случаться, происходить); исчезновение объекта / завершение действия (исчезать / закончиться; закончить, завершить какую-л. деятельность). Вторичные значения исследуемого глагола отражают представления данных языковых коллективов, связанные с такими понятиями, как верх / низ, предыдущий / последующий (по времени). Таким образом, семантика глаголов *чык= ~ сых=* и *ун=* отражает элементы пространственно-временной картины мира тюрков.

Список литературы

Бардамова Е. А. Модели времени в бурятской языковой картине мира // Вестн. Читин. гос. ун-та. 2008. № 6 (51). С. 77–82.

- Бардамова Е. А. Пространство и время в языковой картине мира бурят. Дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 361 с.
- Барыс-Хоо В. С. Семантика глагола *ун* = 'подниматься' в современном тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2006а. № 4. С. 104–108.
- Барыс-Хоо В. С. Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке (в сопоставительном аспекте): Дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2006б. 339 с.
- Васильева Т. Н. Глаголы движения в чувашском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Глаголы движения в воде: лексическая типология / Ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. — М.: Издательство «Индрик», 2007. 752 с.
- Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962. 607 с.
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 479 с.
- Майсак Т. А. Системы с глаголами плавания **йүз* = в трех тюркских языках // Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007. С. 453–473.
- Киселева С. В., Уханова И. А. Метафорические значения английских глаголов движения // Вестн. Курган. гос. ун-та. 2018. С. 25–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskie-znacheniya-angliyskih-glagolov-dvizheniya> (Дата обращения 22.01.2020)
- Кокошников О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск: Сова, 2004. 144 с.
- Надеина Л. В. Ориентационные метафорические модели движения в русских народных говорах. На примере глаголов движения по направлению вверх // Вестн. Читин. гос. ун-та. 2009. № 6 (57). С. 139–144.
- Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 305 с.
- Плотникова А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов): Учеб. пособие. Екатеринбург, 2005. 140 с.
- Псянчин Ю. В. Лексико-семантическое поле глаголов движения башкирского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1989.
- Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 232–293.
- Тюнтешева Е. В. Человек и его мир в зеркале фразеологии. Новосибирск, 2006. 225 с.
- Чугунецова А. Н. Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998. 19 с.
- Чугунецова А. Н. Категория пространства в хакасском языке. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. 345 с.
- Шенцова И. В. Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 148 с.
- Усманова М. Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка. Дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2002. 416 с.
- Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 274 с.

Список словарей

АККЯ	Алматинский корпус казахского языка. URL: http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=ru
АРС	Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
АСБЯ	Академический словарь башкирского языка. Уфа, 2015. Т. 7. 872 с.
БРС	Башкирско-русский словарь / Под ред. З. Г. Ураксина. М.: Дигора; Рус. яз., 1996. 884 с.
БРФС	Башкирско-русский фразеологический словарь. Уфа: Китап, 2006. 344 с.
БАМРС	Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001. Том 1. А–Г, 520 с.
ТурРС	Большой турецко-русский словарь / Сост. А. Н. Баскаков и др. М.: Рус. яз., 1998. 966 с.

ДТС	Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
КРС	Казахско-русский словарь. Алматы, 2008. 962 с.
КБРС	Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965. 832 с.
КирРС	Киргизско-русский словарь / Сост. К. К. Юдахин. М.: Сов. энцикл., 1985. Т. 2. 480 с.
ТатРС	Татарско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1966. 863 с.
ТРС	Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968. 646 с.
ТСТатЯ	Толковый словарь татарского языка. Казань, 1981. Т. 3. 832 с.
УРС	Узбекско-русский словарь. Ташкент, 1988. 726 с.
ХРС	Хакасско-русский словарь / Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск, 2006. 1114 с.

Список источников

ББ-Тс	Б. Баинов. Тас сом. Абакан, 1967. 63 с.
ВК, А	В. А. Кобяков. Айдо. Абакан, 1959. 159 с.
ВТ-Ат	В. К. Татарова. Аат табызы. Ағбан, 1991. 232 с.
ИТ, Т	И. Топоев. Туғаннар. Ағбан, 1992. 120 с.
НД-Ыа	Н. Г. Доможаков. Ыраххы аалда. Красноярск, 1975. 256 с.
ТШ, Ак	Т. Шинжин. Ак кулун. Горно-Алтайск, 1981. 117 с.

Список сокращений

алт. – алтайский язык; **др.-т.** – древнетюркские языки; **башк.** – башкирский язык; **каз.** – казахский язык; **к.-балк.** – карачаево-балкарский язык; **кирг.** – киргизский язык; **монг.** – монгольский язык; **тат.** – татарский язык; **тоф.** – тофаларский язык; **тув.** – тувинский язык; **тур.** – турецкий язык; **узб.** – узбекский язык; **уйг.** – уйгурский язык; **хак.** – хакасский язык, **як.** – якутский язык;

АКД – автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук; **В. п.** – винительный падеж; **Д. п.** – дательный падеж; **И. п.** – именительный падеж; **Исх. п.** – исходный падеж; **Напр. п.** – направительный падеж.

References

- Bardamova E. A. Modeli vremeni v buryatskoy yazykovoy kartine mira [Models of time in the Buryat language world image]. *Bulletin of Chita State University*. 2008, no. 6 (51), pp. 77–82. (In Russ.).
- Bardamova E. A. *Prostranstvo i vremya v yazykovoy kartine mira buryat* [Space and time in the Buryat language picture of the world]. Dr. philol. sci. diss. Ulan-Ude, 2012, 361 p. (In Russ.).
- Barys-Khoo V. S. Semantika glagola *iin* = ‘podnimat’sya’ v sovremennom tuvinskim yazyke [Semantics of the verb *iin* = ‘to rise’ in the modern Tuvan language]. *Siberian Journal of Philology*. 2006a, no. 4, pp. 104–108. (In Russ.).
- Barys-Khoo V. S. *Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov dvizheniya v tuvinskom yazyke (v sopostavitel’nom aspekte)* [Lexical-semantic group of Tuvan verbs of motion (in comparative aspect)]. Novosibirsk, 2006b, 33 p. (In Russ.).
- Chugunekova A. N. *Glagoly dvizheniya i formiruemye imi modeli prostogo predlozheniya* [Verbs of motion and the models of a simple sentence formed by them]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 1998, 19 p. (In Russ.).
- Chugunekova A. N. *Kategoriya prostranstva v khakasskom yazyke* [Space category in Khakass language]. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2016, 345 p. (In Russ.).
- Dmitriev N. K. *Stroy tyurkskikh yazykov* [The structure of Turkic languages]. Moscow, 1962, 607 p. (In Russ.).
- Kiseleva S. V., Ukhanova I. A. Metaforicheskie znacheniya angliyskikh glagolov dvizheniya [Metaphorical Meanings of English verbs of motion]. *Vestnik KGSU*. 2018, no. (49), pp. 25–27. (In Russ.).

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskie-znacheniya-angliyskih-glagolov-dvizheniya> (accessed: 01.02.2020).

Kokoshnikova O. Yu. *Semanticheskaya struktura mnogoznachnogo glagola v khakasskom yazyke v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri* [Semantic structure of a polysemantic verb in the Khakass language in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, Sova, 2004, 144 p. (In Russ.).

Maysak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktivnykh s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Typology of grammarization of structures with verbs of motion and verbs of position]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, 479 p. (In Russ.).

Maysak T. A. Sistemy s glagolami plavaniya *yüz= v trekh tyurkskikh yazykakh [Systems with Verbs Denoting Swimming *yüz = in Three Turkic Languages]. In: *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Verbs of motion in water: lexical typology]. Moscow, 2007, pp. 453–473. (In Russ.).

Nadeina L. V. Orientatsionnye metaforicheskie modeli dvizheniya v russkikh narodnykh govorakh. Na primere glagolov dvizheniya po napravleniyu vverkh [Orientational metaphorical models of motion in Russian dialects. Based on the example of verbs of movement in the upward direction]. *Bulletin of Chita State University*. 2009, no. 6 (57), pp. 139–144. (In Russ.).

Nevskaya I. A. *Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri (na materiale shorskogo yazyka)* [Spatial relations in the Turkic languages of Southern Siberia (on the material of the Shor Language)]. Novosibirsk, 2005, 305 p. (In Russ.).

Plotnikova A. M. *Kognitivnye aspekty izucheniya semantiki (na materiale russkikh glagolov)*. Ucheb. posobie [Cognitive aspects of studying semantics (on the material of Russian verbs). A textbook]. Ekaterinburg, 2005, 140 p. (In Russ.).

Psyanchin Yu. V. *Leksiko-semanticheskoe pole glagolov dvizheniya bashkirskogo yazyka* [Lexical-semantic field of Bashkir verbs of motion]. Abstract of Cand. philol. sci. diss., Ufa, 1989. (In Russ.).

Shentsova I. V. *Aktsional'nye formy glagola v shorskom yazyke* [Actional Verb Forms in the Shor Language]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997. 148 p. (In Russ.).

Tenishev E. R. *Glagoly dvizheniya v tyurkskikh yazykakh* [Turkic Verbs of Motion]. In: *Istoricheskoe razvitiye leksiki tyurkskikh yazykov* [Historical development of turkic lexis]. Moscow, 1961, pp. 232–293. (In Russ.).

Tyuntshcheva E. V. *Chelovek i ego mir v zerkale frazeologii* [Man and his world in the mirror of phraseology]. Novosibirsk, 2006, 225 p. (In Russ.).

Usmanova M. G. *Funktsional'no-semanticheskaya klassifikatsiya glagolov bashkirskogo yazyka* [Functional-semantic classification of Bashkir verbs]. Dr. philol. sci. diss. Ufa, 2002, 416 p. (In Russ.).

Vasil'eva T. N. *Glagoly dvizheniya v chuvashskom yazyke* [Verbs of motion in the Chuvash language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1980. (In Russ.).

Yuldashev A. A. *Analiticheskie formy glagola v tyurkskikh yazykakh* [Turkic analytical verb forms]. Moscow, Nauka, 1965, 274 p. (In Russ.).

List of dictionaries

Almatinskiy korpus kazakhskogo yazyka [Almaty Kazakh Corpus]. URL: http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/?interface_language=ru (accessed: 15.02.2020).

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018. 936 p.

Akademicheskii slovar' bashkirskogo yazyka [Academic dictionary of the Bashkir language]. Ufa, 2015, vol. 7. 872 p.

Bashkirsko-russkiy slovar' [Bashkir-Russian dictionary]. Z. G. Uraksin (Ed.). Moscow, Digora, Rus. yaz., 1996, 884 p.

Bashkirsko-russkiy frazeologicheskii slovar' [Bashkir-Russian phraseological dictionary]. Ufa, Kitap, 2006. 344 p.

Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkiy slovar' [Large academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, Academia, 2001, vol. 1, A–G, 520 p.

- Bol'shoy turetsko-russkiy slovar'* [Large Turkish-Russian dictionary]. A. N. Baskakov et al. (Comps). Moscow, Rus. yaz., 1998. 966 p.
- Drevnyeturkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969. 676 p.
- Karachaevo-balkarskiy slovar'* [Karachay-Balkar dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1965. 832 p.
- Khakassko-russkiy slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. O. V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, 2006. 1114 p.
- Kazakhsko-russkiy slovar'* [Kazakh-Russian dictionary]. Almaty, 2008. 962 p.
- Kirgizsko-russkiy slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. K. K. Yudakhin (Comp.). Moscow, Sov. entsikl., 1985. vol. 2. 480 p.
- Tatarsko-russkiy slovar'* [Tatar-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1966. 863 p.
- Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, 1968. 646 p.
- Tolkovyy slovar' tatarskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Tatar language]. Kazan, 1981, vol. 3. 832 p.
- Uzbeksko-russkiy slovar'* [Uzbek-Russian dictionary]. Tashkent, 1988. 726 p.

*Материал поступил в редколлегию
The manuscript was submitted on
17.05.2020*

Сведения об авторах

Тюнтешева Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: tyunteshvae@mail.ru

Scopus ID: 57206664336

Шагдурова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: kokoshnikova@mail.ru

Scopus ID 57211574046

Information about the Authors

Elena V. Tyunteshva – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

E-mail: kokoshnikova@mail.ru

Scopus ID: 57206664336

Ol'ga Yu. Shagdurova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

E-mail: kokoshnikova@mail.ru

Scopus ID 57211574046

УДК 811.512.153
DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-100-107

О сочетаемости прилагательного *kičiček* ‘маленький’ в хакасском языке

И. М. Чебочакова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия

Аннотация

В работе рассматриваются особенности сочетаемости диминутивного прилагательного *kičiček* ‘маленький’ с существительными. Семантика языковых единиц отличается тесной связью с конкретной речевой ситуацией, поэтому для описания особенностей их значений необходим анализ как контекста, так и сочетаемости лексем друг с другом. Диминутивные сочетания с рассматриваемым прилагательным используются чаще для обозначения небольших объектов номинации (невзрослых людей, частей их тел, животных, предметов, их частей). Употребление части рассматриваемых сочетаний обусловлено целью автора выразить отношения противопоставления (обозначения женщин, объектов рельефа, сооружений, мест).

Ключевые слова

словообразование, хакасский язык, диминутивы, аффикс, контекст, семантика, сочетаемость, термин, внеязыковая действительность

Для цитирования

Чебочакова И. М. О сочетаемости прилагательного *kičiček* ‘маленький’ в хакасском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 100–107. DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-100-107

On the compatibility of the adjective *kičiček* ‘small’ in Khakass

I. M. Chebochakova

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russian Federation

Abstract

There is still a great interest in the functional side of language phenomena in modern linguistics. The semantics of language units is closely related to a specific speech situation. Therefore, it is necessary to analyze both the context and the inter-compatibility of lexemes in order to describe the specifics of their meanings. The article aims to describe the features of combining the adjective *kičiček* ‘small’ with nouns, and this aspect has not been previously studied separately in the Khakass linguistics. The adjective under investigation refers to diminutive adjectives. Diminutives are units characterized by the property of being smaller than the usual size for objects of this type. The diminutive adjective *kičiček* ‘small’ is formed by the affix =žax from the adjective *kičig*, which in the “Khakass-Russian dictionary” is interpreted as: “1) small, small (in size); *kičig aal* small village; *kičig tura* small house; *kegeneem kičig* dress [me] little; 2) small, small (growth); *kičig sinnig (sööktig) xis* a small person; 3) younger, child, infant; young (by age); *kičig oolgim* [my] younger son; *kičig tusta* in childhood (in childhood); *kičig natural-*

© И. М. Чебочакова, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

ist young naturalist.” By analyzing the examples presented in the file, the following groups of combinations of the diminutive adjective *kičžek* ‘small’ with nouns were identified: with the names of non-adult people, kinship names, anthroponyms, names of human body parts, living creatures (small size), objects (small), parts of objects, structures, places, parts of structures, parts of plants, natural objects (small size), substances (as grounds for comparisons). No combinations of this adjective with abstract names have been found. Thus, the diminutive combinations with adjective *kičžek* ‘small’ have proved to be used more often to denote small objects of the nomination, with all objects being smaller than a man. The names of natural objects were used as a basis for comparison (a candle is compared with the sun, sparrows – with clouds).

Keywords

word formation, Khakass language, diminutives, affix, context, semantics, combinability, term, non-linguistic reality

For citation

Chebochakova I. M. O sochetaemosti prilagatel'nogo kichžek ‘malen'kij’ v hakasskom jazyke [On the compatibility of the adjective *kičžek* ‘small’ in Khakass]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 100–107. (In Russ.). DOI 10.25205/ 2312-6337-2020-1-100-107

В современной лингвистике не угасает интерес к функциональной стороне языковых явлений. Развитие получают лингвистическая прагматика, лингвистическая семантика и другие направления, связанные с анализом особенностей реализации единиц языка в речи [Зельдович, 2012; Васильев, 2015]. Семантика языковых единиц отличается тесной связью с конкретной речевой ситуацией, и поэтому для описания особенностей их значений необходим анализ как контекста, так и сочетаемости лексем друг с другом. Установлено, что «сочетаемое поведение лексемы объяснимо и подчиняется сложным, но, вообще говоря, вычислимым правилам. Несколько огрубляя, можно было бы сказать, что, в частности, все случаи лексической сочетаемости должны в идеальном описании такого рода перейти в класс семантической сочетаемости» [Рахилина, 1995, 58–59]. Таким образом, установление особенностей семантической сочетаемости лексем и по сей день является одной из важных задач лингвистики, о чем свидетельствует появление новых трудов, выполненных на материале языков разных систем [Иорданская, Мельчук, 2007; Бачаева, 2014; Бачаева, 2015; Влавацкая, 2018].

Целью нашей статьи является описание особенностей сочетаемости прилагательного *kičžek* ‘маленький’ с существительными, что ранее не было предметом отдельного исследования в хакасском языкознании. Оно относится к диминутивным прилагательным. Диминутивы – единицы, основным значением которых признается свойство «быть меньшего размера по сравнению с обычным для объектов данного типа» [Спиридонова, 1999, с. 13].

В отечественной лингвистике диминутивы получали разные наименования: «деминутивы», «уменьшительные имена», «уменьшительные формы», «уменьшительно-ласкательные формы», «модальные формы имен», «формы субъективной оценки». Многообразии вариантов наименований говорит о том, что статус уменьшительных слов долгое время не был определен, что было связано с особенностями образования и функционирования этих единиц, их прагматическим характером¹. Не является исключением и грамматика хакасского языка, где аффиксы диминутивов представлены в разделе, посвященном словообразованию, а описаны как «формообразовательные» [1975, с. 7].

¹ А. Б. Пеньковский указывал на «широкий разброс предлагаемых классификационных решений, каждое из которых формулируется категорически-аподиктическим образом, без каких бы то ни было аргументов и обоснований, не говоря уже об обращении к опыту предшественников и анализе иных точек зрения» [2004, 41]. Он отмечает, что к сфере субъективной оценки следует относить только пренебрежительность и уничижительность. Базой этой субъективности являются не «реальные физические, а идеально-ментальные действия: не уменьшение и увеличение, а умаление (приуменьшение) и преувеличение, то есть действия по соответствующим глаголам – «представить что-либо (роль, значение, смысл, ценность) в меньших/больших (чрезмерно уменьшенных/увеличенных), по сравнению с действительностью, размерах». Это именно те ментальные действия, которые лежат в основе особого, тимиологического, ранжирования элементов универсума по степени их важности, ценности и значительности [Пеньковский, 2004, с. 42]. Ласкательность представляет собой экспрессивное отношение, складывающееся на базе субъективной оценки [Там же, 42].

Уменьшительное прилагательное *кічицек* ‘маленький’ образовано посредством аффикса =*чах*² от прилагательного *кічиг*, которое в «Хакасско-русском словаре» трактуется как: «1) маленький, небольшой (*по размеру*); *кічиг аал* небольшое село; *кічиг тура* маленький дом; *көгенеэм кічиг* платье [мне] мало; 2) маленький, небольшой (*ростом*); *кічиг сынныг (сөбөктіг) кізі* человек небольшого роста; 3) младший, детский, младенческий; юный (*по возрасту*); *кічиг оолгым* [мой] младший сын; *кічиг туста* в детстве (в детском возрасте); *кічиг натуралисттер* юные натуралисты» [2006, с. 180]. Рассмотрим примеры сочетаний прилагательного *кічицек* ‘маленький’ с существительными для выявления их семантических особенностей.

Прилагательное *кічицек* ‘маленький’ + название незрелого человека

Чилге чайыла түскен ат чилни паза кічицек хызычахтың узун сазы (АТЗ8, с. 12–13) ‘Ветром развеяло гриву коня и длинные волосы маленькой девочки’; *Анда тис-алтыча кічицек палацахтар тобырахта хазынып ойнааннар* (КН, с. 155) ‘Там играло, копаясь в земле, около пяти-шести маленьких детишек’; *Кічицегес оолагас, пысхалах таа полза, угаа хан-хара харахтыг пілдірген* (КН, с. 113–114) ‘Маленький мальчонка, хотя еще и не окреп, казался имеющим очень черные глаза’; *Хыймыри түсче анда кічицек кізічек* (КН, с. 76) ‘Там (т. е. в животе) шевелится временами маленький человек’. Отметим, что в сочетаниях с уменьшительным прилагательным *кічицек* ‘маленький’ представлены как прямые наименования со значением незрелости (*хызыцах* ‘девочка’, *палацахтар* ‘детишки’, *оолагас* ‘мальчик’), так и слово *кізі* ‘человек’ с уменьшительным аффиксом (см. последний пример). Обычной функцией слова *кізі* является родовая номинация человека, в контексте речь идет об эмбрионе.

Прилагательное *кічицек* ‘маленький’ + имя родства

Пастап Көстігес ай-күн чілі чарып чөрген кічицек ипчіеене (КН, с. 176) ‘Сначала Көстігес очень хорошо относился к своей маленькой (юной) женушке (букв.: светил, как солнце-луна)’. В приведенном примере прилагательное *кічицек* сочетается с термином родства *ипчі* ‘жена’ с диминутивным показателем =*чах* (*ипчічек*). Данное употребление объясняется как молодостью девушки, недавней новобрачной, так и желанием автора произведения отразить первоначально нежное отношение мужа к жене, сменившееся очень скоро негативным (об этом идет речь в следующем предложении). Таким образом, использование уменьшительных слов в данном контексте объясняется целью автора противопоставить хорошее отношение к объекту номинации плохому.

Прилагательное *кічицек* ‘маленький’ + собственное имя

Мына аның улуг паарсазы, көбленізі, кічицек Аглоначаа, абахайы (КН, с. 26) ‘Вот его большая нежность, его любовь, маленькая Аглонушка, его красавица’. Употребление антропонима с диминутивным аффиксом (*Аглоначах*) обусловлено выражением нежности к Аглоне ее мужем. *Чаадаң айланмаан харындазының оолгычаан, кічицек Петяны, Оркон пеер хадох агылган* (ВТ, с. 119) ‘Сына своего брата, не вернувшегося с войны, маленького Петю, Оркон привел тоже сюда’; *Кічицек Илонацах Айдыр агазына күннің сай чархастыг пол турган* (ИТ, с. 27) ‘Маленькая Илонушка каждый день надоедала своему брату Айдыру’. Антропонимы *Петя*, *Илонацах* являются именами детей.

Прилагательное *кічицек* ‘маленький’ + название части тела

Аның кічицек, че күстіг холлары чалтанмин, туртухпин, чүрек массажын тузында ит пиргенер... (ВТ, с. 137) ‘Ее маленькие, но сильные руки, не боясь, не пугаясь, сделали массаж сердца вовремя...’. В приведенном примере описание рук женщины содержит оценку их силы, противопостав-

² Следует отметить, что, кроме =*чах*, в современном хакасском языке продуктивны также диминутивные аффиксы =*ас* и =*ах*.

ленной небольшой величине (*кічицек, че күстіг холлары* ‘ее маленькие, но сильные руки’). *Чаадаң айланган күннің хараазында оолагас аның хойнында, улуз кізінің харах чазын кічицек айагынаң чысчадып, сурган: – Пабаң, а син нога ылганчазың? Көрдек, хайди мин өс паргам син чох! Ана! – көзіткен ол холычаанаң пазы үстүнче* (ВТ, с. 119) ‘В ночь того дня, когда он вернулся с войны, мальчонка на его коленях, вытирая слезы взрослого человека своей маленькой ладошкой, спрашивал: – Отец, а почему ты плачешь? Посмотри-ка, как я вырос без тебя! Вот! – показал он ручонкой поверх своей головы’.

Прилагательное *кічицек* + название живого существа

Пірсінде апсах, хой түгі чіли, пазох пір хуцах хаап париганда, торбас үстүнең кічицегес килескіцек аның холынча иңнізер ойли халган, анаң мойнынзар көгенегі істінче ігігейленістіг түс парыбысхан (КН, 83) ‘Один раз, когда старик тащил еще одну охапку, подобную овечьей шерсти, с верха моха по его руке на плечо промчалась малюсенькая ящерка, потом с ощущением холодка опустилась по шее, по внутренней стороне рубашки. *Анда өргенге пагнаң чаба палгал парган кічицек ах адайахтың на үні удурлаан аны* (КН, с. 36) ‘Там его встречал только лай (букв.: ‘голос’) маленькой белой собачки, привязанной веревкой к колу’.

Прилагательное *кічицек* ‘маленький’ + название предмета

Сылагай холының оң толамырында кічицек суру харахтыг күмүс чүштицек одырган (НД, с. 76) ‘На безымянном пальце ее тонкой правой руки было маленькое серебряное колечко со вставкой-кораллом’; *Анда пыро ба, кічицек чуругаста* (КН, с. 113–114) ‘В ней ли вина, в маленькой пеленочке (метонимический перенос «название предмета → завернутый в него ребенок»)’; *Сагам, ну пічікті пасчатханда, минің алнымда кічицек узгал парган хызыл кнугачах чатча* (ВТ, с. 21) ‘Теперь, когда я пишу это письмо, передо мной лежит маленькая помятая красная книжка’.

Прилагательное *кічицек* ‘маленький’ + название природного объекта

Степан пілче: ну кічицек чүгүрік чулычахтарның күзі хоргыстыг (АТ31, с. 80) ‘Степан знает: сила этих маленьких быстрых ручейков страшна’; *Кічицек паза табырах сууцахта олар тахпайдаң иткен корантар позытханнар* (ИТ, с. 24) ‘В маленькой и быстрой речке они пускали корабли, сделанные из щепок’; *Пазының хырында, кічицек күніцек чіли, ызы чох свечі көйген, сарыг-көгемзік сырайын чарыдып* (НТ, с. 65) ‘Рядом с его головой, как маленькое солнышко, горела без дыма свеча, освещающая его желто-зеленоватое лицо’; *Пораатайлар киндір үстүнче ідөк, кічицек тіріг пулудычахтар чіли, айлахтаныс чөрче* (КН, с. 139) ‘Воробьи кружили над коноплей, как маленькие живые облачка. В последних двух примерах названия природных объектов употреблены как основания для сравнения (свеча сравнивается с солнышком, воробьи – с облачками).

Прилагательное *кічицек* ‘маленький’ + название части предмета

Керес. Мин, Ваня, кічицек чара чачырап парган узагас осхаспын (АТ40, с. 55) – *Керес* ‘Я, Ваня, подобна маленькой отлетевшей щепочке’. В приведенном примере актриса по имени Керес сравнивает себя со щепочкой из-за отсутствия у нее близких, семьи.

Прилагательное *кічицек* ‘маленький’ + название сооружения

Сөмөн поэзының кічицек турачагында чатхан (ХЧ, с. 25) ‘Семен лежал в своем маленьком домике’; *Аның чоон нузы өтіре таң атчатханын көр таппин, улуз сагыссырапта полган Лыковтарның кічицек турачахтарының істінде ікі ле кізі, 43 частыг чиит ипчі Агафья Карповна паза аның 87 частыг пабазы Карп Иосифович* (ВТ, с. 6) ‘В маленьком домике Лыковых в тягостном беспокойстве было всего два человека: Агафья Карповна, молодая женщина 43 лет, и ее 83-летний отец Карп Ио-

сифович, не имеющие возможности увидеть рассвет сквозь большую наледь'. Использование диминутивного сочетания *кічицек турацах* 'маленький домик' мы объясняем желанием авторов произведений противопоставить небольшие дома героев повествований пространству вне дома (в первом случае это улица села, во втором – безлюдная тайга).

Прилагательное *кічицек* 'маленький' + название места

Че ол тустарда Толадай хазынга пір-ікі километр аралы он артииһаң кічицек аалыцахтар пүтклек парған (ВТ, с. 117-118) 'Но в то время по берегам Толадай через один-два километра возникло более десяти маленьких деревенок'; *Ер чапсыхтаным пас чөрген ол кічицек агас туралыг городыцахча* (КН, с. 152) 'Долго он с удивлением бродил по городку с маленькими деревянными домами'. Употребление уменьшительных названий мест объясняется выражением в данных контекстах противопоставления: маленькие села противопоставляются одному большому, появившемуся позднее вследствие укрупнения; маленький городишко с деревянными домами сравнивается с большим городом с высокими каменными домами, где незадолго до описываемых событий побывал герой повествования.

Прилагательное *кічицек* 'маленький' + название части сооружения

Ікі кічицек көзенегес тасхархы күн чарин толдыра позыттинча, че хысхыда олох көзенегестер улуг соохтардаң арачылапча (ВТ, с. 20) 'Два маленьких окошка не пропускают солнечный свет снаружи, но зимой эти же окошки защищают от суровых морозов'.

Прилагательное *кічицек* 'маленький' + название части растения

Түрчедөң кічицегес, өрчліг салаацах күскүдегі өңнең чабыныбысхан (ИТ, с. 37) 'Через некоторое время малюсенькая веселая веточка покрылась осенним цветом'.

Прилагательное *кічицек* 'маленький' + название вещества

Например: <...> *паза ибіре күн чахаяхтары, кічицек одыцахтар чіли, чалбырана чарых көйгеннер* (НТ, с. 63) '<...> и вокруг пылая, как маленькие огоньки, светло горели жарки'. В данном случае слово *одыцахтар* 'огоньки' использовано в сравнительном обороте, в котором цветы сравниваются с огоньками для придания образности описанию пейзажа.

Следует отметить, что большинство словосочетаний содержит существительные с диминутивными аффиксами, что с точки зрения семантической сочетаемости компонентов атрибутивных словосочетаний друг с другом выглядит избыточным. Это кажется закономерным, поскольку мы считаем, что диминутивное прилагательное *кічицек* 'маленький' следует тем же путем развития, что и прилагательное *асхынах*, производное от *ас* 'малый', 'малое количество'. В составе последнего выделяются два уменьшительных аффикса =*хына* и =*ах*. Первый из них употребляется в настоящее время ограниченно, то есть малопродуктивен, а второй – продуктивен. При наличии живой основы *ас* 'малый', 'малое количество' чаще употребляется производное от него слово *асхынах*. Высокая частотность употребления ведет к тому, что производящая основа и диминутивный аффикс начинают восприниматься как неразрывное единство, и постепенно границы между ними стираются³.

³ Эту тенденцию можно проследить и на других подобных примерах. Так, прилагательные, выражающие слабую степень качества или количества, часто наращиваются уменьшительными показателями (*чабыс* 'низкий' → *чабызах* 'низенький', *нишк* 'легкий' → *нишгес* 'легонький', *ниске* 'тонкий' → *нискечек* 'тоненький'): *Чолның сол сариндагы чабызах хыраңнар саргалып көрінчелер* (АТ23, 25) 'На левой стороне дороги желтеют низенькие холмы'; *Сырайы, мылчадаң сыххан кізіни чіли, тирлеп партыр, чугацах ирнілері харалыбысханга төй* (АТ26, 102) 'Его лицо вспотело, как у человека, вышедшего из бани, тоненькие губы как будто почернели'; *Аның нискечек мойнычагы, халбах пөріктіг пазын тіреп сыдабин, хойраларга хынчатхан чіли көрінче* (ХЧ, 6) 'Его тоненькая шейка выглядит так, как будто сейчас искривится под весом широкой шапки

Е. В. Рахилина отмечает следующее относительно примеров с прилагательными *большой* и *маленький* в русском языке: «Складывается впечатление, что в языковой картине мира есть как бы неизменно большие объекты (много больше человека) – такие как горный хребет, аэродром или лес; настоящие их размеры могут варьироваться, и большой хребет может становиться небольшим, но уменьшение размеров до того состояния, когда объект может называться маленьким, невозможно потому, что в этом случае он перестает быть самим собой – горным хребтом, лесом и пр. Все, что больше человека, если и может называться маленьким, то только в очень нетривиальных прагматических контекстах. Отметим здесь, что одним из средств разрешения этого конфликта является использование диминутивов (*маленький домик*); при этом характерно, что от названий многих “прототипически больших” объектов не образуются и диминутивы; ср. отсутствие в русском языке диминутивных (не гипокористических) форм от *поле, пашня, пропасть* и под.» [1995, с. 79]. Исходя из примеров, выделенных нами в отдельные группы, можно сделать вывод, что диминутивные сочетания с прилагательным *кичицек* ‘маленький’ используются чаще для обозначения «небольших» объектов номинации (невзрослых людей, частей их тел, животных, предметов и их частей), при этом основой сопоставления служит человек. Употребление части рассматриваемых сочетаний обусловлено целью автора выразить отношения противопоставления (обозначения женщин, объектов рельефа, сооружений, мест).

Таким образом, диминутивное прилагательное *кичицек* ‘маленький’ сочетается с названиями невзрослых людей, именами родства, антропонимами, названиями частей тела человека, живых существ (мелких размеров), предметов (небольших), частей предметов, сооружений, мест, частей сооружений, частей растений, природных объектов (небольшого размера), веществ (как оснований для сравнений). Объединяет все эти группы слов их отнесенность к лексемам с конкретной семантикой. Не отмечены сочетания этого прилагательного с абстрактными именами.

Список литературы

- Бачаева С. Е.* Сочетаемость прилагательных *ик* ‘большой’, *бичкн* ‘маленький’ в калмыцком языке // Вестн. Тув. гос. ун-та. Педагогические науки. Кызыл, 2016. Вып. 4 (31). С. 48–54.
- Бачаева С. Е.* Лексическая сочетаемость имен прилагательных, обозначающих размер и величину (на материале песен эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка) // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 103–115.
- Васильев Л. М.* Современная лингвистическая семантика. М.: Либроком, 2015. 192 с.
- Влавацкая М. В.* Взаимозависимость семантики и сочетаемости слова как проблема комбинаторной семасиологии // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: Материалы VII междунар. науч.-практ. конф. 7 февраля 2018 г. Новосибирск: СИБАК, 2018. С. 88–93.
- Грамматика хакасского языка* / Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 418 с.
- Зельдович Г. М.* Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур, 2012. 643 с.
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007. 672 с.
- Пеньковский А. Б.* Очерки по русской семантике. М.: Языки славянских культур, 2004. 464 с.
- Рахилина Е. В.* Семантика размера // Семиотика и информатика. 1995. Вып. 34. С. 58–81.
- Спиридонова Н. Ф.* Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. С. 13–22.
- Хакасско-русский словарь* / Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

(букв.: его тоненькая шейка смотрится так, как будто собирается искривиться, не справляясь поддерживать его голову в широкой шапке).

Список сокращений

АТ23	Ах Тасхыл. Литературно-художественный альманах. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1975. 139 с.
АТ26	Ах Тасхыл. Литературно-художественный альманах. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1978. 138 с.
АТ31	Ах Тасхыл. Литературно-художественный альманах. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1983. 142 с.
АТ38	Ах Тасхыл. Литературно-художественный альманах. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1990. 150 с.
АТ40	Ах Тасхыл. Литературно-художественный альманах. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1992. 138 с.
ВТ	Татарова В. К. Аат табызы. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1991. 232 с.
ИТ	Топоев И. П. Көйтүк Миргенек. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1991. 40 с.
К	Нербышев К. Көгүм Хорымнарда. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1983. 208 с.
НД	Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1987. 237 с.
НТ	Тиников Н. Е. Тіріг кізі өлбечен. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1982. 239 с.
МТ	Туран М. М. Пай тирек. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1981. 112 с.
ХЧ	Хызыл чазы. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1983. 279 с.

References

Bachayeva S. Ye. Leksicheskaya sochetayemost imen prilagatelnykh, oboznachayushchikh razmer i velichinu (na materiale pesen eposa “Dzhangar” i Natsionalnogo korpusa kalmytskogo yazyka) [Lexical compatibility of adjective names denoting size (based on songs from the epic “Dzhangar” and the National Corpus of the Kalmyk language)]. In: *Aktualnyye problemy sovremennogo mongolovedeniya* [Actual problems of modern Mongol studies]. Elista, KIGI RAN, 2015, pp. 103–115. (In Russ.).

Bachayeva S. Ye. Sochetayemost prilagatel'nykh *ik* ‘bolshoy’, *bichkn* ‘malenkiy’ v kalmytskom yazyke [Compatibility of adjectives *ik* ‘large’, *bichkn* ‘small’ in Kalmyk]. *Vestnik of Tuva State University. Pedagogical Sciences*. Kyzyl, 2016, no.4, pp. 48–54. (In Russ.).

Grammatika khakasskogo yazyka [Grammar of the Khakass language]. N. A. Baskakov (Ed.). Moscow, Nauka, 1975, 418 p. (In Russ.).

Iordanskaya L. N., Melchuk I. A. *Smysl i sochetayemost v slovare* [Meaning and accountability in the dictionary]. Moscow, LRC Publishing House, 2007, 672 p. (In Russ.).

Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khakas., Russ.).

Penkovskiy A. B. *Ocherki po russkoy semantike* [Essays on Russian semantics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 464 p. (In Russ.).

Rakhilina Ye. V. Semantika razmera [Size semantics]. *Semiotika i informatika*. 1995, iss. 34, pp. 58–81. (In Russ.).

Spiridonova N. F. Russkiye diminutivy: problemy obrazovaniya i znacheniya [Russian diminutives: problems of education and significance]. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 1999, vol. 58, pp. 13–22. (In Russ.).

Vasilyev L. M. *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika* [Modern linguistic semantics]. Moscow, “Librokom”, 2015, 192 p. (In Russ.).

Vlavatskaya M. V. Vzaimozavisimost semantiki i sochetayemosti slova kak problema kombinatornoy semasiologii [The interdependence of semantics and word compatibility as a problem of combinatorial semasiology]. In: *Kulturologiya, filologiya, iskusstvovedeniye: aktualnyye problemy sovremennoy nauki: materialy 7 mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 07 fevralya 2018 g.* [Culturology, philology, art criticism: actual

problems of modern science: materials of the 7th intern. sci.-pract. conf. February 07, 2018]. Novosibirsk, SIBAK, 2018, pp. 88–93. (In Russ.).

Zeldovich G. M. *Pragmatika grammatiki* [Grammar pragmatics]. Moscow, LRC Publishing House, 2012, 643 p. (In Russ.).

Материал поступил в редколлегию
The manuscript was submitted on
16.04.2020

Сведения об авторах

Чебоचाкова Ирина Максимовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия)

E-mail: irina.chebochakova@mail.ru

WoS Researcher ID P-7194-2019

Information about the Author

Irina M. Chebochakova – Candidate of Philology, Leading Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation)

E-mail: irina.chebochakova@mail.ru

WoS Researcher ID P-7194-2019

УДК 811.511.22
DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-108-117

**Языковая репрезентация внешнего образа хакасского мужчины:
семантико-когнитивный аспект описания
(по материалам художественных произведений)**

М. Д. Чертыкова

*Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия*

Аннотация

Статья посвящена выявлению и описанию внешнего облика хакасского мужчины в семантико-когнитивном аспекте. Материалом для исследования послужили данные из художественных текстов на хакасском языке. Словесное портретирование хакасского мужчины репрезентируется разноуровневыми (в основном, синтаксическими и лексическими) языковыми средствами. Ключевыми же единицами являются *сынныг* ‘с ростом’, *хара сас* ‘черные волосы’, *хара харахтар* ‘черные глаза’, *хара сагаллыг* ‘с черными усами (бородой)’, *час* ‘лет’ (о возрасте), *чиит* ‘молодой’, *киир* ‘старый’ и др. Также в дискурсивный контекст включаются соматизмы в сочетании с характеризующими словами. Во внешнем образе хакасского мужчины акцентируются чаще такие смысловые детали, как рост, физическая сила, возраст, одежда, черты лица.

Ключевые слова

хакасский язык, художественный текст, внешний образ, мужчина, описание

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)» (№19-012-00080)

Для цитирования

Чертыкова М. Д. Языковая репрезентация внешнего образа хакасского мужчины: семантико-когнитивный аспект описания (по материалам художественных произведений) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 108–117. DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-108-117

© М. Д. Чертыкова, 2020

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

Linguistic representation of the external image of a Khakass man: semantic-cognitive aspect of description (based on literary works)

M. D. Chertykova

Institute of Humanitarian Research and the Sayan-Altai Turkology of Katanov Khakass State University

Abstract

The article aims to identify and describe the external image of a Khakass man in a semantic-cognitive aspect. The research was based on the data from the artistic works of the Khakass language. Revealing a common image of a Khakass man from fiction is not an easy task, since the artistic text, as an integral and structured system of linguistic means, is characterized by the uniqueness and openness of the ideological space. It is known that artistic works are characterized by genre categories and are created according to the laws of individual perception and associative thinking of the author. Moreover, in addition to depicting living space, including the characters, fiction always has a subtext and implicit meaning. Thus the descriptions tend to reflect the secondary reality. Taking all these issues into account, the following aspects were analyzed: what lexical and syntactical meaning is given to the image of a Khakass man; how semantic details are emphasized when depicting growth, physical strength, age, clothing, and facial features; what names of body parts and internal organs, combined with characterizing words, are included in the context of describing the appearance of a man (in ordinary and extreme situations).

The verbal portray of a Khakass man is represented by multilevel (mainly syntactic and lexical) linguistic means. The key units are *sinnig* “tall”, *xara sas* “black hair”, *xara xaraxtar* “black eyes”, *xara sagallig* “with black mustache (beard)”, *čas* “years”, *ciit* “young”, *kiir* “old” and etc. The discursive context also includes somatisms (the names of body parts and internal organs) in combination with characterizing words. The external image of a Khakass man is more likely to emphasize such semantic details as height, physical strength, age, clothes, and facial features.

Keywords

Khakass language, literary text, external image, man, description

Acknowledgements

The work was carried out with the financial support of the grant of RFBR No. 19-012-00080 “Cognitive and ideographic aspects of reconstruction of an image of the person according to languages of indigenous people of Siberia (on the example of the Khakass, Buryat and Khanty languages)”

For citation

Chertykova M. D. Jazykovaja reprezentacija vneshnego obraza hakasskogo muzhchiny: semantiko-kognitivnyj aspekt opisaniya (po materialam hudozhestvennyh proizvedenij) [Linguistic representation of the external image of a Khakass man: semantic-cognitive aspect of description (based on literary works)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 108–117. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-108-117

Цель статьи – выявить средства описания внешнего облика хакасского мужчины и определить его образ в художественных текстах на хакасском языке с семантико-когнитивной точки зрения. Отметим, что выявление единого образа хакасского мужчины на материале художественных произведений – непростая задача, поскольку художественный текст как цельная и структурированная система языковых средств отличается уникальностью и открытостью идейного пространства. Известно, что художественные произведения характеризуются жанровыми категориями и создаются по законам индивидуального восприятия и ассоциативно-образного мышления автора. При этом, помимо изображения жизненного пространства, включая персонажей, художественная литература всегда обладает подтекстным и имплицитным смыслом, тем самым в описаниях обычно присутствует вторичная действительность. Исследованию языка художественного произведения в литературоведении, философии и лингвистике посвящено немало работ [Бахтин, 1976; Рубцова, 2017 и др.]. Тематика образа человека в хакасском языке с лингво-

когнитивных позиций разрабатывается впервые. В данной работе использованы относительно новые когнитивные, лингвокультурологические и прагматилистические методы и принципы, использованные в работах Ю. Д. Апресяна [1995], Н. Д. Арутюновой [1999] и др. Языковой образ человека отличается целостностью, многогранностью своего проявления и, соответственно, обуславливается необходимостью разработки комплексных методов его исследования. Тем самым лингвистические приёмы портретирования человека учитывают лингвокультурологические, лексические, синтаксические и морфологические аспекты исследования.

Н. Д. Арутюнова в концепте «образ» отмечает два особенно важных момента: «1) установление корреляции между формой (достаточно определенной) и не определенным содержанием; 2) размежевание между тем, что считается принадлежащим объективному миру и тем, что локализовано в пространстве сознания» [1999, с. 323]. Из сказанного следует, что языковой образ человека на начальном этапе представляется во внешней и внутренней формах. Далее каждая из этих форм актуализирует различные ипостаси: внешние и внутренние качества, принадлежность к определенной среде, умственные, эмоциональные и поведенческие характеристики человека. В задачи нашего лингвистического анализа текстов художественных произведений входит изучение внешнего облика хакасского мужчины. При этом к внешней сфере художественного персонажа мы относим информацию о его внешнем облике, включающем манеры поведения, одежду, фигуру, черты лица и т. д., которая репрезентируется средствами различных языковых уровней.

Как показывает наш материал, наиболее значимым и важным в характеристике персонажа является общее изображение его наружности, тем самым писатель передает не только представление о социальном статусе и личных качествах героя, но и свое оценочное отношение к нему. Примеры: *Пістің классар Тимур килібіскен. Сіліг, позда оол. Кискен кибі агаа өнетін тігілген осхас, чалтырама. Көп хызыцах, андар көріп, улуг тын сал турчаң* (Ит, 154) ‘В наш класс пришел новичок Тимур. Здоровый, красивый парень. Его красивая одежда казалась сшитой специально для него. Многие девочки, смотря на него, тяжело вздыхали’; *Пүдізі Ачаң абаазының сылагай арах. Сыны пөзік. Содаң теер тон кис салтыр. Путьхал парган састары хара киндір осхас, сырайына чапсынглап партыр. Пірееде пыроланчатхан харатарында тарыныс көрін килче* (Ит, 125) ‘[Его] старший брат Ачан был немного стройным. Высокий [ростом]. В старенькой короткой шубе. [Его] растрепанные волосы, как черная конопля, прилипли к лицу. В [его] виноватых глазах иногда проскальзывает злость’. В этих примерах описываются характерные приметы во внешности мужчины: рост, фигура и одежда.

Одним из важных смысловых деталей в образе мужчины является его рост (*сын*), который может быть: *пөзік* ‘высокий’, *ортымах* ‘средний’, *чабыс* ‘низкий’. *Аның аарлыг көлөнізі – пу пөзік махачы оол* (Кх, 14) ‘[Ее] дорогая любовь – этот **высокий** отважный парень’; *Ана анаң бригадир Орозмат піссер, от сабындызынзар, пөзік, пүгір арах, сол азагына ахсах солдат асыл килген* (Д, 16) ‘Затем бригадир привел к нам на сенокос **высокого**, чуть горбатого, хромящего на левую ногу солдата’. Приведенные прилагательные имеют широкую семантику, в силу чего они способны характеризовать не только рост человека, но и другие объекты: *пөзік таг* ‘высокая гора’, *чабыс сиден* ‘низкий забор’, *ортымах школа* ‘средняя школа’ и т. д. Однако при сочетании с существительным *сын* ‘рост’ с аффиксом обладания *-ныг* (*сынныг* ‘с ростом’) определяется рост человека: *чабыс сынныг* ‘низкорослый, низкого роста’, *пөзік сынныг* ‘высокого роста’, *ортымах сынныг* ‘среднего роста’. Примеры: *Алнында чабыс сынныг Лопатиннің орнына пөзік кізі көні пас килиген* (Ит, 120) ‘Ему навстречу, вместо **низкорослого** Лопатина, прямо шел высокий человек’; *Хадарарга халган чабыс сынныг солдат, тастына улуг тулуп кис салганда, кічичегес тогылах арах көпөнге төдөй көрінген. Ол солдаттың ады Мачай полган* (Ит, 116) ‘Когда оставшийся караулить **низкорослый** солдат надел тулуп, он смотрелся как маленький круглый пень. Звали этого солдата Мачай’.

Лексема может допускать индивидуальные, непривычные сочетания, которые мы склонны относить к авторским: *тохчах сынныг* ‘короткого роста (о низком и толстом человеке); коротышка’, *узун сынныг* ‘высокого (букв. длинного) роста’, *арбын сынныг* ‘крупного роста’. Примеры: *Орай ширде хыс тутхын-*

нап килген чурттың туюх аңмарында **тохчах сынныг** Олакай, тітіресчеткен холларынаң хурын чир дее орта палган полбин, төзек хырында талтайып тур салган (Кх, 13) ‘Поздно вечером в закрытом амбаре дома, куда привезли девушку, **коротышка** Олакай стоял возле кровати, расставив ноги, и никак не мог трясушимися руками завязать пояс [своих] штанов’; *Толька кил көр! Ух тазыли ла түзер, – ырганыза түскен сылых хан тутхынчыларзар кічицек мылтиин көстебіскен узун сынныг, ніскечек чалаң оол* (Кх, 17–18) ‘Только попробуй подойти! Получишь пулю! – **высокий** (букв. с длинным ростом) худощавый всадник направил [свое] ружье на красных от крови похитителей (девушки)’; *Мал соонча ніскечек азахтыг, погда сынныг оол пастырчатхан* (Чх, 12) ‘Следом за скотом шел **крупный** (букв. крупного роста) парень с тонкими ногами’; *Арминек – арбын сынныг, сыырах паза тіспен оолах* (То, 10) ‘Арминек – крупный (букв. ростом крупный), сильный и трудолюбивый мальчик’.

В хакасском языке рост может также определяться сочетанием существительного *сын* с аффиксом принадлежности =ы и прилагательного, стоящего в постпозиции, например: *сыны хысха* ‘низкого роста’ (букв. рост [его] короток), *сыны узун* ‘высокого роста’ (букв. рост [его] высок) и т. д.: *Сыны хысха, сым одыр полбас бригадир, тізең, пөзік Даниярның хырында сиртеңнеес суг көгілдіцегіне төйі көрінген* (Д, 16) ‘Подвижный, **невысокий** (букв. короткий) **ростиком** бригадир возле высокого Данияра был похож на кокетливого речного кулика’.

В художественном описании внешности мужчины обращается внимание на его одежду. Данная содержательная тема разворачивается различными языковыми способами (лексическими, морфологическими, синтаксическими), что соотносится с ситуативными представлениями и образным строем персонажа. В подобных конструкциях обычно глагол *кис* = ‘надевать’ сочетается с наименованиями одежды: *Мин хара ыстан кизіп, ах көгенееме узун чачахтыг чібек хурымны хурчаныбызам, чачахтары, күн сузы чіли чилбірезерлер* (Чх, 12) ‘Я, надев черные штаны, повяжу на белую рубашку шелковый пояс, его кисточки будут колыхаться, как солнечные лучи’.

В описании внешности хакасского мужчины наименования одежды выступают с аффиксом обладания =лыг / =ліг; =ныг / =ніг; =тыг / =тіг: *Чаачы киптіг, пөрігі кеен иде хыйын, позы күлінмин дее көрче. Кірбік сагаллыг морсымныг ир осхас. Пот, хулахтары ла халбайысча* (Ит, 119) ‘В военной форме, шапка набекрень, сам смотрит улыбаясь. Кажется, такой достойный, усатый мужчина. Вот только уши торчат’; *Суглан парчатхан харахтарын кизідең чазырып, хызыл курткалыг чиит ирен соох тамбурда турган* (Ит, 11) ‘Пряча свои мокрые от слез глаза, молодой мужчина в красной куртке стоял в холодном тамбуре’.

Надо отметить, что в произведениях, описывающих жизнь хакасов дореволюционного периода, особое внимание обращается на национальную одежду персонажей, характерную для того времени. *Хызыл көгенектіг, торғы хурлыг оол чар үстүнде чалаң турыбысхан. Махалыг, хал тутхынчы полган ол* (Кх, 12) ‘Парень, всадник в красной рубашке с шелковым поясом, остановился на берегу. Он был отважным, буйным похитителем (девушек)’. Мы считаем, что упоминание писателем в тексте национальной одежды (в данном примере – мужской рубашки с шелковым поясом) связано с необходимостью реализовать значение национальной одежды как фрагмента информации о хакасской традиционной картине мира.

В создании художественного образа хакасского мужчины немаловажное значение имеет описание его лица, которое характеризует его как личность и раскрывает внутренний мир человека. Как правило, здесь выделяются словосочетания *хара сас* ‘черные волосы’ и *хара харахтар* ‘черные глаза’, *күрең сырай* ‘тёмное (букв. коричневое) лицо’, *хара хамах* ‘темный (букв. черный) лоб’ и др. *Ол сибірек хара састыг, түзік хара хамахтыг оол – Сакис полган* (Кх, 13) ‘Этот парень с волнистыми черными волосами и низким черным лбом был Сакис’; *Ол күрең сырайлыг, ачых хара харахтыг чиит оол, апсахнаң чоохтасхан аразында, позынзар харах сыгын салып одырган* (БІа, 28) ‘Этот молодой человек, с темным (букв. коричневым) лицом, открытыми черными глазами, во время разговора со стариком посматривал [на нее] и подмигивал’; – *Көріңер прай ибіре. Табырах! – аахтаан тутхын настагчызы, аппагас тістіг, чабызах хара хамахтыг ирен* (Кх, 9) ‘– Осматривайте всё вокруг! Живо! – кричал предводитель похитителей (девушки), белоzubый, с черным низким лбом, низкорослый мужчина’.

В хакасской литературе, независимо от гендерной принадлежности персонажа, глаза часто сравниваются с черемухой (*нымырт (осхас) харахтар* ‘глаза (как) черемуха’), с черной смородиной (*харагат (осхас) харахтар* ‘глаза (как) смородина’). При этом в акцентировании черных глаз приводится сравнение именно с поспевшей черемухой или смородиной, для этого используется глагол *пыс*= ‘созревать’ в причастной форме: *пыс пар=ган, пыс=хан* ‘созревший’: *Ачис – айдас оолах. Чახсы үгренче, анаң кил көрүмнүг. Тегілек толдыра сырайлыг, пыс парган хара харагат осхас хара харахтыг* (То, 14) ‘Ачис хороший мальчик. Хорошо учится, ну, и видный. С круглым лицом, с черными, как спелая смородина, глазами’; *Ол Тоёңзар, пысхан нымырт осхас, хара харахтарын хази көрбіскен, олох көрүзін Арина Петровназар тастаан* (Ыа, 28) ‘Он внимательно посмотрел на Тоёна своими черными, как спелая черемуха, глазами, затем бросил взгляд на Арину Петровну’. Следует отметить, что черные глаза и черные волосы – это типичные внешние признаки как мужчин, так и женщин, свидетельствующие об их принадлежности к хакасскому народу.

В портретировании персонажей особое внимание уделяется глазам, поскольку они отражают весь психоэмоциональный и ментальный мир человека. Согласно контекстам литературного дискурса, глаза у хакасских мужчин могут быть не только черными, как спелая черемуха или смородина, но и задумчивыми, глубокими, злыми, веселыми и т. д. *Ачых-чарых иптүг ах сырайлыг, сагысха түсчөткөн осхас тирең хара харахтыг оол. Ол пісті история, литература, хоос хоостирга үгреткен* (То, 4) ‘Добродушный, видный, белолицый, с глубокими, задумчивыми черными глазами парень. Он обучал нас истории, литературе, рисованию’.

Однако в описании лица персонажей часто встречаются и индивидуальные черты лица, например, *игір нурун* ‘кривой нос’, *сарсых ах тастаан харах* ‘единственный глаз с бельмом’, *көк харахтар* ‘синие глаза’: *Кабрүс, сарсых ах тастаан харагын тогыландыра көрбізіп, хуластанарга маңнанган* (Кх, 18) ‘Кабрус успел замахнуться, вытаращив свой единственный глаз с бельмом’; *Лампа чариина аның игір пурны уламох улуг, көк харахтары торыспайыс турганнар. Чірік ирнін өтіре тістері ырсайысханнар* (Чх, 17) ‘В свете лампы его кривой нос стал еще больше, синие глаза таращились. Сквозь разбитые губы белели зубы’. Кодовые выражения *көк харахтар* ‘синие глаза’, *сарыг сас* ‘светлые, рыжие (букв. желтые волосы)’ почти всегда включаются в описание образа русских: *Ана ол туста, тогырхы сиденге чөлене турып, өтіг көк харахтыг, хойыг көміскеліг орыс ирен пос алынча пазын чайхаан: – Ай-ай-ай-ай... Беда, беда...* (Кх, 19) ‘Как раз в это время возле забора напротив русский мужчина, с выразительными синими глазами и густыми бровями, стоял, качая головой и [говорил]: – Ай-ай-ай-ай... Беда, беда...’; *Хачан пу сарыг састыг, андагох сарыг түктүг сырайлыг, ариинча көңні чатпинчатхан, таныс нимес кізінің хольында ээзінің хамчызы силе түскенде, чохыр адай тастых ойлаан* (Ыа, 12–13) ‘Когда в руках этого незнакомого, чуждого человека, с рыжими (букв. желтыми) волосами и с такой же рыжей (букв. желтой) бородой, засвистела плеть ее хозяина, пестрая собака отбежала в сторону’. Индивидуальные черты хакасского мужчины отображаются не только на его лице, но и во всем теле, в фигуре: *Даниярның узун, ніскечек азахтары, амох ла суурын парардаг, чалбах түрейліг кирза өдіктерде салбахтасханнар* (Д, 19) ‘Длинные, тонкие ноги Данияра бултыхались в кирзовых сапогах’.

При описании лица мужчины, как правило, отмечают усы (*кірбе сагал*) и борода (*сагал*). *Ағбай парган пухалых сагаллыг Сибуча хысхацах ніңнерінең азыра сырайчатхан сөкк холларын столга саап одырған* (Кх, 14) ‘Сибуча, с отросшей, запутанной бородой, сидел и ударял об стол свои костистые руки, торчащие из коротких рукавов’. Часто встречается контекстуальное акцентирование цвета усов и бороды. При этом хакасские мужчины предстают как обладатели черных усов и бороды (*хара сагаллыг* ‘с черными усами (бородой)’), а русские мужчины – светлых (*сарыг сагаллыг* ‘с рыжими усами (бородой)’). *Сагдай, ортылап парган, хара кірбе сагаллыг ирен, чочыбишаң тура хонган* (Ыа, 8) ‘Сагдай, мужчина средних лет с черными усами, испугался и соскочил с места’; *Анаң сарыг сагаллыг орыс ирен кізі сых килген, соонаң Пычон наган улап салган сыхча* (Ыа, 27) ‘Оттуда вышел русский мужчина с рыжей бородой, за ним, направив на него наган, выходит Пычон’.

Словесное изображение черт лица является также одним из распространенных литературных приемов раскрытия характера героя и его психологического состояния. Данный вид описания в литературе именуется психологическим портретом. Описание особенностей губ, глаз, бровей дают представление не только о жизни героя, но и об отношении писателя к нему: *Хайдаг-да чабал, угаа хахастыг ниме сагынып алган одыр пу сізік сырайлыг, ікі ээктіг, терпек хазан түңдерген осхас настыг тадар* (БІа, 30) ‘Кажется, задумал что-то недоброе и очень странное этот хакас, **с опухшим лицом, с двумя подбородками и с головой, как перевернутый котел**’. Описываемые автором внешние качества отрицательного героя, хакасского мужчины (опухшее лицо, двойной подбородок, большая круглая голова), соответственно, вызывают к нему читательскую антипатию. А образ положительного героя вызывает теплые чувства: *Даниярның ахсы пулуңнарында хатыг тырысхатыг ніске ирнілері хақан даа ник пүре тудылых полчаңнар, харахтары амыр, чобаглыг көрчеңнер, ээлчек көміскелері ле аның сөбк-саах, хақан даа майың сырайын тіргісчеңнер. Піреде ол, пасхаларына пілдістіг нимес ниме ис салган чілі, сиргектенібісчең, андада көміскелері өөр учухчаңнар паза харахтары пілдізі чох хайхаснаң көрчеңнер. А соонаң ол күлінчең паза нимее-де өрінчең* (Д, 16) ‘Тонкие губы **с глубокими морщинами между уголками рта** Данияра всегда были плотно закрыты, **глаза были спокойными и грустными** (букв. смотрели спокойно и грустно), только **подвижные брови** оживляли его бледное лицо. Иногда он замирал, как будто услышал то, что неизвестно другим. Тогда его брови летели вверх и глаза смотрели как-то загадочно. Затем он улыбался и чему-то радовался’. В данном предложении важными смысловыми деталями являются соматические единицы в сочетании с характеризующими словами: *хатыг тырысхатыг ніске ирнілері* ‘[его] тонкие губы с глубокими (букв. с твердыми) морщинами’, *ээлчек көміскелері* ‘[его] подвижные брови’, *майың сырайы* ‘[его] бледное лицо’, которые содержат положительную коннотацию. Изображенные в композиционном единстве особенности функций отдельных частей лица (описание настроений и размышлений): *харахтары амыр, чобаглыг көрчеңнер* ‘[его] глаза смотрели спокойно и грустно’, *көміскелері өөр учухчаңнар паза харахтары пілдізі чох хайхаснаң көрчеңнер* ‘брови летели вверх и глаза смотрели как-то загадочно’ – подчеркивают объективные и индивидуальные качества героя. В результате использования таких средств мы получаем относительно полный и выразительный образ человека. Тем самым соматизмы с характеризующими элементами в портретном описании героя используются автором как стержень, на который нанизывается информация об индивидуализации образа. «Структурно-идентифицирующие соматизмы называют черты внешности, которые либо присущи отдельным персонажам, либо являются для них решающими при определенных обстоятельствах» [Саликова, 2013, с. 245–246].

К категории индивидуализации и неповторимости образа героя, хакасского мужчины, относится и описание его внешности в определенных, экстремальных ситуациях, где приобретают особую значимость включенные в дискурсивный контекст соматизмы в совокупности с характеризующими словами. *Таныс нимес чиит оол өліг чілі пілдірген. Аның ирнілері азых, көбелері көк, сахар осхас ах тістері чапсыныс парган осхастар. Оң чыхчозында көк чатча, хара састары ханга чаба хатхлап партырлар* (БІа, 13) ‘Незнакомый молодой парень казался мертвым. Его **губы были открыты, десна синими**, белые, как сахар, зубы были замкнуты. На правом виске был синяк, черные волосы слиплись от высохшей крови’; *Ана анчада хызыл сии тырбахтат салган, халбах ирні уламох чамдыхти халбайта сіс парган Олакай кире салган* (Кх, 14) ‘В этот момент зашел Олакай, весь исцарапанный до крови, его **толстые губы** опухли еще больше’; *Нанчым хая үстүнде, учугарга итчеткен ылачын чілі, турган. Хырлаң пурны андарох чап хустар хаахазына кибірліг көрінген. Ніске хара харахтарында махачызы пілдірген* (То, 10) ‘[Мой] друг стоял на вершине скалы, как сокол, готовящийся к полету. [Его] **нос [с отчетливо очерченными ноздрями]** был похож на клюв хищных птиц. В [его] узких черных глазах просвечивалась отвага’. Актуальный смысл подобных конструкций направлен на оценочную интерпретацию не столько происходящей ситуации, сколько на психологическое состояние и поведение мужчины. При этом ситуативное проявление внешней характеристики мужчины не разрушает его стереотипный образ.

Помимо соматической лексики, в конструировании образа мужчины в экстремальных ситуациях используются также наименования одежды и их частей: *Чурт ээзі сарсых ніңі үзе тартылган көгенектіг,*

көксін хыылада тынып ала, Ягорзар кизилер аралы хазыр көріснең олаңнап килген. Аның холлары, мойны, тохчах сырайы – прай тырбахтат салган полганнар. Сарыг тістерінде хан көрінген (Кх, 18) ‘Хозяин дома, в рубашке с оторванным рукавом, тяжело дыша, со злостью в глазах приблизился к Ягору сквозь толпу людей’. Как видим, образ хакасского мужчины может быть и динамичным, в зависимости от социальных условий и ситуаций.

В художественном портретировании мужчины-хакаса немаловажное значение имеет и его возраст, представляемый средствами различных языковых уровней. Ключевым словом является здесь число в сочетании с лексемой *час* ‘лет’. При этом обычно упоминается приблизительный возраст: *хырых часха чагын* ‘около сорока лет’, *алтон час ас парган* ‘переваливший шестьдесят лет’ и т. д. **Читон часха хаап таа парган полза, пу апсах Фёдор Павловичке чиит кизи чили пілдірген. Аның тістері, аллыг хатхырза, хазарыза түсчеткеннер** (Ыа, 23–24) ‘Этот старик, хоть и достиг **семидесяти лет**, Фёдору Павловичу казался молодым. Когда [он] широко улыбался, его белые зубы блестели’. Часто для выражения приблизительного возраста используются числительные приблизительного счета, образованные путем присоединения *-ча / -че; -ца / -це* к основе количественного числительного, например: *отысча частыг* ‘примерно тридцать лет’, *илігче частыг* ‘примерно пятьдесят лет’ и др.; *Хол мылтыгын чогар тазыладыбызып, чабал табыснаң орли түскен чибіргіче частыг оол* (Кх, 16) ‘Выстрелив из нагана в воздух, парень **лет двадцати** заорал страшным голосом’.

В следующих предложениях при акцентировании возраста мужчины используются лексемы, указывающие на жизненную силу и энергию этого возраста. Лексема *күзіндегі* (букв. в его силе) отсутствует в «Хакасско-русском словаре» [2005], но, на наш взгляд, ее можно считать самостоятельной лексической единицей, поскольку она частотна в речи и используется исключительно по отношению к мужчинам. Данное слово символизирует определенный (средний) возраст, когда человек бывает наиболее трудоспособным, здоровым, физически крепким и энергичным. *Аксин – ол хырых ас парган күзіндегі кизи, Илонаның, Ах кістерөк хызының, ирі* (Кх, 16) ‘Аксин – переваливший сороколетний возраст мужчина в расцвете сил. Он муж Илоны, женщины тоже из рода Ах кистер’. Лексема *мирчең* ‘упрямый; непробиваемый; невозмутимый’ также имплицитно подразумевает признак жизненной силы и крепости духа: *Олакай, мирчең, хырых азыбысхан ирен, абахай хызының алнына тынын сала турысхан* (Кх, 16) ‘Олакай, невозмутимый мужчина, переваливший за сорок лет, был готов отдать свою жизнь, заступаясь за свою красавицу-дочь’.

В обозначении возраста мужчины используются также определения: *чиит* ‘молодой’, *киир* ‘старый’, *кичиг* ‘маленький’, *частан парган* ‘старый’, *улгаат парган* ‘пожилой’ и др. *Сакис, прайзынаң даа чиит, ныхтам сынның полган. Анаң, адына хамчы саап, улуг чүгүрістөк изер үстүнең иб хыринзар сегірібіскен. Чибек хурынаң паза хызыл ис көгенеенең түүк үстүнде чалбыри турыбызып, ол пазох хыйгы пир сыххан. Махалыг, хал тутхынчы полган ол* (Кх, с. 9) ‘Сакис был **моложе всех**, плотного телосложения. Ударив плеткой коня, на большой скорости спрыгнул с седла возле юрты. В развевающейся на ветру красной рубашке с шелковым поясом, стоя на тюке, он снова бросил клич. Он был буйным и отважным похитителем (невест)’. *Пис чыл мының алнында оларның пабалары, чиит, күстіг, тик пүдістіг иреннер, анынаң хада хаңаалыг райвоенкоматсар чол тутханнар* (Ит, 14) ‘Пять лет назад их отцы, **молодые**, сильные, крепко сложенные мужчины, вместе с ним на лошадях держали путь в райвоенкомат’. – *Рус мин пілбинче, – ипчизер көрбин дее чоохтанган хызыл пулгах чиит оол* (Ыа, 27) ‘– Русский я не знает, – даже не взглянув на женщину, сказал розовощекий **молодой** парень’. В приведенных примерах можно выделить синонимичные выражения *ныхтам сынның* ‘плотного телосложения (букв. с плотным, крепким ростом)’, *тик пүдістіг* ‘крепко сложенный (рост)’, которые так же, как и рассмотренные выше лексемы *күзіндегі* (букв. в его силе) и *мирчең* ‘упрямый; непробиваемый; невозмутимый’, апеллируют к зрительному оценочному восприятию силы, крепости и энергии мужчины. К лексемам, характеризующим внешний облик мужчины, мы относим также прилагательное *күстіг* ‘сильный’, смысловый синкретизм которого заключается в выражении как внутренней, так и внешней силы. *Адал халар ба күстіг Сапонның ады* (Кх, 16) ‘Останется ли имя **сильного** Сапона в народе?’. *Кабрүс ле, чоон, күстіг ирен, хой пазынча хырлыг тас хаап алып, хабыргали тогыртын*

наганныг оолзар көблөчө чагдаан (Кх, 18) – Только Кабрус, крупный, **сильный** мужчина, взяв камень величиной с овечью голову, прячась, незаметно, боком приближался к парню с наганом’.

Субъективное восприятие образа хакасского мужчины передается глаголом *көр* = ‘смотреть; видеть’: *Ол піди көрзөң, ниее чарабас арах ла оолгыцах полган. Сіліг дее ниеес, погда даа ниеес* (Ит, 154) ‘**Если посмотреть** на него со стороны, он казался таким ничемным мальчиком. И не красив, и не здоров (т. е. низкого роста)’. *Тис, тис, пицечеем, мин Олакайны көр полбинчам. Талтах, ирні халбах* (Кх, 11) ‘Убегай, убегай, [моя] сестрица, я **не могу смотреть** на Олака. Косолапый, с толстыми губами’. Здесь видим оценочное отношение языковой личности или говорящего к образу мужчины, которое может в некоторой степени строиться и на объективных данных (*сіліг дее ниеес, погда даа ниеес* ‘и не красив, и не здоров (т. е. низкого роста)’, *талтах* ‘косолапый’, *ирні халбах* ‘[его] губы толстые’ и др.). В семантику глагола *көр* = ‘смотреть; видеть’ включается сложная разновидность зрительного восприятия – впечатление, которое производит на говорящего или же другого персонажа художественной литературы внешний вид человека (в нашем случае мужчины). В следующем предложении: – *Эй, син, Данияр полдың ма? Тастынаң иренге төбөйзің, чол паста!* (Д, 20) – ‘Эй, ты же Данияр, да? **На вид [ты] похож на мужчину**, иди вперед (букв. начинай путь)!’ также реализуется признак зрительного субъективного восприятия, впечатления. При выпадении глагола *көр* = ‘смотреть; видеть’ с аффиксом условного наклонения (*тастынаң көр=зе* ‘если смотреть по внешнему виду’) ключевой единицей остается здесь *тастынаң* ‘на вид; по внешности’. В целом же, предложение *Тастынаң [көрзе], иренге төбөйзің* ‘На вид [ты] похож на мужчину’ обнаруживает прагматический аспект субъективного впечатления: судя по внешнему виду, этот человек обладает всеми мужскими качествами. Выразительно и точно передать общее приятное впечатление о мужчине, обладающем всеми мужскими качествами, может прилагательное *сіліг* ‘красивый’. *Пір хыс: «Йо, хайдаг сіліг оолахтыр» тіп, андар пас парып, хучахтирге сыыныбысхан* (Ит, 155) ‘Одна девушка, сказав: «Ой, какой **красивый** мальчик», подойдя к нему, захотела его обнять’. Однако прилагательное *сіліг* ‘красивый’ обычно применяется для характеристики женщин и девушек.

Таким образом, в результате рассмотрения внешнего образа хакасского мужчины с позиций когнитивной семантики и лингвокультурологии приходим к следующим выводам:

– поскольку статья основана на материале хакасских художественных произведений, где стереотипный эталон образа мужчины является вымышленным, соответственно, все средства его характеристики и описания входят в систему литературных образов;

– в ходе лингвосмыслового анализа текстов художественных произведений выявлено, что образ хакасского мужчины репрезентируется различными разноуровневыми языковыми средствами, чаще синтаксическими и лексическими;

– в описании внешнего облика хакасского мужчины акцентируются следующие смысловые детали: рост, физическая сила, возраст, одежда, черты лица;

– в описании внешности мужчины, находящегося как в обыденной бытовой обстановке, так и в экстремальных ситуациях, особую значимость приобретают включенные в дискурсивный контекст соматизмы в совокупности с характеризующими словами;

– наиболее значимыми в словесном портретировании хакасского мужчины являются ключевые единицы: *сынныг* ‘с ростом’, *хара сас* ‘черные волосы’, *хара харахтар* ‘черные глаза’, *хара сагаллыг* ‘с черными усами (бородой)’, *час* ‘лет (о возрасте)’, *чиит* ‘молодой’, *киир* ‘старый’ и др. Субъективное восприятие образа хакасского мужчины передается глаголом *көр* = ‘смотреть; видеть’;

– эталон хакасского мужчины обусловлен его физической привлекательностью, национально-специфические параметры которой определяются внешним проявлением силы (*күстіг* ‘сильный’) и здоровья (*погда* ‘здоровый, крупный’, *хызыл пулгах* ‘пышущий здоровьем’, соотв. русск. *кровь с молоком*).

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 2-е изд., испр. 896 с.
- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
- Бахтин М. М. Проблема текста: опыт философского анализа // Вопросы литературы. 1976. № 10. С. 308.
- Рубцова С. П. Художественный текст как предмет понимания в лингвистике и философии // Вестник ВГУ. 2017. № 4. С. 54–68.
- Саликова Н. А. Соматизмы в портретных описаниях в романе Джоан Роулинг «Гарри Поттер и Орден Феникса» // Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання: матэрыялы II Рэсп. навук.- практ. канф. маладых вучоных. Мінск. 22 сак. 2013 г. / Адк. рэд.: П. І. Навойчык; Беларус. дзярж. ун-т. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2013. С. 244–248.
- Художественный текст: онтология и интерпретация: Сб. статей / Саратовский межрегиональный центр по изучению художественного текста, Саратов. гос. пед. ин-т им. К. А. Федина. Под ред. Б. Л. Борухова, К. Ф. Седова. Саратов, 1992. 163 с.

Список текстовых источников

- Д Айтматов Ч. Джамия. Повесть-тер. (На хакасском языке). Аґбан: хакас книга сыгарчан. 1992. 240 с.
- Ит Татарова В. К., Топоев И. П., Чапрай (Котожеков) А. И. и др. Иртенгі тан (Утренний ветерок). Повесть и рассказы на хакасском языке. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва. 1986. 184 с.
- Кх Нербышев Каркей. Көгім хорымнарда. (У синих утесов). Роман. Пастағы книга. Аґбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1983. 207 с.
- То Бурнаков Ф. Тигір оды. Повесть. Аґбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1977. 138 с.
- Ыа Доможаков Н.Г. Ыраххы аалда. Роман. Абакан: Хакас. отд. Красноярского книж. изд-ва. 1975. 255 с.
- Чх Костяков И. Чібек хур. Роман. Аґбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1989. 232 с.

References

- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of a man]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, 2nd ed., corr., 896 p. (In Russ.).
- Apresyan Yu. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The image of a man according to the language data: An attempt of systemic description]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1995, no. 1, pp. 37–67. (In Russ.).
- Bahtin M. M. *Problema teksta: opyt filosofskogo analiza* [The problem of text: the experience of philosophical analysis]. *Voprosy literatury*. 1976, no. 10, p. 308. (In Russ.).
- Khudozhestvennyy tekst: ontologiya i interpretatsiya [Artistic text: ontology and interpretation]. In: *Sbornik statej [Collected papers]*. In: *Sbornik statej. Saratovskiy mezhregional'nyy tsentr po izucheniyu khudozhestvennogo teksta, Saratovskiy gos. ped. in-t im. K. A. Fedina* [Saratov interregional center for the study of literary text, Saratov state pedagogical Institute named After K. A. Fedin]. B. L. Borukhov, K. F. Sedov (Eds). Saratov, 1992, 163 p. (In Russ.).
- Rubtsova S. P. *Khudozhestvennyy tekst kak predmet ponimaniya v lingvistike i filosofii* [Artistic text as a subject of understanding in linguistics and philosophy]. *Vestnik VSU*. 2017, no. 4, pp. 54–68. (In Russ.).
- Salikova N. A. *Somatizmy v portretnykh opisaniyah v romane Dzhoan Rouling "Garri Poter i Orden Feniksa"* [Somatisms in the portrait descriptions in Joan Rowling's novel "Harry Potter and the order of the Phoenix"]. In: *Mova i litaratura u 21 stagoddzi: aktual'nyya aspekty dasledavannya: materyyaly 2 Resp. navuk.- prakt. kanf.*

maladyh vuchonyh. Minsk. 22 sak. 2013 g [Language and Literature in the 21th Century: Current Aspects of Research: Materials of the 2nd Resp. sci.-prakt. conf. of young scientists. Minsk. 22 March, 2013]. P. I. Navoychyk (Ed. in. ch.); Minsk, Vyd. centr BDU, 2013, pp. 244–248. (In Russ.).

*Материал поступил в редколлегию
The manuscript was submitted on
09.06.2020*

Сведения об авторе

Чертыкова Мария Дмитриевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. (Абакан, Россия)

E-mail: chertikova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7467-4388

Researcher ID R-8898-2016

Information about the Author

Maria D. Chertykova – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Research and the Sayan-Altai Turkology of Katanov Khakass State University (Abakan, Russia)

E-mail: chertikova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7467-4388

Researcher ID R-8898-2016

УДК: 811-512.12
DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-118-125

**Лексические синонимы в эвенкийском языке
(на примере прилагательных, обозначающих черты характера человека)**

Т. Е. Андреева

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия*

Аннотация

В статье описываются лексические синонимы эвенкийского языка на примере прилагательных, обозначающих черты характера человека; раскрыта их природа и дана общая характеристика с выявлением специфических особенностей.

В работе применены наиболее приемлемые для эвенкийского лексического материала критерии синонимичности, существующие в теоретической литературе и применяемые в исследовательской практике лексической синонимии различных языков. Выявлены пути и способы образования синонимических ресурсов. Разработан принцип подбора синонимических рядов в эвенкийском языке, выделения доминанты. Выявлены специфические особенности синонимических рядов лексико-грамматической категории прилагательных эвенкийского языка, даны характеристики выделенных типов лексических синонимов.

Основопологающим в определении лексических синонимов является понимание их как различных языковых единиц, выражающих одно понятие. Основным критерием выделения лексических синонимов в эвенкийском языке является общность семантической основы с допуском различий семантического, стилистического, эмоционально-экспрессивного характера в пределах одного понятия. Дополнительным критерием является взаимозаменяемость синонимов при определении их значений.

Ключевые слова

эвенкийский язык, лексическая синонимика, прилагательные, семантика, способы образования

Для цитирования

Андреева Т. Е. Лексические синонимы в эвенкийском языке (на примере прилагательных, обозначающих черты характера человека) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 118–125. DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-118-125

**Lexical synonyms in the Evenki language
(a case study of adjectives denoting the traits of a person's character)**

T. E. Andreeva

*Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The article describes the lexical synonyms of the Evenki language by the example of adjectives denoting the character traits of a person. Their nature is revealed, and a general characterization is given, with specific features identified. The study has employed the most applicable synonymic criteria for Evenki lexical material described in

© Т. Е. Андреева, 2020

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

the theoretical literature and used in the research practice of the lexical synonymy of different languages. The ways and means of synonymous resource formation have been revealed. The principle of selecting synonymous series in the Evenki language and allocating the dominant has been developed. The specific features of the synonymic series of the lexical-grammatical category of Evenki adjectives have been clarified, as well as the selected types of lexical synonyms have been characterized.

When defining lexical synonyms, it is fundamentally important to understand them as different linguistic units expressing the same concept. The main criterion for distinguishing lexical synonyms in the Evenki language is the commonality of the semantic basis, allowing for the differences of the semantic, stylistic, emotionally expressive nature within the same concept. An additional criterion is the interchangeability of synonyms in determining their meanings.

Keywords

Evenki language, lexical synonymy, adjectives, semantics, methods of education

For citation

Andreeva T. E. Leksicheskie sinonimy v evenkijskom jazyke (na primere prilagatel'nyh, oboznachajushhih cherty haraktera cheloveka) [Lexical synonyms in the Evenki language (a case study of adjectives denoting the traits of a person's character)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 118–125. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-118-125

Введение

Имя прилагательное в эвенкийском языке относится к наименее изученной и наиболее сложной для исследования части речи. В эвенкийском языке прилагательные могут быть охарактеризованы как слова с семантикой качества и признака. В отличие от алтайского языка, в исследуемом языке прилагательные изменяются по числам и падежам, в ряде случаев они могут принимать притяжательные аффиксы [Константинова, 1964, с. 102].

Примеры: *Нууртын аялду омакталду гүлэлду бидерэ* 'Они живут в хороших новых домах'; *Эрулви итылви нуун омурон* 'Он забыл свои плохие привычки'.

Однако согласование прилагательного с существительным в форме принадлежности не носит регулярный характер.

В работе О. А. Константиновой «Эвенкийский язык» отмечается, что «в предложении прилагательные служат определениями, выражая признак предмета атрибутивно или предикативно» [1964, с. 102], например: *ала диктэ* 'вкусная голубика', *диктэ ала* 'голубика вкусная', *диктэ ала бичэн* 'голубика была вкусной'; *урэ гүгда* 'высокая гора', *урэ гүгдан* 'гора высокая'.

По традиции прилагательные в эвенкийском языке, как в русистике и тюркологии, делятся на качественные и относительные. Качественные прилагательные выражают наиболее общие признаки, присущие большинству предметов. Практически все они выражают не только качественный признак предмета (*ая бэе* 'хороший человек', *эру тыргани* 'плохой день'), но могут обозначать качество предмета как субстанцию (*Эр хунат ая-ва-н сарэн* 'Мы узнали доброту этой девушки') и употребляются в значении предикативного наречия [Константинова, 1964, с. 103].

Качественные имена прилагательные делятся на непроизводные (или первичные) и производные. К непроизводным относятся: *ая* 'хороший', *эру* 'плохой', *хэгды* 'большой', *гүгда* 'высокий', *хулукун* 'маленький', *ургэ* 'тяжелый' и т.п. Качественные прилагательные в эвенкийском языке являются преимущественно непроизводными [Константинова, 1964, с. 103].

Производные качественные прилагательные с суффиксом **-пчу** образуются от основ качественных непроизводных прилагательных, некоторых глаголов и существительных [Лебедева, Константинова, Монахова, 1985, с. 87]. Примеры: *сэвдэпчу* 'веселый', *мэргэпчу* 'грустный' и т.д. К числу производных качественных прилагательных относятся некоторые существительные с суффиксом обладания **-чи**, перешедшие в разряд прилагательных [Лебедева, Константинова, Монахова, 1985, с. 87]. Примеры: *атачи (торгон)* 'завистливый', *иргичи* 'умный', *мэвачи* 'сердечный' и т.д.

Относительные прилагательные выражают признак предмета по его отношению к другому предмету, действию, времени, пространственным и количественным представлениям. Они, в отличие от качественных прилагательных, имеют производную основу: *кунакады* 'детский' от *куна-* от 'ребё-

нок, дети', *этэегин* 'жадный' от *этэе-* 'скупиться', *дялдамэ* 'вдумчивый, задумчивый' от *дял-* 'мысль', *иникин* 'живой' от *ин-* 'жизнь'.

Качественные прилагательные в эвенкийском языке имеют степени сравнения: сравнительную и превосходную. Имя прилагательное в сравнительной степени может называть качество, свойственное данному предмету в большей мере, чем другому предмету (или предметам). «Показателем сравнительной степени является аффикс *-тмар* ~ *-мар*; после основ, оканчивающихся на носовой согласный, это *-дымар*» [Константинова, 1964, с. 105], например: *Сагданкин эүэсй. Сагданкин миндук эүэсйтмэр, миндук хэгдытмэр бдан* 'Старость сильная. Старость сильнее меня, больше меня стала'.

Прилагательные также образуют форму интенсификации (*со ая бээ* 'очень хороший человек'). Многие прилагательные адвербиализуются и функционируют как наречия (*аланчэмэ улгумидерэн* 'ласково разговаривает'); образуют антонимы: *албин* 'широкий' – *силмикун* 'узкий', *дырам* 'толстый' – *нэмкун* 'тонкий', *бургу* 'жирный' – *чулбин* 'тощий' и др.

В предложении прилагательные выступают, главным образом, в роли определения и в роли сказуемого. В речи они обычно употребляются в форме «чистой», производной основы (*эүэсй* 'сильный', *хэгды* 'большой', *гудейкэн* 'красивенький' и т.д.).

Производные прилагательные, характеризующие человека и образуемые при помощи определенных словообразовательных аффиксов, можно разделить на две семантические группы: «черты характера» и «характеристика по внешнему признаку».

1. Прилагательные, обозначающие черты характера человека, формируются при помощи следующих словообразовательных аффиксов:

а) аффиксы, образующие прилагательные от именных частей речи:

-ма / -мэ / -мо – *аяма* 'хороший, добрый' от *ая* 'добро'; *тэдэмэ* 'правильный' от *тэдэ* 'правда'; *хусикин* 'упрямый' от *хусин* 'упрямство'; *бадэмэ* 'упрямый' от *бан* 'упрямство', *муссэмэ* 'упрямый' от *муссэн* 'упрямство' и т.д.;

-гда – *чилигда* 'болтливый, языкастый' от *чили* 'язык';

-чи – *дяличи* 'умный' от *дял* 'мысль', *мэвучи* 'злбный' от *мэвү* 'ярость', *буруичи*, *буручи* 'виноватый' от *буруй* 'вина';

-ра / -рэ / -ро – *чибара*, *чилбурэ* 'лысый, плешивый' от *чиба-ка* 'плешь';

-пчу – *авуничу* 'скучный' от *авун* 'скука', *аланчэпчу* 'ласковый' от *аланчэн* 'ласка, ласковый', *аяпчу* 'хороший, красивый' от *ая* 'добро, красота', 'хороший, красивый';

-чи – *гургактачи* 'бородатый' от *гургакта* 'борода'; *илгачи* 'стройный' от *илган* 'фигура';

-рикта – *оюкторикта* 'носатый' от *оюкто* 'нос', *эсарикта* 'глазастый' от *эса* 'глаз';

-мигда – *дылимигда* 'головастый' от *дыл* 'голова', *халгамигда* 'длинноногий' от *халган* 'нога', *сэмигда* 'ушастый' от *сэн* 'ухо', *хэдюмигдэ* 'губастый' от *хэдюн* 'губа';

б) аффиксы, образующие прилагательные, характеризующие человека, от глагольных основ:

-вси – *аланчэвси* 'ласковый' от *аланчэ-* 'ласкать'; *үзлэвси* 'страшный', 'жестокий' от *үзлэ-* 'бояться'; *оловси* 'пугливый' от *оло-* 'испугаться'; *буливси* 'скучный' от *були-* 'скучать'; *каравси* 'стыдливый', 'стыд', 'стыдно' от *кара-* 'стыдиться'; *неливси* 'радостный'; 'радость' от *нели-* 'радоваться'; *үэрибси* 'светлый'; 'рассвет' от *үэри-* 'светить'; *тыливси* 'понятливый', 'понятливость' от *тыл-* 'понять'; *урувси* 'радостный', 'радость', 'радостно' от *урун-* 'обрадоваться'; *халдэвси* 'стыдливый', 'стыд'; 'стыдно' от *халдэ-* 'стыдиться';

-пчу – *гудейпчу* 'красивый', *гудей* 'красивый' от *гудей-* 'красоваться'; *дэмэрипчу* 'надоедливый', от *дэмэр-*, *дэмэрин-* 'надоедать'; *буливсипчу* 'тоскливый' от *буливсин-* 'соскучиться';

-гин – *чиругин* 'жадный', 'жадность' от *чиру-* 'скупиться'; *этэегин* 'жадный' от *этэе-* 'стеречь, скупиться'; *тэпкэгин* 'крикливый', 'крикун (о ребенке)' от *тэпкэ-* 'кричать'; *инегин* 'смешливый' от *инее-* 'смеяться';

-кас / -кэс – *үзлэкэс* 'трусливый, робкий, пугливый' от *үзлэ-* 'бояться'; *тыкулкас* 'сердитый' от *тыкул-* 'сердиться'; *сукчакас* 'вредный' от *сукча-* 'вредить'; *хенникас* 'злой, сердитый; обидчивый' от *хенни-* 'обидеться, обозлиться'; *вассэжэс* 'завистливый' от *вассэ-* 'выразить неудовольствие, обидеться';

-кин – *сирукин* 'скупой' от *сиру-* 'скупиться'; *тылилкэ* 'понятливый' от *тыл-* 'понять'; *тыкулкас* 'сердитый' от *тыкул-* 'сердиться' и т. п.

-лан / -лэн – амталан ‘чуткий’ от амта- ‘чуть’; валан ‘удачливый (в охоте)’ от ва- ‘добыть’; ба-калан ‘находчивый’ от бака- ‘находить’; долдылан ‘чуткий’ от долды- ‘услышать’; дялдылан ‘сметливый’ от дялда- ‘сообразить’; ичэлэн ‘зоркий’ от ичэ- ‘увидеть’; мауичалан ‘терпеливый’ от мауича- ‘терпеть’; нэнэлэн ‘догадливый’ от нэнэ- ‘отгадать’; уэлдусэлэн ‘нерешительный, осторожный’ от уэлдусэ- ‘быть в нерешительности’; оделон ‘бережливый’ от оде- ‘беречь’; туюлэн ‘гостеприимный’ от тую- ‘угощать’; тыкулмалчалан ‘вспыльчивый’ от тыкулмалча- ‘вспылить’; олгориан ‘ревнивый’ от олгорит- ‘ревновать’; тэпкэмэ ‘крикливый’ от тэпкэ- ‘кричать’; симулама ‘молчаливый’ от симула- ‘молчать’;

-ты – этты ‘завистливый’ от этт- ‘завидовать’;

-макта – соуомокто ‘только что плакавший’ от соуо- ‘плакать’ и др.;

-ктүра – дэвуктүрэ ‘обжористый’ от дэв- ‘съесть’; хэукэктүрэ ‘крикливый’ от хэукэ- ‘говорить, браниться’;

-рикта – оуокторикта ‘носатый’ от оуокто ‘нос’; ёсарикта ‘глазастый’ от ёса ‘глаз’.

О. А. Константинова отмечает омертвевший суффикс -м в составе прилагательных дырам ‘толстый’, уоним ‘длинный’ [Константинова, 1964, с. 112].

Прилагательные, характеризующие человека, как и прилагательные иной семантики, могут образовываться способом словосложения или редупликации, что предполагает повторение слова или основы через дефис. Например: дяличи-да-дялич ‘умный-да-умный’, дэмээр-дэмэри-пчу ‘очень надоедливый’ и др.

При помощи следующих усилительных слов образуется превосходная степень: сома хиругин ‘очень жадный’, со долдылан ‘очень чуткий’ и др.

Главными семантическими особенностями прилагательных как части речи являются такие его специфические признаки, как:

а) семантическая несамостоятельность, диктующая его изучение в сочетаниях с существительным;

б) семантическая мобильность: прилагательные легко приспосабливаются к существительным, «уподобляются» им, что лежит в основе самых разнообразных сдвигов в их значении;

в) семантическая полифункциональность, т. е. способность обозначать как признак качества, так и признаки, связанные с субстантивно выраженным действием;

г) неопределенность границ между прилагательными, в частности, прилагательными, определяющими черты характера человека.

Синонимия прилагательных

Чаще всего в тунгусоведении синонимами называются слова, близкие по значению, но разные по звучанию [Лебедева, Константинова, Монахова, 1985, с. 33].

В эвенкийском языке синонимичными могут быть однокоренные прилагательные с материально различными, но близкими по значению аффиксами. Это: а) прилагательные, характеризующие черты характера человека – тыкулкас ~ тыкунима ‘злобный, сердитый’ от тыкун- ‘сердиться’; уэлэкэс ~ уэлэкэй ~ уэлэтчэри ‘робкий, боязливый’ от уэлэ- ‘испугаться’; омоуки ~ омоуо ‘забывчивый, рассеянный’ от омоу- ‘забыть’; б) прилагательные, характеризующие человека по внешнему виду – дыли-рикта ~ дылимигдэ ~ дыликтүра ‘головастый’ от дыле ~ дыли ‘голова’; кэлдара ~ кэлдикэй ‘кривой, с бельмом’ от кэлда- ‘окриветь’ [Константинова, 1964, с. 113].

Синонимичными могут быть производные имена прилагательные: а) прилагательные, обозначающие черты характера человека, образованные от материально различных, но близких по значению или однозначных основ посредством общего словообразовательного аффикса, например: этээгин, хиругин ‘жадный, скупой’ от этээ- ‘охранять, беречь’; б) прилагательные, характеризующие человека по внешнему виду: паңара, чибара, поңараты, чибаты ‘лысый’ [Там же].

Синонимичными могут быть производные имена прилагательные, обозначающие черты характера человека, имеющие материально различные, но лексически близкие основы и материально различные, но близкие по значению образующие аффиксы: илгэпкэй, дялдэмэ ‘задумчивый, размышляющий’ от илгэ- ‘задумать, надумать’, дялдэ- ‘думать’; тыкулипчу, ахсача ‘сердитый’; игдымама, хэукэрэгдэ ‘крикливый’ от именной основы игды ‘звук, шум’, хэукэ ‘слово’ от глагольной основы хэукэ- ‘говорить, браниться’ [Там же].

А. А. Добрина пишет, что «...синонимами считаются слова, близкие по значению, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся между собой оттенками значений, стилистической окраской» [2012, с. 24]. Как видим, критерием синонимии лингвисты считают близость значений, выражающих оттенки одного понятия, которые и определяют природу синонимии. Традиционно выделяют следующие типы синонимов: абсолютные, семантические, стилистические, эмоционально-экспрессивные.

Абсолютные синонимы – «слова, полностью совпадающие по значению и употреблению, с возможным расхождением в сочетаемости» [Современный русский язык, 1984, с. 351]. Абсолютные синонимы в эвенкийском языке немногочисленны. Появлению их в языке способствовали, например, процессы заимствования из русского языка, а также проникновение в литературный язык лексических единиц диалектного происхождения. Например:

Опытнай ~ *сапка* П-Т, Е ‘толковый, умелый, знающий; опытный’;

Хэгды Учр., Члм., Ие., Чмк., Сх., Урм., З ~ *кали* И. ‘большой’;

Дяличй П-Т., Сх ~ *иргэчй* П-Т. ~ *уйдэк* (<як. *ойдөөх* ‘умный’) – I. 1) умный, смысленный; рассудительный; 2) имеющий какое-либо намерение, настойчивый; II. хитрый;

Моңнон ~ *дулбун* ~ *тэнэк* ~ *акари* ~ *лууну* ~ *тохиңи* ‘глухой’;

Куйкй П-Т. ~ *дулей* Урм., Чмк., Сх., Нрч. ‘глухой’ и т.д.

Семантические синонимы «выражают одно понятие, с различных сторон уточняя те или иные особенности, передают различную степень, силу или меру признака, действия или состояния» [Васильева, 1987, с. 114]. Семантическая синонимия характерна для единиц всех лексико-грамматических классов (частей речи) эвенкийского языка, она распространена и среди имен прилагательных. Особенности семантики прилагательных как слов, обозначающих признаки предметов и субстантивно выраженных явлений, определяют появление семантических синонимов, значения которых варьируются относительно доминанты синонимического ряда на основании появления дифференциалов, обозначающих различную степень насыщенности качества, признака, величины или оттенка т.п. Например:

ая ‘хороший’ ~ *аятку* ‘самый хороший, лучший’ передают степень признака предмета в сравнении с тем же признаком у других предметов;

хэгды ‘большой’ ~ *хэгдытку* ‘самый большой’ также передают степень признака предмета в сравнении с тем же признаком у других предметов;

хулукун ‘маленький’ ~ *хулукукэн* ‘очень маленький’ передают усиление или ослабление признака предмета в сравнении с тем же признаком у других предметов;

горопты ‘прошлый’ ~ *хатапты* ‘прежний, прошлый’.

Стилистические синонимы, будучи практически равнозначными, отличаются принадлежностью к разным стилистическим пластам лексики или функциональным сферам употребления.

Эмоционально-экспрессивные синонимы – это «синонимы, выражающие определенное отношение к высказываемому явлению, его оценку» [Васильева, 1987, с. 114]. Эмоционально-экспрессивные синонимы в эвенкийском языке представлены в основном эмоционально-экспрессивными словами, содержащими в самом значении элемент оценки и имеющие вследствие этого определенную стилистическую значимость. Например:

бургу ‘жирный’ ~ *дырам* ‘толстый’;

билчарин ‘вертлявый’ ~ *бэркэ* ‘живой’.

Огромное влияние на процессы появления синонимов и обогащение эвенкийского языка оказали языковые контакты, в частности, с русским языком, когда «осваивались» русские лексемы, как имеющие эвенкийские семантические эквиваленты, так и безэквивалентные. Например, прилагательные, имеющие эвенкийские эквиваленты: *аккуратнай* ~ *чукэты* ‘аккуратный’; *активнай* ~ *октура* ~ *окира* ‘активный’; *опытнай* ~ *аят садёри* ~ *савка* ‘опытный’; *безопаснэй* ~ *эси нэлэмунчу биси* ‘безопасный’; *беззаботнай* ~ *хивина ачин* ~ *мэргэнэ ачин* ‘беззаботный’ и др. Источниками синонимии послужили также внутренние ресурсы языка, такие, как диалектная речь (диалектизмы-синонимы) и словообразование (создание словообразовательных вариантов эквивалентной семантики). Например, заимствования, приводящие к появлению синонимов:

а) из русского языка с эвенкийскими эквивалентами – *образцовай* ~ *аяткумама* ‘образцовый’, *свободнай* ~ *чумку* ~ *колкумакан* ‘свободный’, *опытнай* ~ *аят садери* ~ *савка* ‘опытный’; без эвенкийского эквивалента – *настойчивай*, *верховнай* и т. д.;

б) из якутского языка: *эдэр* ‘молодой’ ~ *илмакта* ‘молодой’, *дядаң* ‘бедный’ ~ *дөгори* ~ *ядаку* ~ *хукэн* ~ *какира* ‘бедный’ и др.;

в) из монгольского языка: *меву* ‘вспыльчивый’ (эвенк.) ~ *батур* ~ *бятэр* ‘горячий, вспыльчивый (о человеке)’; *мэрдэрэчэ* ‘горбатый’ (эвенк.) ~ *буку*, *бэкчэ* ~ *бэкэчй* ‘горбатый, сутулый’, *чокоты* ~ *учики* ‘косой’ (эвенк.) ~ *кэлар* ~ *килар* ~ *киларин* ~ *хиллэн* ~ *хилдэн* ‘косой, косоглазый’, *нянъячи* ‘грязный’ ~ *кири(н)* ~ *кирипчу* ‘грязный, гадкий, противный’ и т. д.) и из др. языков;

г) из эвенкийской диалектной речи: *некчэрэгэр авунипчу* П-Т. ‘тоскливый’ ~ *хуркэйпчу* Урм., Сх., Н., Е., И. ‘тоскливый’ и т. д., *соктог* П-Т. ‘пьяный’ ~ *харукйи* Мнгр. ‘пьяный’ и т. д.

Способ аффиксации при образовании лексических единиц эвенкийского языка, в том числе и синонимов, является господствующим. Кроме этого, продуктивного, широко используемого способа, известен и такой способ, как **конверсия**: прил. *авгара* ‘здоровый (-ая, -ое)’ – сущ. ‘здоровье’ (*хунат авгаран* ‘здоровье девушки’); прил. *гугда* ‘высокий’ – сущ. ‘высота, рост’ (*бэе гугдан* ‘рост человека’); прил. *суута* ‘глубокий’ – сущ. ‘глубина’ (*бира суутан* ‘глубина реки’) и др. Больше всего случаев конверсии среди непроезженных слов. Конверсия в эвенкийском языке до настоящего времени является живым, продуктивным способом словообразования.

Примеры: *Эду ая илэ индерэн* ‘Здесь живет хороший человек’, где слово *ая* прилагательное; *бээлду аяя окал* ‘сделай людям хорошее’, в этом предложении *аяя* – существительное.

Амуари омонги агили химат унэнэдэвки ‘Веселый парень по тайге обычно быстро ходил’; *эр омонги амуари биси* ‘этот парень веселый’. В этих предложениях слово *амуари* – прилагательное, образованное от причастия неоконченного вида действия.

В лексико-семантической группе прилагательных, обозначающих черты характера человека, в эвенкийском языке выделено семь лексико-семантических подгрупп (далее ЛСПГ). Это прилагательные, выражающие: 1) отношение к себе; 2) манеру поведения; 3) волевые качества; 4) отношение человека к другим людям; 5) отношение к труду; 6) нравственную сущность человека; 7) отношение к вещам.

Синонимический ряд первой группы прилагательных с положительной семантикой, выражающих **отношение к себе**, составляют лексемы *дулумнукан* ‘кроткий’ ~ *халдетчэри* ‘нерешительный’ ~ *эимкун* ‘простой’ и др. Синонимический ряд прилагательных с отрицательной семантикой с доминантой *сбкатчарй* ‘хвастливый’ составляет лексема *кхиргэдэри* ‘хвастливый’.

Как показало исследование, у прилагательных, обозначающих черты характера, отражающих **манеру поведения**, является синонимический ряд прилагательных с положительной семантикой с доминантой ‘тихий, спокойный’. Этот синонимический ряд составляют прилагательные *дулумну* ‘скромный, спокойный’, *симули* ‘молчаливый’, *илэмэн* ‘радушный’ и т. д.

Нами выявлено, что основным номинативным значением лексемы *дулумну* является значение ‘спокойный’. Субъект отличается уравновешенным характером, не причиняет беспокойства окружающим: *Омонги дулумни бичэн* ‘Мальчик был спокойный’.

Синонимический ряд прилагательных, отражающих **манеру поведения**, с отрицательной семантикой представлен следующими примерами: *булэмэ* ‘недружелюбный’, *дэмэрипчу* ‘назойливый’, *уэливси* ‘жестокый’, *сокатчэри* ‘заносчивый’, *хэгдыкэтчэри* ‘важный’ и т. п.

Третью группу составляют прилагательные, отражающие **волевые качества** человека: *юрун*, *эливун* ‘старательный’, *эливдери* ‘упорный’ и др. Если воля направлена на преодоление опасности, то получаем синонимический ряд *маңа*, *маңапчу* ‘твердый’, *тоңно* ‘верный’, которому противопоставит антонимический ряд *дуэ*, *нэмумэ* ‘мягкий’.

В четвертую группу в эвенкийском языке входят прилагательные, описывающие **отношение человека к другим людям**. Синонимический ряд с доминантой *ая*, *аяма* ‘добрый’ имеет следующий состав: *ая*, *аяма* ‘добрый’, *аланчэмэ* ‘ласковый’, *дуэ*, *нэмумэ* ‘мягкий’, *мэдэгэдери*, *мэдэкэс* ‘отзывчивый, чуткий’, *эмуй* ‘доброжелательный’.

Пятая группа прилагательных, обозначающих **отношение к труду**, представлена прилагательными с **положительной оценкой признака** – *хавалкира* ‘трудолюбивый, работающий’, *аямама* ‘внимательный’, *чакума* ‘аккуратный’; с **отрицательной оценкой** – *энэлгэ* ‘ленивый’, *ембу*, *эүэсиэ ачин* ‘слабый’.

Шестая группа включает прилагательные, отражающие **нравственную сущность человека**: *дяличи* ‘умный, мудрый’, *тоуно* ‘честный, справедливый’, *дэрээ ачин* ‘бессовестный’, *атачи, торгон* ‘завистливый’, *бэркэ* ‘ловкий’. В этих словах выражена положительная или отрицательная оценка названного признака.

Седьмая группа – это прилагательные, определяющие черты характера человека по его **отношению к вещам**: *торгон* ‘скупой, жадный’, *ая* 1) хороший; 2) милый, приятный; 3) красивый; 4) добрый, 5) здоровый; 6) удобный; 7) сладкий, вкусный’, *эвучэри, одёдёри* ‘бережливый’ и т. п.

Как можно заметить, состав этих подгрупп немногочисленный.

Таким образом, предварительные результаты исследования прилагательных эвенкийского языка, обозначающих черты характера человека, показывают, что они представляют собой системно-организованную лексико-семантическую группу, включающую лексические единицы с интегральной семой «черта характера человека».

Основным критерием выделения лексических синонимов в эвенкийском языке является общность семантической основы с допуском различий семантического, стилистического, эмоционально-экспрессивного характера в пределах одного понятия.

Лексическая синонимика эвенкийского языка образовывается различными способами. Благоприятной почвой формирования синонимического фонда явился сложный лексический состав языка, включающий заимствования из русского, тюркских, монгольских языков. Решающее влияние на расширение лексической синонимии оказывают внутриязыковые семантические процессы (полисемия и употребление слов в переносном значении), а также широкие возможности словообразовательных ресурсов языка.

Итак, предпринята попытка дать общую характеристику лексическим синонимам эвенкийского языка, показать их системную организованность в языке.

Список сокращений

Бур.	бурятский язык
Е.	ербогаченский говор эвенкийского языка
И.	илимпийский говор эвенкийского языка
Ие.	иенгринский говор эвенкийского языка
Мнгр.	говор эвенков-манегров эвенкийского языка
Монг.	монгольский язык
Н.	непский говор эвенкийского языка
Нрч.	нерчинский говор витимо-нерчинского диалекта эвенкийского языка
П-Т.	подкаменно-тунгусский диалект эвенкийского языка и его говоры
Рус.	русский язык
Сх.	сахалинский диалект эвенкийского языка
Урм.	урмийский говор буреинско-урмийско-амгунского диалекта эвенкийского языка
Члм.	чульманский говор эвенкийского языка
Чмк.	чумиканский диалект эвенкийского языка
Як.	якутский язык

Список литературы

- Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. энцикл., 1969. 590 с.
Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.
Брагина А. А. Синонимы и их истолкование // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 63–73.
Васильева Н. Н. Лексические синонимы в языке саха. Якутск: ЯНЦ, 1987. 116 с.
Добринина А. А. Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2012. 215 с.
Клюева В. Н. Синонимический словарь русского языка. М., 1961. 86 с.
Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.; Л.: Наука, 1964. 272 с.

- Кузнецова Е. В. Лексикология русского языка. М.: Высш. шк., 1982. 152 с.
Лебедева Е. П., Константинова О. А., Монахова И. В. Эвенкийский язык: Учеб. пособие для пед. наук. Л.: Просвещение, 1985. 304 с.
Современный русский язык / Под ред. Д. Э. Розенталя. М.: Высш. шк., 1984. 734 с.

References

- Alexandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Sov. entsikl., 1969, 590 p. (In Russ.).
Boldyrev B. V. *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 932 p. (In Russ.).
Bragina A. A. *Sinonimy i ikh istolkovanie* [Synonyms and their interpretation]. *Voprosy Yazykoznaniya* (Topics in the study of language). Moscow, 1978, no. 6, pp. 63–73. (In Russ.).
Dobrinina A. A. *Prilagatel'nye sovremennogo altayskogo yazyka, oboznachayushchie cherty kharaktera cheloveka (v sopostavitel'nom aspekte)* [Adjectives of the modern Altai language, denoting personality traits of a person (in a comparative aspect)]. Novosibirsk, 2012, 215 p. (In Russ.).
Klyueva V. N. *Sinonimicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Synonymous dictionary of the Russian language]. Moscow, 1961, 86 p. (In Russ.).
Konstantinova O. A. *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1964, 272 p. (In Russ.).
Kuznetsova E. V. *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola, 1982, 152 p. (In Russ.).
Lebedeva E. P., Konstantinova O. A., Monakhova I. V. *Evenkiyskiy yazyk. Uchebnoe posobie dlya pedagogicheskikh nauk* [Evenki language. Textbook for pedagogical sciences]. Leningrad, Prosveshchenie, 1985, 304 p. (In Russ.).
Sovremennyy russkiy yazyk [Modern Russian language]. D. E. Rozental (Ed.). Moscow, MSU, 1984, 734 p. (In Russ.).
Vasil'eva N. N. *Leksicheskie sinonimy v yazyke Sakha* [Lexical synonyms in the Sakha language]. Yakutsk, IHRISN, 1996, 116 p. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
02.05.2020*

Сведения об авторе

Андреева Тамара Егоровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия)
E-mail: inip@ysn.ru, taan2001@mail.ru
ORCID 0000-0002-9957-9184

Information about the Author

Tamara E. Andreeva – Candidate of Philology, Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)
E-mail: inip@ysn.ru, taan2001@mail.ru
ORCID 0000-0002-9957-9184

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.512.153

DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-126-137

Из истории изучения койбальского говора хакасского языка

А. Д. Каксин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия

Аннотация

В статье анализируется общий строй (или структура) койбальского говора хакасского языка, в современных генетических классификациях определяемого как часть тюркского континуума. В то же время указываются и явления, предопределенные тем обстоятельством, что на территории, ныне занимаемой хакасским языком, бытовал койбальский язык – представитель южной ветви самодийской языковой группы. В связи с этим производится реконструкция схемы взаимодействия языков, в результате реализации которой появился койбальский говор хакасского языка. Общий строй исследуемой языковой идиомы характеризуется исходя из совокупности фонетических и грамматических черт (признаков) на современном этапе.

Ключевые слова

история лингвистики, языковое развитие, взаимодействие языков, строй языка, койбальский говор хакасского языка

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-012-00258 «Миноритарные этносы Южной Сибири: семиотико-когнитивное, лингвистическое и социолингвистическое измерение»

Для цитирования

Каксин А. Д. Из истории изучения койбальского говора хакасского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39). С. 126–137. DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-126-137

From the history of studying the Koibal dialect of the Khakass language

A. D. Kaksin

Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation

Abstract

The article gives a general view of the modern Koibal dialect of the Khakass language. The history of studying Koibal speech includes several stages. In the 18th and early 19th centuries, the first evidence of the people living at the mouth of the Abakan River and their language, was collected. Some interesting records were made by G. Miller, P. Pallas, G. Spassky, some other scientists and travelers. Comparing the people under study with other peoples inhabiting the Minusinsk Hollow at that time allowed defining quite a large number of peoples in this area (including Koibals) to be Samoyeds speaking languages with one common property: these are different versions of the Turkic type language. In other words, in that period already, the assimilation of Samoyeds languages by Turkic languages was underway. The article then provides an assessment of the main work of an outstanding Finno-Ugrist and Altaist Mathias-Alexander Castren in linguistic Turkology – a brief grammar of Koibal and Karagas dialects (published in 1857), with notes made by the prominent orientalist Nikolai Katanov to the text by Kastren taken into account. In the second half of the 19th and 20th centuries, the information on the Koibal dialect and other linguistic formations of this part of Southern Siberia was systematized by L. P. Potapov, N. A. Baskakov in the Khakass-Russian diction-

© А. Д. Каксин, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 1 (вып. 39)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 1 (iss. 39)

ary (1953) and an essay by S. I. Weinstein. Later, when the study of South Siberian languages was put on a serious scientific and organizational basis, the Koibal dialect, like other territorial varieties of the Khakass language, was described in sufficient detail by V. G. Karpov, M. I. Borgoyakov, D. F. Patachakova, O. P. Anzhzhanova, in *Grammatik and the Khakass-Russian dictionary* (2006). Finally, some lexical and grammatical phenomena in modern Koibal dialect are considered, and a scheme (model) of language interaction that resulted in the Koibal dialect of the Khakass language is introduced.

Keywords

history of linguistics, language development, interaction of languages, system of language, Koibal dialect of Khakass language

Acknowledgements

This study was supported by the grant of RFBR No. 20-012-00258, «Minority ethnoses of Southern Siberia: semiotic-cognitive, linguistic and social-linguistic measurement».

For citation

Kaksin A. D. Iz istorii izuchenija kojbal'skogo govora hakasskogo jazyka [From the history of studying the Koibal dialect of the Khakass language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 1 (iss. 39), pp. 126–137. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-1-126-137

Основной целью данной работы является определение этапов изучения койбальского говора хакасского языка. Еще одна цель заключается в выявлении наиболее вероятного пути формирования койбальского говора, который уже достаточно давно является неотъемлемой частью тюркского языкового континуума. Небезынтересны и суждения о тех сторонах (гранях) грамматического строя, которые свидетельствуют о тюркском характере современного койбальского говора.

История изучения койбальского говора делится на несколько этапов. На первом этапе (в XVIII – начале XIX вв.) были собраны первые свидетельства о народе, проживавшем в устье реки Абакан, а также о языке, на котором этот народ говорил. Интересные записи в это время сделали Г. Миллер, П. Паллас, Г. Спасский, а также некоторые другие ученые и путешественники. Сравнение с другими народами, населявшими тогда Минусинскую котловину, позволило сделать следующий вывод. Довольно много народов на этой территории (в том числе и койбалы) – таежные аборигены, но говорят они на языках, объединяемых одним свойством: это различные варианты языка тюркского типа. Другими словами, уже в этот период было констатировано, что идет неуклонный процесс ассимиляции аборигенных языков тюркскими.

Предположение о самодийском происхождении койбальского говора было сделано тогда же, в XVIII в., затем это обстоятельство не раз подвергалось проверке, но к середине XIX в. был фактически признан самодийский характер первоначального языка койбалов. Поэтому в современных генетических классификациях в семье уральских языков постулируется мертвый койбальский язык [Joki, 1952; Хелимский, 1982; Кюннап, 1993].

Следующий этап связан с деятельностью выдающегося финно-угроведа и алтаиста Матиаса-Александра Кастрена (1813–1852). Как известно, главная его работа в области лингвистической тюркологии – краткая грамматика койбальского и карагасского наречий [Castrén, 1857]. На содержание этого труда с позиций современной науки можно смотреть по-разному. С одной стороны, это грамматическое описание считается одним из образцов в области лингвистической антропологии. Есть также мнение, что многие работы М.-А. Кастрена, в том числе и названная, представляют определенный интерес для специалистов по лингвистической типологии. С другой стороны, в целом ряде современных работ эту грамматику «подают» как ценный источник для тюркологов-лингвистов, а также для исследователей тюркских языков [Боргояков, 1959; 1978; Насилов, 1978; Боргояков, 1981, с. 70–72; Карпов, Насилов, 2007, с. 251].

Выдающийся лингвист и этнограф М.-А. Кастрен знаменит своими трудами о языках и народах Севера Европы и Западной Сибири. Сам М.-А. Кастрен, по-видимому, действительно имел намерение искать в материале попадающих в поле его зрения языков доказательства урало-алтайской гипотезы. Но в койбальско-карагасской грамматике он в значительной мере отходит от этой задачи: сопоставлений с финно-угорскими языками там не очень много. По сути дела, эта грамматика явилась первым системным описанием двух тюркских наречий (диалектов) Южной

Сибири. И это, без сомнения, выдающийся вклад в лингвистическую тюркологию: до этой особенной в своем роде работы М.-А. Кастрена грамматическое описание получили только турецкий, татарский и якутский языки [Кононов, 1990, с. 525–526].

Следует добавить, что к названному грамматическому очерку (Кастрена) прилагались «Татарско-немецкий словарь», «Немецко-татарский словарь» и «Языковые образцы» койбальского и карагаского наречий. Выдающийся востоковед Н. Ф. Катанов, обратившись к труду Кастрена, признал его очень значительным и в основном правильным, но счел нужным выправить его в части койбальско-немецкого словаря и образцов койбальских текстов. В результате родилась исправленная версия койбальско-немецкого словаря и койбальских текстов М.-А. Кастрена [Katanov, 1886]. Предисловие к этой работе написал учитель Н. Катанова – выдающийся ориенталист В. В. Радлов, сам Н. Катанов предпослал исправленному словарю введение.

Далее изучение койбальского наречия как тюркского, начавшееся с М.-А. Кастрена–В. В. Радлова–Н. Ф. Катанова, было продолжено. Широко развернулось исследование языков Присяянья во второй половине XIX–XX вв. В первый период этого длительного этапа были систематизированы сведения обо всех языковых образованиях этой части Южной Сибири (Л. П. Потапов, Н. А. Баскаков, Хакасско-русский словарь 1953 г. и грамматический очерк в нем, С. И. Вайнштейн). Во втором периоде, когда дело изучения языков Южной Сибири было поставлено на серьезную научную и организационную основу, койбальский говор, как и другие территориальные разновидности хакасского языка, был описан достаточно подробно (В. Г. Карпов, М. И. Боргояков, Д. Ф. Патачакова, Д. И. Чанков, О. П. Анжиганова, Грамматика 1975 г., Хакасско-русский словарь 2006 г.).

Особое отношение к этому идиому у лингвистов-исследователей хакасского языка выработалось достаточно давно. Замечания о его отличительных особенностях и месте на языковой карте региона встречаются в трудах исследователей советского периода, а также у современных авторов [Боргояков, 1959; Боргояков, 1981, с. 25–33; Анжиганова, 1992; Патачакова, 1992, с. 20–22; Кыштымова, 2010, с. 10–11; Кызласов, 2003, с. 7–15; Субракова, 2006, с. 9–16; Белоглазов, 2018].

Кратко о формировании койбальского говора можно сказать следующее: он появился в результате полной ассимиляции языком тюркского типа одного из небольших самодийских языков Южной Сибири (в период XIII–XVIII вв.). В настоящее время является общепризнанным фактом, что в древности самодийские языки имели широкое распространение на территории Присяянья. Но тюркские языки, распространившиеся позднее, часть этих языков оттеснили к северу, а другую часть ассимилировали [Кызласов, 1959; Хелимский, 1982, с. 35–37; Кюннап, 1993; Хелимский, 1996, с. 108–110].

Следы былого обитания здесь самодийцев, оставшиеся, к примеру, в виде многочисленных гидронимов, убедительно это доказывают. Но есть, оказывается, и более значительный «след», оставшийся после того, как самодийцы перестали быть актерами в этом регионе: это койбальский говор хакасского языка.

Рассмотрим его появление с позиций теории развития языков и их взаимодействия. Ряд выдающихся тюркологов в свое время внесли значимый вклад в разработку этих вопросов [Тенишев, 1971; Черемисина, 2002, с. 220–244; Убрятова, 2011]. В частности, согласно теории М. И. Черемисиной, различаются четыре основных пути (и результата) развития языков на исторической сцене: скрещивание, ассимиляция, языковые союзы и культурное взаимодействие. Исследуемый говор, по всей видимости, явился результатом полной ассимиляции небольшой обособленной группы самодийцев после прихода на эту территорию тюрков.

Ассимиляционные процессы затрагивают, прежде всего, лексику и фонетику языка. На первых этапах новый язык усваивается в своей базовой лексике, затем этот круг расширяется, и постепенно народ переходит на новую лексическую и фонетическую систему. При этом от старого лексикона может и остаться некоторое количество слов, однако и они меняются в своём произношении. Так, по предварительным данным в койбальском говоре до сих пор фиксируется около 50 слов, не совпадающих с вариантами хакасского литературного языка. В частности, к числу слов, предположительно исконно койбальских, относятся: **ай** ‘полевой лук’, **алда** ‘соболь’, **ка** ‘лось’, **кичек** ‘кукла’, **марго** ‘крупный (о новорожденном теленке, ягненке)’, **орбаң** ‘колебательное движение, колебание’ [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 38–311].

Этот список, безусловно, можно пополнить: к примеру, в уже упоминавшейся работе М. И. Боргоякова есть ссылки на небольшие словники койбальского говора, содержащиеся в источниках XVIII–XIX вв. [Боргояков, 1981, с. 125–141]. Однако некоторые выводы можно сделать, исходя из вышеприведённого списка. Большинство этих слов, будучи проговорёнными, демонстрируют набор и сочетаемость звуков уральского типа (как известно, противопоставленную алтайскому звукоряду). Ряд слов укладывается и в схемы компаративистики, т.е. для них реконструируется древний корень уральского или самодийского праязыка. Самыми показательными в этом смысле являются, на наш взгляд, слова **улу** ‘голова’ и **аи** ‘дверь’: первое из них можно возвести к тому же корню уральского праязыка, от которого произошли слова современных языков со значениями ‘верхний’, ‘крыша’ (ср. хант. *улы-мулы* ‘безголовый’), а второе – к прафинно-угорскому слову со значениями ‘открывать’, ‘отворять’, ‘развязывать’ (ср. хант. *ов*, финск. *ovi* ‘дверь’) [Основы финно-угорского языкознания, 1974, с. 407, 418–419].

Еще один перечень «койбальских слов» выявляется в результате анализа академического Хакасско-русского словаря. В него входят, в частности, следующие лексические единицы (обратим внимание на то, что в большинстве случаев в словарной статье указывается и основное, тюркское, слово):

АЙ II *койб.* полевой лук; *см.* **көбiрген** [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 38].

АЛДА *койб.* соболь; *см.* **албыга** [Там же, с. 53].

КА *койб. уст.* лось; *см.* **пулан** [Там же, с. 149].

КIЧЕК *койб.* кукла (*из тряпок*); *см.* **ончаа**; **кiчек ойнирға** играть в куклы [Там же, с. 180].

ПОЛЧАМ *койб.* холмик; *см.* **тöн**; **тöнейек** [Там же, с. 378].

В словаре фиксируются также случаи, когда слово является употребительным и в койбальском говоре, и в каком-либо другом территориальном ответвлении хакасского языка (к примеру, в сагайском диалекте). Это явление мы объясняем тем, что процесс ассимиляции протекал сложно, неоднозначно, в том числе и в отношении результата: на этой определенной территории привилась именно сагайская лексема, а в литературный язык была вовлечена другая (но также, безусловно, тюркская).

АРСЫГ *саг., койб.* пережат; *см.* **артым**; **суғ арсыгы** пережат на реке; **арсыгча кизерге** переходить [реку] по пережату [Там же, с. 77].

ОЙНАСТИРҒА / **ойнаста-** *саг., койб.* 1) развратничать, прелюбодействовать; 2) быть в любовной связи с кем-л. [Там же, с. 298].

ÖZEK (-gi) *саг., койб.* кол; колышек; *см.* **öрген I**; **ос öзек** осиновый кол; **öзек хазирға** забить кол [Там же, с. 321].

СЫЫМ *койб.* край, грань; *см.* **хыр I** [Там же, с. 563].

ТОСХАР *койб.* корыто; *см.* **көлбе**; **тосхардаң пызо суғарчаннар** телят поили из корытца [Там же, с. 655].

ТОХАЙ *койб.* омут; **палых хысхызын тохайға түсче** рыба зимует в омуте [Там же, с. 656].

ТОХПАХ II ... обрубок ... [сочетание:] **тохпах пайлаң** *койб. зоол.* широколобка [Там же, с. 656].

ТҮҮБЕН *койб.* заботы, хлопоты; **ол түүбenni кем көрчен, кем көдiрчен?** кто сможет справиться, вынести подобные хлопоты? [Там же, с. 696].

Безусловно, вызывают интерес, прежде всего, слова для обозначения диких животных. Вероятность того, что они сохранились от самодийского праязыка, очень велика: эти слова обозначают животных, которые не водятся в степи, откуда пришли тюрки. К приведенным выше можно добавить еще одно слово, со значением ‘белка’. Ср., например, рассуждение о нем в исследовании по тувинскому языку:

«**сарбай** *диал.* ‘белка (самка)’. Слово, сходное с хак. *сарбах* ‘белка’, которое осмыслено как индизаторное наименования или как эвфемизм и, очевидно, связано с *сарбах* ‘озорник, драчун (о детях)’ и ‘подросток’ <...> Не ясно по своему происхождению аналогичное с рассмотренными як. *сарба* ‘соболь, куница’, к которому М. Ряснен с сомнениями (со знаком вопроса) предложил финно-угорские параллели» [Татаринцев, 2018, с. 68].

Мы думаем, что предположения выдающегося финно-угроведа М. Ряснена не были обоснованными. Достаточно сравнить тюркское звучание этого слова (*sarbox*) с произношением предполагаемого эквивалента в некоторых уральских языках:

белка: **ora* > ф. *orava*, эс. *orav (orava)*, с. *oar're*, э. *ур, уро*, м. *ур, мр. ур*, к. *ур* [Основы финно-угорского языкознания, 1974, с. 428].

Что касается слов типа **орбаң** ‘колебательное движение, колебание’ и **полчам** ‘холмик’, следует проверить, не являются ли они тюркскими, лишь фонетически преобразившимися при контакте с самодийским языком. В словаре (с пометой *койб.*) их приводится достаточно много.

Некоторые из этих слов могут быть возведены к древнетюркским основам, впоследствии усеченным (или иначе преобразованным). В ряде случаев наблюдается явное семантическое пересечение (хакасских и древнетюркских слов). Ср., например, названия полевого лука и другого (или того же самого?) растения, а также вышитого кармана и чересседельной переметной сумы (являющейся, по сути, большим карманом):

AJRIQ *бот.* пырей [Древнетюркский словарь, 1969, с. 30].

MANCUQ чересседельная переметная сума [Там же, с. 336].

Мы полагаем, что в случае со словами **ай** ‘полевой лук’ и **алда** ‘соболь’ нужно признать обоснованной ту точку зрения, согласно которой они возводятся к древнетюркским корням [Татаринцев, 2000, с. 76–77, 103–104; Широбокова, 2005, с. 63]. Но интересно, что для обозначения пушного зверька в хакасском языке используется слово *кис* [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 179–180], которое как раз считается заимствованием из самодийских языков [Широбокова, 2005, с. 68]. В этом случае проблема, видимо, заключается в том, что необходимо объяснить, как общетюркское слово сохранилось в койбальском говоре (восходящем к самодийскому языку), и утрачено в сагайском и других диалектах, изначально тюркских.

Из современных исследователей о самодийском (а также и тунгусском, и кетском) субстрате в тюркских саянских языках впервые определенно высказался С. И. Вайнштейн. Именно его докторскую диссертацию о происхождении тувинского народа [Вайнштейн, 1969] упоминает В. И. Рассадин в своей работе по тофаларскому языку, рассуждая о взаимодействии языков разных семей в регионе Саян. И вот что, в частности, он пишет по поводу самодийских элементов в тофаларском:

«Соответствия в самодийских языках находит тофаларское слово *ире* ‘предок’, ‘медведь’, оно совпадает с ненецким *ири* 1) дед, дедушка; 2) прадедушка; 3) старший брат отца или матери; 4) свекор; 5) старший брат мужа; 6) все мужчины из рода мужа старше его; 7) перен. медведь, волк. У нганасан слово *ири* также означает ‘дед’. В селькупском языке слово *ира* означает ‘старик’. Тофаларское *аба* ~ *ава* ‘мама’ (звательная форма при обращении к матери) совпадает по значению и по звучанию с нганасанским словом *аба* ‘мама’. Однако в словаре Махмуда Кашгарского слово *аба* в значении ‘мать’ приводится как огузское. Тофаларское слово *соо* ‘маленькое ведерко из бересты, предназначенное для доения оленей’ совпадает со словом *со* ‘береста’ из самодийского койбальского языка. Ср. также ненецкое слово *хо* ‘береза’, моторское *ку* ‘береза’...» [Рассадин, 2014, с. 54].

Таким образом, наличие указанной группы слов, хотя и свидетельствует о самодийском субстрате, позволяет сделать вывод о почти полном замещении самодийской лексики тюркской (сохранившийся состав вытеснен на периферию лексической системы).

С точки зрения грамматической типологии современный койбальский говор, безусловно, является тюркским. Чтобы в этом убедиться, достаточно внимательно прочитать (или прослушать), например, следующий текст об изготовлении национального блюда. (Приводится он в сборнике 1992 г., здесь для наглядности размещен в таблице 1).

Таблица 1

Текст на койбальском	Перевод
1. Топленай масланы хайылдырган хайах, үсте:н де: хайах тіфча:ла:р, хайзы хайылдыр салған, хайзы үстеп салған тіфча.	1. Топлёное масло называют и хайылдырган (букв.: растаявшее), и топлёное масло, некоторые говорят (я) растаял масло, некоторые – растопил.
2. Сметен потхы и:дівал, анаң үстүне талған урувс, умурталған то:ладыс.	2. Сделай сметанную потхы, наверх посыпать талған, талған из умурта (черемуховый).
3. Чичинала: умуртох тіфча, Чылтыгашефте:р, Миндибекофта:р олар умуртох тіфча:ла:р.	3. Чичининцы (жители Чичины) тоже умурт, говорят, Мылтыгашевы, Миндибековы, они тоже умурт, называют.

4. Хыйманы пик арах тудуф, пик арах суғуф о:дыраға кирек, көмес суғуф, палғавзаға.	4. Хыйма (толстые кишки лошади) держать крепко, натолкать посильнее (мясо), связать.
5. Па:рды се:чке: начыфча:м. [Образцы..., 1992, с. 175–176].	5. Печень крошу в сечке. [Там же, с. 177].

Этот текст далее можно анализировать в разных аспектах, но, на наш взгляд, он очень показателен в плане выражения в нем аспектуальной семантики (глагольными формами). Известно, что в тюркских языках выражение аспекта действия существенно отличается от того способа, который «принят» в других языках. Ярким примером здесь является оппозиция русских глаголов совершенного и несовершенного видов. В тюркских языках, напротив, получил распространение способ суффиксального оформления (и тем самым дифференциации) основных характеристик действия: скоротечности (при этом может быть указана мгновенность начальной или конечной фазы) ~ длительности ~ регулярной повторяемости ~ завершенности (результативности). В приведённом отрывке данное положение подтверждается использованием глагольных слов *хайылдырган* ‘топлёный’, *тифчалар* ‘говорят’, *хайылдыр салган* ‘растопил’, *ўстен салган* ‘растопил’, *идивал* ‘сделай’, *тудуф* ‘держа’, *суғуф одыр* ‘засовывая’, *палғавзаға* ‘завязать’, *начыфчам* ‘крошу’. (Графемой **ф** в данном случае отражается специфическое койбальское произношение тюркского звука [п]).

Обращает на себя внимание и типично тюркское оформление грамматической категории числа. В частности, системно-разговорное противопоставление единичности и множественности проявляется в употреблении глагольных форм *тифча* ‘говорит’ (обобщенно: каждый житель этого поселения так говорит) и *тифчалар* ‘говорят’. Аналогичные закономерности в образовании и функционировании числовых аффиксов наблюдаются и в других диалектах хакасского языка, в частности, в качинском [Патачакова, 1964, с. 7–11].

В генетических классификациях современный койбальский говор хакасского языка (что видно уже из названия) определяется как часть тюркского континуума. Исследователи хакасского языка советского периода достаточно подробно описывали фонетику, лексику и грамматику койбальского говора [Патачакова, 1973, с. 22–31; Боргояков, 1981, с. 8–32; Анжиганова, 1992; Карпов, 2007, с. 108–160].

На примере следующих фрагментов удобно показать специфику тюркского выражения залоговой семантики (таблицы 2, 3).

Таблица 2

Текст на койбальском	Перевод
1. Мында өскем, Миткоң аалы адалчаң.	1. Здесь росла, называется аал Миткон.
2. А:гырвала чуртавча:вс.	2. Живем бодем (букв.: болеючи живем).
3. Ко:ска, инек, хуста:рыс парох.	3. Есть кошка, корова, птица тоже есть (у нас).
4. От-покосты көрви:нде:че:вс, олғанна: пилетеп пирзе, чуртавох парчаң полваспыспаза.	4. Траву-покос и не видим, если дети наготовят, проживем, наверное.
5. Ам олады ла сахтап пас чөрче:вс.	5. Сейчас только их и ждем.
6. Анаң ол чавал тураванстан сых полви:нча:вс, пасха чирде үгрэн полваспыс.	6. Потом из (своего) старого дома не можем выехать, привыкнуть не можем на другом месте.
7. Хайди анда (городта) төге ле чили о:дырчадам, одырла одыр анда.	7. Как (я в городе) буду сидеть, словно пень, сиди и сиди там.
8. Талас парча:вс, апараға ла тифчеле:р чирсуғдаң параға уға: а:р нима полтыр.	8. Спорим, только и говорят, что увезти. Оказывается, очень тяжело из родных мест уезжать.
9. Стари:гыма тифчам, хыставох ала:ң.	9. Говорю старику (своему), давай еще презимуюем.
10. Пызо:вс ол па:рды, та:ра:н от чивізіф.	10. Теленок (наш) сдох, съев посеянную траву.
11. Пір ле инек артысхафс, хой тутча:фс.	11. Оставим только корову, держим овец.
12. Магазинге нима килви:нче.	12. В магазин ничего не поступает (букв.: не идет).

13. Олғанна: килзе, сох пирче:вс (хойны), анаң паза чылда килча:ла. [Образцы..., 1992, с. 180].	13. Если дети приезжают, закалываем (овцу), потом приезжают на следующий год [Образцы..., 1992, с. 181].
---	--

Таблица 3

Текст на койбальском	Перевод
1. Хызыча: үре:н, ам парла:вс сөгине:.	1. Умерла дочь, теперь (все мы) пошли к покойнице.
2. О:врасты тунүре сал салтыр, ам чо:хтафча: «Ам сө:к-са:гы хайыл парар».	2. Икону перевернула вниз, говорит, что тело и кости сгниют (букв.: растут).
3. Пир де: ылгави:ча, сире идезе: киректи тифче, мин итпессим тифче, тамах орти:ге иткенде, ча:гын да: килве:н.	3. Совершенно не плачет, поминки вы будете делать, говорит; когда приготовились жечь пищу (пища, принесенная для покойника родственниками), даже близко не подошла.
4. О:дырлафчала:.	4. Сидят.
5. Ниме: иеговис полча тифча:.	5. Зачем (она) иеговистка, говорит.
6. Окис-ча:выста:га чөрлепчырла:.	6. Они, оказывается, ходят к сиротам, бедным.
7. Хандырох са:вылчаттырла: анда:. [Образцы..., 1992, с. 181].	7. Как, оказывается, тянутся к ним [Там же, с. 182].

Как известно, в алтайском, хакасском и многих других тюркских языках залог является лексико-грамматической категорией: «не все аффиксы залогового типа принимают участие в образовании грамматических форм залога; часто эти аффиксы образуют новые слова, лексическое значение которых отличается от лексического значения исходного глагола» [Алмадакова, 2005, с. 94]. В хакасском языке, соответственно, наблюдаются и «нередкие случаи слияния залогового аффикса с корнем глагола», и разные схемы образования сложных залоговых форм [Карпов, 2007а, с. 77; Карпов, 2007б, с. 128–129].

В приведённых отрывках наличие указанных явлений подтверждается использованием глагольных слов (или глагольно-именных сочетаний): *оскем* ‘(я) росла’, *пилетеп пирзе* ‘если наготовят’, *ар ниме полтыр* ‘оказывается, тяжело уезжать’, *хыставах алаң* ‘давай перезимует’, *идезе киректи* ‘будете делать поминки’, *савылчаттырла* ‘тянутся’.

Таким образом, вышеназванные лексические и проявляющиеся в тексте фонетические и грамматические явления указывают на то, что, как уже было сказано выше, койбальский говор появился в результате ассимиляции языком тюркского типа одного из самодийских языков Южной Сибири в XIII–XVIII вв.

Подобные записи, а также материалы словарей и других печатных изданий, подтверждают наличие у койбальского говора базовых признаков языка тюркского типа: исторически сложившийся фонемный состав, закономерно обусловленные сочетания согласных, сингармонизм, шестиместная именная падежная парадигма, определенный набор форм глагольного наклонения-времени. Добавим к тому черты, определяющие специфику языков алтайской типологической общности в целом: преимущественная однозначность аффиксов; действие категории принадлежности и в сфере имени, и в сфере глагола; единообразная система залоговых форм; богатство системы инфинитных форм и на основе последней – развернутая система зависимой предикации [Убрятова, 1959, с. 145–146; Никонов, 1988, с. 49–54; Гаджиева, 1990, с. 528–529; Черемисина, 1992, с. 81–83; Чертыкова, 1992; Широбокова, 2005, с. 178–186].

В этот список следует добавить признаки и свойства, также единые для тюркских языков, но отличающие их от языков уральского типа. В дополнительный перечень входят следующие признаки: наличие изафетной конструкции; приблизительно равный объем дериватом каузатива и декаузатива, дифференциальное маркирование объекта, морфологическое противопоставление императива, юссива и гортатива, имплицативная реализация граммем категорий числа-падежа и детерминации, морфологическое выраже-

ние обусловленной модальности, специфический набор средств выражения эвиденциальности [Плунгян, 2000, с. 287–303; Каксин, 2013, с. 51–82].

Другими словами, общий строй исследуемого идиома характеризуется в целом как алтайский (и это одна сторона того типологического подхода к языку, которого мы придерживаемся). Имеются отдельные явления (преимущественно лексические), не вписывающиеся в эту парадигму, но их присутствие легко объясняется: они «остались» от того далекого по времени состояния, когда люди, населявшие эти места, говорили на самодийском койбальском языке. Говоря о другом аспекте типологии (если продолжать данную линию), можно заключить следующее: койбальский говор относится к типу языковых образований, появившихся в результате ассимиляции одного языка другим. Суть названного процесса очень точно описана М. И. Черемисиной: ассимиляция «заканчивается смертью более слабого языка, который не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на судьбу поглотившего его языка – гораздо более сильного. Носители ассимилируемого языка переходят на новый язык и вливаются в состав этноса, представленного этим языком, принимая его культуру, образ жизни и верования» [Черемисина, 2002, с. 236].

Список сокращений

в. – венгерский язык, к. – коми язык, койб. – койбальский говор хакасского языка, м. – мокшанский язык, мр. – марийский язык, мс. – мансийский язык, н. – ненецкий язык, с. – саамский язык, саг. – сагайский диалект хакасского языка, сам. – самодийский (праязык) язык, у. – удмуртский язык, ф. – финский язык, хак. – хакасский язык, э. – эрзянский язык, эс. – эстонский язык, як. – якутский язык.

Список литературы

- Алмадакова Н. Д. Грамматическая категория залога в алтайском языке. Горно-Алтайск, 2005. 120 с.
- Анжиганова О. П. Койбальский говор хакасского языка (О некоторых особенностях гласных по материалам ДАТЯС) // Хакасская диалектология: Сборник статей и материалов. Абакан, 1992. С. 51–64.
- Белоглазов П. Е. Возникновение первичных омонимов в хакасском языке // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 3 (23). С. 4–7.
- Боргояков М. И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981. 144 с.
- Боргояков М. И. О некоторых терминах, связанных с историей хакасов // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. 1959. Вып. 7. С. 135–139.
- Боргояков М. И. О проблемах формирования и развития хакасского языка. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1978.
- Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 527–529.
- Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Каксин А. Д. Хакасский язык в аспекте лингвистической типологии. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2013. 108 с.
- Карпов В. Г. О категории залога в хакасском языке // Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2007а. С. 77–78.
- Карпов В. Г. Система глагола в современном хакасском языке (структурный и функционально-семантический аспекты) // Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2007б. С. 105–161.
- Карпов В. Г., Насилов Д. М. Хакасский язык – один из государственных языков Республики Хакасия // Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. С. 244–256.
- Кононов А. Н. Тюркология // Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 525–527.
- Кызласов А. С. Структура корневых лексем в хакасском языке. Абакан, 2003. 152 с.

- Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Учен. зап. ХНИИЯЛИ. Вып. 7. Абакан, 1959. С. 70–92.
- Кыштымова Г. В. Особенности вокализма хакасских диалектов на фоне тюркских языков и диалектов Южной Сибири // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Абакан, 2010. Сер. 5: Языкознание. Вып. 10. С. 9–12.
- Кюннан А. Койбалский язык // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 389.
- Насилов Д. М. Об алтайской языковой общности (К истории проблемы) // Тюркологический сборник-1974. М., 1978. С. 90–108.
- Никонов В. А. Об этногенетических связях хакасов по данным сочетания согласных в их языке // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 48–56.
- Образцы речи койбалов / Тексты записаны, переведены и подготовлены к печати О. П. Анжигановой // Хакасская диалектология: Сб. статей и материалов. Абакан, 1992. С. 174–182.
- Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 340 с.
- Патачакова Д. Ф. Диалектные различия в хакасском языке, возникшие вследствие эволюции согласных F и Г // Хакасская диалектология: Сб. статей и материалов. Абакан, 1992. С. 19–31.
- Патачакова Д. Ф. Словообразование – активный источник обогащения лексики современного хакасского языка // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. 1973. Вып. 18. С. 19–31.
- Патачакова Д. Ф. Способы выражения категории множественности в качинском диалекте хакасского языка // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. 1964. Вып. 10. С. 3–12.
- Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику / Учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
- Понарядов В. В. Опыт реконструкции урало-монгольского праязыка. Сыктывкар, 2011. 44 с.
- Рассадин В. И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2014. 218 с.
- Субракова В. В. Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект / Отв. ред. И. Я. Селютина. Новосибирск, 2006. 244 с.
- Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1: А–Б. 341 с.
- Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2018. Т. 5: С. 180 с.
- Тенишев Э. Р. К понятию «общетюркское состояние» // Советская тюркология. 1971. № 2. С. 13–16.
- Убрятова Е. И. Взаимодействие языков на материале взаимоотношений якутского и эвенкийского языков // Доклады и сообщения (Институт языкознания АН СССР). 1956. № 9. С. 85–92.
- Убрятова Е. И. Из выступления на научной конференции, посвященной 250-летию добровольного присоединения Хакасии к России // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. 1959. Вып. VII. С. 140–146.
- Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели: Лингвистическая и этногенетическая интерпретация. М.: Наука, 1982. 164 с.
- Хелимский Е. А. Очерк истории самодийских народов // Финно-угорский мир: Справочник по истории, культуре и языку. Будапешт; М., 1996. С. 101–115.
- Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск, 2002. 254 с.
- Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1992. 92 с.
- Чертыкова М. Д. Аффиксы сказуемости в говоре населения улуса Верх-Киндирла // Хакасская диалектология: Сб. статей и материалов. Абакан, 1992. С. 65–71.
- Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Отв. ред. Л. А. Шамина. Новосибирск: Наука, 2005. 269 с.
- Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. I–III. S.-Petersburg, 1849–1851.
- Castrén M.-A. Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den Tatarischen Mundarten des Minussinschen Kreises. S.-Petersburg, 1857.
- Joki A. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen // Mémoires de la Société Finno-ougrienne (Helsinki). 1952. №103. 393 S.

Katanov N. Castren's Koibalisch-Deutsches Wörterverzeichnis und Sprachproben es Koibalischen Dialectes. Neu transscribirt von N. Katanoff // *Mélanges Asiatiques, tires du Bulletin de L'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. 1886. № 2. T. IX. S. 97–205.

References

Almadakova N. D. *Grammaticheskaya kategoriya zaloga v altayskom yazyke* [Grammatical category of pledge in the Altai language]. Gorno-Altaysk, 2005, 120 p. (In Russ.).

Anzhiganova O. P. Koybal'skiy govor khakasskogo yazyka (O nekotorykh osobennostyakh glasnykh po materialam DATYaS) [Koibal dialect of the Khakass language (On some features of vowels based on DAT'AS materials)]. In: *Khakasskaya dialektologiya: Sbornik statey i materialov* [Khakass dialectology: Collection of articles and materials]. Abakan, 1992, pp. 51–64. (In Russ.).

Beloglazov P. E. Vozniknovenie pervichnykh omonimov v khakasskom yazyke [Occurrence of the primary homonyms in Khakass]. *Sayan-Altai scientific review*. 2018, no. 3 (23), pp. 4–7. (In Russ.).

Böhtlingk O. *Über die Sprache der Jakuten*. I–III. St. Petersburg, 1849–1851.

Borgoyakov M. I. *Istochniki i istoriya izucheniya khakasskogo yazyka* [Sources and history of Khakass language study]. Abakan, 1981, 144 p. (In Russ.).

Borgoyakov M. I. O nekotorykh terminakh, svyazannykh s istoriey khakasov [About some terms related to the history of Khakass]. *Scientific notes of KhRILLH*. Abakan, 1959, iss. 7, pp. 135–139. (In Russ.).

Borgoyakov M. I. *O problemakh formirovaniya i razvitiya khakasskogo yazyka* [About problems of formation and development of Khakass language]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Alma-Ata, 1978. (In Russ.).

Castrén M.-A. *Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den Tatarischen Mundarten des Minussinschen Kreises*. St. Petersburg, 1857.

Cheremisina M. I. *Yazyk i ego otrazhenie v nauke o yazyke* [Language and its reflection in language science]. Novosibirsk, 2002, 254 p. (In Russ.).

Cheremisina M. I. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1992, 92 p. (In Russ.).

Chertykova M. D. Affiksy skazuemosti v govore naseleniya ulusa Verkh-Kindirla [Affixes of fairness in the dialect of the population of the ulus Verkh-Kindirla]. In: *Khakasskaya dialektologiya: Sbornik statey i materialov* [Khakasskiy dialectology: Collection of articles and materials]. Abakan, 1992, pp. 65–71. (In Russ.).

Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (Eds). Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russ.).

Gadzhieva N. Z. Tyurkskie yazyki [Turkic languages]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slova'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed. in .Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, pp. 527–529. (In Russ.).

Joki A. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. *Mémoires de la Société Finno-ougrienne (Helsinki)*. 1952, no. 103, 393 p.

Kaksin A. D. *Khakasskiy yazyk v aspekte lingvisticheskoy tipologii* [Khakass language in the aspect of linguistic typology]. Abakan, Katanov KhSU Publ., 2013, 108 p. (In Russ.).

Karpov V. G. O kategorii zaloga v khakasskom yazyke [About the pledge category in Khakass]. In: *Khakasskiy yazyk: problemy i perspektivy razvitiya* [Khakass language: problems and prospects of development]. Abakan, Katanov KhSU Publ., 2007a, pp. 77–78. (In Russ.).

Karpov V. G. Sistema glagola v sovremennom khakasskom yazyke (strukturnyy i funktsional'no-semanticheskiy aspekty) [Verb system in modern Khakass (structural and functional-semantic aspects)]. In: *Khakasskiy yazyk: problemy i perspektivy razvitiya* [Khakass language: problems and prospects of development]. Abakan, Katanov KhSU Publ., 2007b, pp. 105–161. (In Russ.).

Karpov V. G., Nasilov D. M. Khakasskiy yazyk – odin iz gosudarstvennykh yazykov Respubliki Khakasiya [Khakass language – one of the state languages of the Republic of Khakassia]. In: *Khakasskiy yazyk: problemy i perspektivy razvitiya* [Khakass language: problems and prospects of development]. Abakan, Katanov KhSU Publ., 2007, pp. 244–256. (In Russ.).

Katanov N. Castren's Koibalisch-Deutsches Wörterverzeichnis und Sprachproben es Koibalischen Dialectes. Neu transscribirt von N. Katanoff. *Mélanges Asiatiques, tires du Bulletin de L'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg*. 1886, vol. 9, no. 2, pp. 97–205.

Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khakass., In Russ.).

Khelimskiy E. A. *Drevneyshie vengersko-samodiyskie yazykovye paralleli: Lingvisticheskaya i etnogeneticheskaya interpretatsiya* [The oldest Hungarian-Samoyed language parallels: Linguistic and ethnogenetic interpretation]. Moscow, Nauka, 1982, 164 p. (In Russ.).

Khelimskiy E. A. Oчерк istorii samodiyskikh narodov [Essay on the history of Samoyed peoples]. In: *Finno-ugorskiy mir: Spravochnik po istorii, kul'ture i yazyku* [Finno-Ugric world: Handbook of history, culture and language]. Budapest, Moscow, 1996, pp. 101–115. (In Russ.).

Kononov A. N. Tyurkologiya [Turkology]. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskiy slova'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed. in .Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, pp. 525–527. (In Russ.).

Kyzlasov A. S. *Struktura kornevykh leksem v khakasskom yazyke* [Structure of root lexemes in Khakass]. Abakan, 2003, 152 p. (In Russ.).

Kyzlasov L. R. K voprosu ob etnogeneze khakasov [On the issue of ethnogenesis of the Khakass]. *Scientific notes of KhRILLH*. Abakan, 1959, iss. 7, pp. 70–92. (In Russ.).

Kyshtymova G. V. Osobennosti vokalizma khakasskikh dialektov na fone tyurkskikh yazykov i dialektov Yuzhnoy Sibiri [Features of the vocalism of Khakass dialects against the background of Turkic languages and dialects of Southern Siberia]. *Vestnik KhGU im. N. F. Katanova*. 2010. Ser. 5: Yazykoznanie, iss. 10, pp. 9–12. (In Russ.).

Kyunnap A. Koybal'skiy yazyk [Koybal language]. In: *Yazyki mira: Ural'skie yazyki* [Languages of the world: Uralic languages]. Moscow, Nauka, 1993, p. 389. (In Russ.).

Nasilov D. M. Ob altayskoy yazykovoy obshchnosti (K istorii problemy) [About the Altai language community (To the history of the problem)]. In: *Tyurkologicheskii sbornik-1974* [Turkological Collection-1974]. Moscow, 1978, pp. 90–108. (In Russ.).

Nikonov V. A. Ob etnogeneticheskikh svyazyakh khakasov po dannym sochetaniya soglasnykh v ikh yazyke [About ethnogenetic connections of Khakass according to the combination of consonants in their language]. In: *Istoriko-kul'turnye svyazi narodov Yuzhnoy Sibiri* [Historical and cultural relations of South Siberian peoples]. Abakan, 1988, pp. 48–56. (In Russ.).

Obraztsy rechi koybalov. Teksty zapisany, perevedeny i podgotovleny k pechati O. P. Anzhiganovoy [Samples of the speech of Koybal. Samples of speech koibals. Texts written down, translated and prepared for printing by O. P. Anzhiganova]. In: *Hakasskaya dialektologiya: Sbornik statej i materialov*. [Khakas dialectology: Collection of articles and materials]. Abakan, 1992, pp. 174–182. (In Russ.).

Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of origin and development of Finno-Ugric languages]. Moscow, Nauka, 1974, 340 p. (In Russ.).

Patachakova D. F. Dialektnye razlichiya v khakasskom yazyke, vznikshie vsledstvie evolyutsii soglasnykh F i G [Dialect differences in the Khakass language that arose as a result of the evolution of consonants F and G]. In: *Hakasskaya dialektologiya: Sbornik statej i materialov*. [Khakas dialectology: Collection of articles and materials]. Abakan, 1992, pp. 19–31. (In Russ.).

Patachakova D. F. Slovoobrazovanie – aktivnyy istochnik obogashcheniya leksiki sovremennogo khakasskogo yazyka [Word formation is an active source of enrichment of the vocabulary of the modern Khakass language]. *Scientific notes of KhRILLH*. 1973. Abakan, iss. 18, pp. 19–31. (In Russ.).

Patachakova D. F. Sposoby vyrazheniya kategorii mnozhestvennosti v kachinskom dialekte hakasskogo yazyka [Ways to express the multiplicity category in the Kachin dialect of the Khakass language]. *Scientific notes of KhRILLH*. 1964, iss. 10, pp. 3–12. (In Russ.).

Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku. Uchebnoe posobie* [General morphology: Introduction to problems. Textbook]. Moscow, Editorial URSS, 2000, 384 p. (In Russ.).

Ponaryadov V. V. *Opyt rekonstruktsii uralo-mongol'skogo prayazyka* [Experience of reconstruction of the Ural-Mongolian language]. Syktyvkar, 2011, 44 p. (In Russ.).

Rassadin V. I. *Tofalarskiy yazyk i ego mesto v sisteme tyurkskikh yazykov* [Tofalar language and its place in the Turkic language system]. Elista, KalmSU Publ., 2014, 218 p. (In Russ.).

Shirobokova N. N. *Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoy Sibiri* [Relation of the Yakut language to the Turkic languages of Southern Siberia]. L. A. Shamina (Ed. in Ch.). Novosibirsk, Nauka, 2005, 269 p. (In Russ.).

Subrakova V. V. *Sistema soglasnykh sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [System of consonants of the Sagai dialect of the Khakass language: comparative aspect]. I. Ya. Selyutina (Ed. in Ch.). Novosibirsk, 2006, 244 p. (In Russ.).

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2000, vol. 1: A–B, 341 p. (In Russ.).

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2018, vol. 5: C, 180 p. (In Russ.).

Tenishev E. R. К ponyatiyu “obshchetyurkskoe sostoyanie” [To the concept of “general Turkic state”]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1971, no. 2, pp. 13–16. (In Russ.).

Ubryatova E. I. Vzaimodeystvie yazykov na materiale vzaimootnosheniy yakutskogo i evenkiyskogo yazykov [Interaction of languages on the material of relations between Yakut and Evenki languages]. *Doklady i soobshcheniya (Institut yazykoznaniya AN SSSR)*. 1956, no. 9, pp. 85–92. (In Russ.).

Ubryatova E. I. Iz vystupleniya na nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 250-letiyu dobrovol'nogo prisoyedineniya Khakasii k Rossii [From a speech at a scientific conference dedicated to the 250th anniversary of the voluntary accession of Khakassia to Russia]. *Scientific notes of KhRILLH*. 1959, iss. 7, pp. 140–146. (In Russ.).

Материал поступил в редколлегию
The manuscript was submitted on
04.06.2020

Сведения об авторе

Каксин Андрей Данилович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

E-mail: adkaksin@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9632-8286

Information about the Author

Andrey D. Kaksin – Doctor of philology, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: adkaksin@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9632-8286

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2020. № 1 (выпуск 39)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Нежность»

Раздел «Лингвистика»:

редактор *Е. В. Тюттешева*, оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»:

редактор и оператор электронной верстки *Т. В. Дайнеко*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
Институт филологии СО РАН

E-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

Подписано в печать 07.09.2020. Печать цифровая.
Бумага офсетная. Формат 60 × 80/8. Усл. печ. л. 17,25
Тираж 50 экз. Заказ № 163

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре НГУ
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090